

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Сидоров Евгений Сергеевич

**МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН И
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

09.00.11 – социальная философия

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Круглова Инна Николаевна

Красноярск – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. Экспликация социально-философских оснований теории межпоколенческой конфликтности	17
1.1. Критический анализ основных теоретических концепций межпоколенческой конфликтности в социогуманитарном знании XX века.....	17
1.2. Молодежь как «новое поколение» в контексте динамики поколений.....	44
ГЛАВА 2. Генеалогические импликации феномена межпоколенческой конфликтности	64
2.1. Генезис и динамика межпоколенческой конфликтности: генеалогические аспекты.....	64
2.2. Межпоколенческая конфликтность как механизм конституирования индивидуальности.....	88
ГЛАВА 3. Социокультурные констелляции межпоколенческой конфликтности как объяснительно-конститутивные модели социальной реальности	108
3.1. Социокультурные констелляции межпоколенческой конфликтности в традиционном обществе.....	108
3.2. Представления о межпоколенческой конфликтности как конститутивный феномен модернистского общества.....	132
Заключение	167
Список литературы	176

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Взаимосвязь, динамика поколений является одним из ключевых моментов, на которых построена жизнь всякого общества. Смена, преемственность поколений является неотъемлемой частью любого типа деятельности, социальных институтов, семьи, культуры и общества в целом. Динамика поколений предстает перед нами как определенное взаимодействие, а согласно общей позиции социальной науки XX века, впервые сформулированной немецким философом и социологом Г. Зиммелем – всякое социальное взаимоотношение содержит в себе двуединство кооперации и конфликта. Актуальность исследования конфликтного аспекта во взаимодействии поколений, таким образом, основана на необходимости адекватно понять механизм, причины и функциональное назначение проявления конфликтности в столь значимом явлении как межпоколенческие отношения.

Тема противоречия, антагонизма, конфликта между поколениями является одной из ключевых для понимания специфики развития западного типа общества, начиная с эпохи Нового Времени. Прогрессистская идеология, основывающаяся на приоритете новаций над традициями, по сути, находит свое социальное воплощение именно в постоянном воспроизведении противоречия между сменяющимися друг друга поколениями. А там, где мы можем увидеть противоречие, можно предполагать и конфликт, антагонизм – конфликтность, в широком смысле слова. Для современного общества, находящегося на стадии глобализации, размывания традиционных культурных границ, исследование конфликтных, т.е. выражающих противоречие, аспектов межпоколенческой динамики, является особенно значимым.

Интерес к проблеме межпоколенческой конфликтности возрос в середине XX века на волне так называемого «студенческого бунта» в странах Европы и США. В отечественной науке интерес к проблеме взаимоотношений между

поколениями также оказался социально обусловлен и возрос в результате событий Перестройки, когда многие философы, социологи связывали деструктивные общественные тенденции с нигилизацией общества, в том числе, ввиду ситуации «разрыва поколений», когда младшее поколение оказалось оторвано от социокультурного опыта прошлого и вошло в своеобразную конфронтацию с поколением своих родителей. Таким образом, оказывается весьма актуально осмысление конфликтности межпоколенческих отношений как входящих в процессы общественного развития и, в определенном смысле, способных определять характер наличного состояния общества.

В то же время необходимо отметить, что конфликтность межпоколенческих отношений является устойчивым представлением общественного сознания. Данное представление существует как в рамках обыденного, повседневного сознания, репрезентирующего его в качестве «вечной темы» существования человека, так и в качестве имплицитно присутствующего в различных сферах общественного сознания на протяжении почти всей истории человечества – его следы можно обнаружить в различных мифологических и религиозных традициях, в произведениях искусства. Тема межпоколенческой конфликтности, первоначально скрыто, но затем все более явно начинает обозначаться в научно-теоретической мысли Нового Времени, являющейся отображением динамики становления модернистского типа общества. Данное обстоятельство нужно дополнить и пониманием того факта, что за всем многообразием репрезентирующих понятий, коррелирующих с общей идеей конфликтности межпоколенческих отношений («конфликт поколений», «проблема поколений», «проблема отцов и детей», «разрыв поколений», «кризис поколений», «generations gap»), скрывается огромный спектр проявлений этой самой конфликтности на совершенно разных уровнях социального бытия – в семье, отдельных институтах, обществе и культуре в целом.

Актуальность данного исследования заключается в выработке подходов к объяснению феноменального многообразия проявлений межпоколенческой конфликтности на всех уровнях общественного бытия, а также в рассмотрении

взаимообусловленности межпоколенческой конфликтности в качестве феномена социального бытия и тех представлений о ней которые существуют в общественном сознании.

Степень теоретической разработанности проблемы. Еще Ф. Ницше говорил о напряжении между поколениями как об основании антропологии «третьего человека», превосходящего установившиеся рамки и традиции¹. Имплицитно данная проблема затрагивается К. Марксом и Ф. Энгельсом которые отмечали в «Немецкой идеологии», что именно в динамике поколений происходит постоянное отрицание отжившего и созидание новаторского, что характеризует саму историю человечества².

Постановку проблемы конфликтного характера отношений между поколениями осуществил З. Фрейд³. В психоаналитической традиции конфликтность межпоколенческих отношений изучали А. Адлер, В. Райх, Э. Фромм, О. Ранк, К. Хорни⁴. Социально-философское осмысление антагонистичности межпоколенческих отношений происходит в 60-х гг. XX века на волне событий «студенческого бунта». Во фрейдомарксистском ключе осмысливает конфликтную сторону взаимоотношений поколений в обществе Г. Маркузе, который сформулировал наиболее популярную версию «конфликта поколений», рассматривавшую его как «универсальный», «вечный» мотив человеческой истории, как движущую силу развития и источник революционного преобразования общества. В это же время появляются теории «конфликта поколений» Л. Фойера, «кризиса поколений» Ж. Манделя, «разрыва поколений» М. Мид⁵. В сходном ключе строят свои концепции межпоколенческой

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 2010. 319 с.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология М., 1988. 592 с.

³ Фрейд З. Семейный роман невротиков: сборник. СПб, 2012. 224 с.; Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности / Психология бессознательного. М., 2008. С 139 – 256.

⁴ Адлер А. Понять природу человека. М., 1997. 240 с.; Райх В. Сексуальная революция. М., 1997. 352 с.; Фромм Э. Забытый язык. М., 2010. 315 с.; Ранк О. Миф о рождении героя. М., 1997. 252 с.; Хорни К. Невротическая личность нашего времени. СПб, 2002. 224 с.;

⁵ Маркузе Г. Очерк об освобождении. М., 1970. 80 с.; Feuer L.S. The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movement. New York, 1969. 527 p.; Mendel G. La crise de generations. Etude sociopsychanalytique. P., 1974. 272 p.; Mead M. Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap. NY., 1970. 128 p.

конфликтности Л. Розенмайр и Н. Бирнбаум⁶. Когерентными в смысловом и временном диапазоне теориям «конфликта поколений» оказались теории контркультуры, которые разрабатывали Т. Роззак и Ч. А. Рейч⁷. Интерес представляет теория «контракультуры» американского ученого Дж. М. Йингера⁸, выступающая в качестве альтернативы классическим концепциям контркультуры. Критику теорий «конфликта поколений» осуществили социологи С. Липсет и А. Турен⁹.

В советской социогуманитарной науке теории «конфликта поколений» подверглись критической оценке. Данные теории анализировали и критиковали Ю.В. Еремин, С.Н. Иконникова, И.С. Кон¹⁰. Проблематика межпоколенческих отношений рассматривалась, как правило, в ракурсе изучения процессов преемственности и профессиональной мобильности между поколениями (В. Н. Боряз, Л. Н. Коган, и др.)¹¹.

В современной отечественной социологии в качестве реакции на события Перестройки произошла актуализация проблемы конфликта или разрыва поколений. В это время данную тему разрабатывали В. И. Чупров, В. Т. Лисовский, Е. Л. Омельченко, В. В. Семенова¹². Указанные авторы опираются на теорию межпоколенческой динамики К. Мангейма и рассматривают конфликт поколений как механизм социальной эволюции при условии наличия диалога

---

⁶ Rosenmayr L. Introduction: nouvelles orientations theoriques de la sociologie de la jeunesse / *Revue international des sciences sociales*. Paris, 1972. Vol. XXIV. Nr. 2. P. 227 – 271.; Birnbaum N. *The Crisis of Industrial Society*. Oxford University Press, 1969. 185 p.

⁷ Roszak Th. *The Making of a Counterculture: Reflections on the Technocratic Society and its Youthful Opposition* L.A., 1995. 310 p.; Рейч Ч. *Молодая Америка / Мировая экономика и международные отношения*. 1971. № 10.

⁸ Yinger J. M. *Contraculture And Subculture* [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/2090136?uid=3738936&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21104051123267>

⁹ Lipset S. M. *Rebellion in the University (Foundations of Higher Education)*. Transaction Publishers, 1993. 372 p.; Touraine, A. *Universite et Societe Aux Etats-Unis*. Editions du Seuil, 1972.

¹⁰ Еремин Ю. В. *Миф о конфликте поколений*. М., 1973. 64 с.; Иконникова С.Н., Кон И.С. *Молодёжь как социальная категория*. М., 1970. 14 с.; Кон И.С. *НТР и проблемы социализации молодёжи*. М., 1988. 63 с.

¹¹ Боряз, В.Н. *Молодёжь: методологические проблемы исследования*. Л., 1973.155 с.; Коган Л. Н. *Понятие «поколение» в теории научного коммунизма / Научный коммунизм*. 1974. № 5. С. 70-77.

¹² Чупров В.И., Зубок Ю.А. *Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы* М., 2000. 114 с.; Лисовский, В. Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях [электронный ресурс] / *Социологические исследования*, 2002. – режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/302/234/1217/016.LISSOVSKI.pdf>; Омельченко Е. Л. *Молодежные культуры и субкультуры*. М., 2000. 262 с.; Семенова, В. В. *Дифференциация и консолидация поколений в условиях трансформирующегося общества*. [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Pokolenie_transf_obschestvo_Semenova.pdf

между поколениями. Критическую позицию по отношению к теориям «конфликта поколений» занимает в современной российской науке Вал. А. Луков¹³.

В современной западной науке пользуется популярностью концепция динамики поколений Н. Хоува и У. Стросса, трактующих конфликтную тенденцию межпоколенческих отношений как отрицательную комплементарность сменяющих друг друга поколений-архетипов¹⁴. В отечественной науке она нашла отражения в работах В. А. Светлова¹⁵.

Отдельный срез в рассмотрении исследовательской проблемы представляет тема «поколения» как социального феномена. «Поколение» как социально-философская проблема изучалась в позитивистской традиции (О. Конт, Г. Спенсер, Дж. С. Милль) и романтико-исторической школе (В. Дильтей)¹⁶. Первую синтетическую, всеобъемлющую теорию поколений и их динамики предложил К. Мангейм¹⁷. Проблемой поколений также занимались П. Сорокин, Х. Ортега-и-Гассет, Д. Кертцер, Т. Шанин, Б. Дубин¹⁸.

Учитывая общую тенденцию при осмыслении проблемы межпоколенческой конфликтности, одним из значимых срезов нашего исследования стал теоретический анализ *проблемы молодежи. В сфере возрастной психологии* мы опирались на работы Г. Стэнли Холла, К. Грооса, В. Штерна, Ш. Бюлер, Э. Шпрангера, Э. Эриксона, И. Ю. Кулагиной¹⁹. Другой гранью рассмотрения

¹³ Луков Вал. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: науч. Монография. М., 2012. 528 с.

¹⁴ Howe N., Strauss W. Millennials rising: the next great generation. Vintage Books, 2000. 432 p.

¹⁵ Светлов В. А. Конфликт и эволюция: От генетических конфликтов к конфликту поколений. М., 2012. 160 с.

¹⁶ Конт О. Основные законы социальной динамики, или общая теория естественного прогресса человечества / Философия истории. Антология. М., 1995. С. 116 – 130.; Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские [электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.ru/FILOSOF/SPENSER/opyty1.txt>; Милль Дж. С. О свободе / О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М. 1995. С. 288 – 392.; Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996. 160 с.

¹⁷ Мангейм К. Проблема поколений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://socioline.ru/pages/poleznye-fajly>

¹⁸ Сорокин П. А. Система социология. М., 2008. 1008 с.; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс М., 2005. 272 с.; Kertzer, D. Generation as a Sociological Problem [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://campus.fsu.edu/bbcswebdav/institution/academic/social_sciences/sociology/Reading%20Lists/Aging%20Readings/Kertzer_AnnualReview_1983.pdf; Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России : под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М., 2005. 328 с.; Дубин Б. В. Поколение: социологические границы понятия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2002/04/17/474861/>

¹⁹ Stanley Hall G. Youth: Its Education Regimen and Hygiene. 2008. 368 p.; Groos K. The Play of Animals (Studies in Play and Games). Arno Press, 1976. 341 p.; Stern W., Stern C. Psychologie der fruhen Kindheit. Kessinger Publishing, 2010. 394 p.; Bühler C. Drei Generationen im Jugendtagebuch. Jena, 1934.; Шпрангер Э. Психология

данной проблемы стали работы из области *социологии молодежи*, здесь нами были проанализированы работы: К. Мангейма, Т. Парсонса (концепция молодежи в контексте социализации как адаптации), Ф. Малера, М. Карвата и В. Миляновского (концепция социальной субъектности молодежи), П.-С. Митева, М. Н. Руткевича, Ю. А. Зубок (рискологическая концепция), О. В. Степанищенко, В. В. Павловского²⁰.

Предпосылки осмысления конфликта в качестве социального явления можно найти в работах классиков немецкой философии – И. Канта и Г. Гегеля²¹. Осмыслением конфликта как социального явления занимались: М. Вебер, Г. Зиммель, Л. Козер, Р. Дарендорф, Н. Элиас, Р. Парк, Р. Мертон, К. Боулдинг²². Из отечественных исследователей можно выделить работы А. Г. Здравомыслова, В. А. Светлова, В. Н. Кудрявцева, М. М. Лебедевой²³.

При исследовании генеалогического среза межпоколенческой конфликтности мы обратились к теме философского осмысления института семьи, прежде всего, к сформированному в отечественной философии подходу, заключающемуся в рассмотрении семьи в качестве уникального, самоценного бытия. В русле данного подхода следуют как классики отечественной философии

юношеского возраста = // «Педология юности». М.-Л., 1931.; Эриксон Э. Идентичность. Юность. Кризис. М., 1996. 344 с.; Кулагина И.Ю. Возрастная психология: развитие ребенка от рождения до 17 лет. М., 1999. 175 с.

²⁰ Мангейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М., 2010. 744 с.; Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. 270 с.; Mahler F. Introdúcere In Juventologie. Bucharest, 1983. 296 p.; Karwat M., Milanowski W. Со konieczne i со możliwe. Wydawn, 1988. 296 p.; Митев П. – Э. Ценностные ориентации молодежи в условиях перехода к рынку. // Молодежь и общество на рубеже веков. М., 1999. С. 104 – 112.; Руткевич М.Н., Рубина Л.Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. М., 1988. 244 с.; Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М., 2007. 288 с.; Степанищенко О. В. Исследование молодежи как особой социальной группы в социально-гуманитарных науках. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sj.kubsau.ru/2011/09/47.pdf>. Павловский, В.В. Ювентология: проект интегративной науки о молодёжи: Научная монография. М., 2001. 304 с.

²¹ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/lib/kant-idea.htm>; Гегель Г. Ф. В. Философия права. М., 1990. 524 с.

²² Вебер М. Избранные произведения М., 1990. 808 с.; Зиммель Г. Избранное: в 2 т. М., 1996. 2 т. 397 с.; Козер Л. Функции социального конфликта М., 2000. 295 с.; Дарендорф Р. Тропы из Утопии. М., 2002. 536с.; Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001. 330 с.; Парк Р. Избранные очерки: Сб. переводов. М., 2011. 320 с.; Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 880 с.; Боулдинг К.Э. Общая теория систем – скелет науки: исследования по общей теории систем. М., 1969. 520 с.

²³ Здравомыслов А.Г. Проблема взаимоотношений конфликтов на макро- и микроуровнях // Социальный конфликт., 1994. № 1. С.5-18; Светлов, В. А, Семенов В. А. Конфликтология: Учебное пособие. СПб., 2011. 352 с.; Кудрявцев В.Н. Социальные деформации (причины, механизмы, пути преодоления). М., 1992. 133 с.; Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. М., 1997. 272 с.

– Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, В.С. Соловьев, так и современные исследователи М. С. Мацковский, Е. Б. Рашковский²⁴.

Один из вариантов осмысления генеалогических отношений, развития в них конфликтной тенденции, можно обнаружить в теории «двойного послания» (double blind), возникшей в рамках психиатрии и ныне инкорпорированной в философский дискурс, например, в работах Р. Жирара, а в отечественной философии И. Н. Кругловой²⁵.

При рассмотрении процессов становления личности как основы для формирования конфликтных тенденций мы опирались на теорию когнитивного развития Ж. Пиаже, теорию социального конструкционизма П. Бергера, Т. Лукмана, теорию «зеркального Я» Ч. Кули, теорию инактивированного познания Ф. Варелы. Темпоральное измерение процесса становления личности было осмыслено в концепции экзистенциального времени Ж.-П. Сартра²⁶.

Проблему бытия Я с Другим, проблемы понимания и признания разрабатывали С. Кьеркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, К. Ясперс, М. Бубер, Э. Левинас, М. Фридман, Г.Г. Гадамер, П. Рикёр. Особенное значение мы придаем теории признания, рассмотренной П. Рикёром в работе «Путь признания»²⁷.

---

²⁴ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. 256 с.; Розанов В.В. Семейный вопрос в России // Семья. Книга для чтения. Кн. 2. М., 1991. 527 с.; Соловьев В.С. Смысл любви. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1988. 822 с.; Мацковский М.С. Социология семьи. Проблемы, теории, методологии и методики. М., 1989. 116 с.; Рашковский Е. Б. Феномен семьи (междисциплинарные заметки). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=219&Itemid=52

²⁵ Жирар Р. Насилие и священное. М., 2010. 448 с.; Круглова И. Н. Онтологические и культурантропологические основания феномена жертвенности в контексте генезиса символа судьбы : дис. ...док.фил.наук. : 09.00.01. Т, 2010. 267 с.

²⁶ Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.net/books/rech-i-myshlenie-rebenka-read-180198-1.html>; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.; Кули Ч. Социальная самость. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://society.polbu.ru/sociology_hrestomatia/ch13_i.html МГУ.1994.; Varela F.J. Patterns of Life: Interwining Identity and Cognition // Brain and Cognition. Vol 34. 1997. P. 72 - 87.; Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2002. 640 с.

²⁷ Кьеркегор С. Страх и трепет: Этические трактаты. М., 1993. 382 с.; Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. М., 1994. 352 с.; Хайдеггер М. Тождество и различие [электронный ресурс]. М., 1997. – Режим доступа: www.PHILOSOPHY.ru/library/heideg/tozh-i-dif.html; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. 527 с.; Бубер, М. Я и Ты. М., 1993. 175 с.; Левинас Э. Гуманизм другого человека. // Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998. С. 123 - 244.; Friedman M. Dialogue, Speech, Nature, and Creation Franz Rosenzweig's Critique of Buber's "I and Thou". // Modern Judaism, Vol. 13, No. 2 (May, 1993), - pp. 109-118.; Гадамер Г. – Г. Актуальность прекрасного М., 1991. 367 с.; Рикёр П. Путь признания. М., 2010. 268 с.

Специфика примитивного и традиционного общества в контексте проблемы исследования рассматривается в работах Э. Дюркгейма, А. Р. Рэдклифф-Брауна, К. Леви-Стросса, М. Элиаде, Й. Хейзинги, И. Н. Кругловой²⁸.

При исследовании специфики воспитания в традиционном и модернистском обществе мы опирались на работы Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Э. Кей, А.-И. Марру²⁹.

Исследованием отображения межпоколенческой конфликтности в эстетической традиции занимались З. Фрейд, Р. Жирар, Э. А. Радь, Е. М. Караваева, П. А. Карагина, А. Р. Лисенко³⁰.

Постановка проблемы исследования. Проблемная ситуация заключается в необходимости исследовать значение и роль конфликтных взаимоотношений с индивидами, являющимися медиаторами социокультурного опыта в процессе становления человеческой личности. А так же необходимо понять, каким образом в различных конкретно-исторических типах общества реализуется взаимосвязь сменяющих друг друга поколений и как особенности взаимоотношений между поколениями влияют на специфику культуры и общества?

Цель и задачи исследования.

Цель диссертационной работы – исследовать генезис и динамику межпоколенческой конфликтности как феномена человеческого бытия, а также

---

²⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. 432 с.; Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М., 2001. 304 с.; Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2011. 541 с.; Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. М., 2012. 622 с.; Элиаде М. История веры и религиозных идей: От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М., 2008. 676 с.; Хейзинга Й. Homo Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб., 2011. 416 с.; Круглова И. Н., Круглов В. Л. Культы судьбы и судьбы культуры (опыт герменевтико-антропологического прочтения): Монография. Томск, 2010. 260 с.

²⁹ Локк Дж. Сочинения в трёх томах: Т. 3. М., 1988. 670 с.; Руссо Ж.-Ж. Эмиль или о воспитании // Сочинения. Калининград, 2001. С. 179 – 373.; Кей Э. Век дитяти. М., 1906. 261 с.; Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). - М., 1998. 427 с.

³⁰ Фрейд З. Достоевский и отцеубийство. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/dostoevsky/freid.html>; Жирар Р. Достоевский: от двойственности к единству М., 2013. 162 с.; Радь Э. А. Конфликт поколений и ситуация выбора в произведениях литературы Древней Руси и XVIII века : К истории сюжета о блудном сыне: дис. ... канд.филол.наук.: 10.01.01. Самара, 2001. 169 с.; Караваева Е. М. Конфликт поколений в романах Максин Хонг Кингстон и Эми Тэн : к проблеме поиска идентичности в азиатско-американской литературе США последней трети XX века : дис. ... канд. Филол. Наук. : 10.01.03 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/konflikt-pokolenii-v-romanakh-maksin-khong-kingston-i-emi-ten-k-probleme-poiska-identichnost>; Карагина П.А. Конфликт поколений в современном китайском кинематографе [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.synologia.ru/a/Конфликт_поколений_в_современном_китайском_кинематографе; Лисенко А. Р. Конфликт отцов и детей в немецкой драме XX века : автореф. Дис. канд.филол.наук. : 10.01.03. Казань, 2014. 24 с.

как устойчивого представления, проявляющегося в различных формах общественного сознания.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Проанализировать основные теоретические направления в исследовании феномена межпоколенческой конфликтности;

2. Рассмотреть сущность молодежи как «нового поколения» в контексте динамики поколений в обществе и проанализировать конфликтные процессы, имплицитно заложенные в межпоколенческие отношения;

3. Раскрыть причины генезиса и динамики конфликтной тенденции межпоколенческих отношений в процессе индивидуализации человека;

4. Выявить значимость развития конфликтной конфигурации в личностно-семейных отношениях поколений для становящейся личности и для ее отношений с бинарным оппонентом, т.е. со своим родителем (родителями);

5. Выработать методологический инструментарий и проанализировать представления, связанные с конфликтностью межпоколенческих отношений в мифологических и религиозных традициях, и на этом основании определить специфику традиционного типа общества;

6. Рассмотреть представления о межпоколенческой конфликтности в научных, философских и эстетических традициях современной культуры, эксплицируя межпоколенческую конфликтность как объяснительно-конститутивный принцип развития модернистского типа общества.

Объектом исследования являются межпоколенческие отношения на уровне семейного и общественного бытия. **Предметом исследования** является межпоколенческая конфликтность как конститутивное основание становления личности и общества.

Методологическая основа исследования. В соответствии с перечнем сформулированных задач в работе используются следующие методы:

1. *Компаративистский анализ.* Данный метод позволил корректно выделять и формулировать различные аспекты проблемы межпоколенческой конфликтности в ходе анализа научных направлений, подходов, теорий и

концепций, выявляя слабые места и достоинства в их обосновании и аргументации.

2. *Социальный конструкционизм.* Использование теории социального конструкционизма П. Бергера, Т. Лукмана позволило раскрыть специфику процесса становления личности в контексте ее взаимоотношений с медиаторами опыта – первичными и вторичными «значимыми другими». Рассматривая процесс взаимодействия человека и его среды как процесс активного конструирования реальности «из себя», т.е. как процесс экстернализации опыта, теория социального конструкционизма дала возможность проанализировать специфику актуализации межпоколенческой конфликтности в межличностных отношениях как основанную на противоречии теоретических представлений, конструктов, ориентирующих человека в его реальности.

3. *Регрессивно-прогрессивная методология П. Рикёра.* Использование регрессивно-прогрессивной методологии позволило трактовать социокультурные представления (символы, теории) как одновременно объяснительные и конститутивные элементы реальности – с одной стороны, описывающие, стремящиеся осмыслить ряд определенных событий, происходящих на эмпирическом уровне реальности, а с другой – воздействующие, изменяющие саму эту реальность в процессе ее объяснения. Данный метод был применен в процессе анализа теоретических, мифологических и религиозных представлений, а также в анализе произведений искусства, вскрывающих смысловые коннотации межпоколенческой конфликтности.

4. *Тезаурусный подход.* Данный подход позволил нам рассматривать межпоколенческую конфликтность в качестве концептуального феномена социальной реальности, раскрывающегося через многообразие своих феноменальных проявлений и фиксирующегося в рамках широкого семантического поля. Использование тезаурусного подхода помогло нам проанализировать межпоколенческую конфликтность в качестве одного из конструктов, представлений, структурирующих социальное пространство современного человека.

Новизна исследования. Впервые в отечественных исследованиях:

1. Проведена критика социально-философских оснований классических концепций «конфликта поколений».

2. Исследованы генезис и динамика феномена межпоколенческой конфликтности в генеалогических отношениях в контексте конструкционистских и когнитивистских теорий, позволяющих изучать человеческое бытие как основанное на специфике когнитивной деятельности человека, конструирующего свою социальную реальность посредством представлений.

3. Продемонстрирован эвристический потенциал регрессивно-прогрессивной методологии культурной герменевтики П. Рикёра применительно к исследованию социальной реальности, в которой символические формы человеческой культуры – мифы, религиозные традиции, научные теории, произведения искусства и обыденные представления рассматриваются как объяснительно-конститутивные корреляты социокультурной реальности.

4. Введено понятие «социокультурной констелляции» – теоретической модели, позволяющей рассматривать социальную действительность в контексте динамики порождения и развития репрезентирующих ее социокультурных представлений, выступающих в качестве объяснительно-конститутивных моделей социальной реальности.

5. Разработана концепция, раскрывающая природу межпоколенческой конфликтности в качестве представления, социокультурного конструкта, связанного с процессом познания и ориентацией людей в социальной реальности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Понятие «поколение» является бинарным, включающим в себя оппозицию «нового» и «не-нового» и представляет собой поколенческий тип стратификации, пронизывающий все уровни социального бытия, при помощи которого конституируется социокультурное пространство человека и общества.

2. Межпоколенческая конфликтность в генеалогических отношениях возникает как реализация когнитивного основания бытия человеческой личности, интерпретирующей представления, транслируемые первичными «значимыми

другими» (родителями) при переходе к стадии вторичной социализации и активному взаимодействию с окружающей действительностью.

3. Межпоколенческая конфликтность в генеалогических отношениях, воплощаясь в реальных конфликтах между поколениями, выступает в качестве борьбы за взаимное признание, раскрывая телеологию семейного бытия, в горизонте которого находит завершение процесс формирования личности.

4. Межпоколенческая конфликтность – это сторона человеческих отношений, предполагающая «межпоколенческий агон», т.е. напряженность, соревновательность между поколениями, интерпретируемую в символических формах человеческой культуры, социокультурных представлениях, являющихся объяснительно-конститутивным коррелятом социальной реальности.

5. Для примитивного и традиционного общества характерна «инициатическая» конфликтность поколений, основанная на воспроизводстве ритуала инициации, являющаяся механизмом поддержания статической специфики традиционного общества и находящая отражение в мифологическом представлении о «брошенном и преследуемом ребенке».

6. Для модернистского общества характерен «новационный» тип межпоколенческой конфликтности, заключающийся в постоянном порождении новых социокультурных смыслов и способов деятельности, вступающих в противоречие с традиционными социокультурными формами, что отражается в бинарном напряжении между поколениями-элитами, сменяющими друг друга в различных сферах общественной жизни, и находит соответствующее отражение в «прогрессистских» представлениях, свойственных эпохе Нового Времени.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования:

1. В рамках исследовательского проекта реализовано новое понимание специфики взаимоотношений поколений, как на уровне межличностных, так и групповых отношений, позволяющее переосмыслить различные аспекты взаимоотношений между поколениями.

2. Обозначенное в диссертационном исследовании понимание «социокультурных констелляций» в качестве объяснительно-конститутивного

феномена социальной реальности может быть использовано в качестве методологического основания в исследованиях феноменов общественного бытия в контексте их диалектики с репрезентирующими данные феномены представлениями.

3. Разработанная в диссертационном исследовании классификация семейных конфликтов между поколениями и классификация исторических типов межпоколенческой конфликтности может быть использована при проведении психологических, исторических, социологических и культурологических исследований, что встраивает данное исследование в контекст междисциплинарности современного гуманитарного знания и в присущую ему тенденцию сближения философского и научно-научного знания.

4. Положения диссертационного исследования могут быть использованы при анализе конфликтных ситуаций и конфликтов в межличностных и групповых отношениях.

5. Результаты диссертации могут быть использованы в качестве теоретической и методологической базы исследований специалистов, философов и научных работников, изучающих проблемы социальной философии, философской антропологии и философии культуры.

6. Некоторые результаты диссертации могут быть использованы при подготовке и чтении вузовских курсов по социальной философии, философии культуры и общей конфликтологии.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на кафедре философии Сибирского Федерального Университета, одобрена и рекомендована к защите.

Результаты диссертационного исследования опубликованы в четырех статьях из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК, в которых должны быть представлены основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, и четырех статьях в прочих изданиях.

Основные положения диссертации обсуждались на теоретических семинарах кафедры философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Результаты исследования докладывались на российских и региональных конференциях: Современное знание: гуманитарный дискурс (Красноярск, СФУ, 2011), Культура и искусство сибирского города: традиции и современность (Красноярск, КГАМиТ, 2012).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав (шесть параграфов), заключения и списка литературы, состоящего из 190 источников.

ГЛАВА 1. ЭКСПЛИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ ТЕОРИИ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

1.1. Критический анализ основных теоретических концепций межпоколенческой конфликтности в социогуманитарном знании XX века.

В данном параграфе мы рассмотрим спектр психологических, социологических и культурно-антропологических теорий, имеющих непосредственное отношение к межпоколенческой конфликтности в контексте социально-философского анализа данной проблемы. Ограничение аналитического материала рамками XX века продиктовано тем обстоятельством, что лишь в XX веке проблематика межпоколенческих отношений стала эксплицитно присутствовать в социогуманитарном дискурсе. Анализ имплицитных мотивов, содержащихся во многих других теориях, является отдельной задачей, которая будет реализована в последующем изложении. Нашей основной задачей является, во-первых, проведение критического анализа исторически оформившихся в прошлом столетии теорий, связанных с межпоколенческой конфликтностью, и, во-вторых, поиск противоречий и узловых моментов данной проблемы, эвристически ценных для нашего дальнейшего исследования.

Однако прежде чем перейти к анализу данных теорий, необходимо внести ясность в то различие, которое проводится между понятиями «конфликт» и «конфликтность» в контексте работы. Обратимся к основным социологическим и социально-философским теориям, конституирующим современное научное прочтение социального конфликта.

Немецкий философ, Г. Зиммель, рассматривал общество как систему, объединяющую индивидов на основе их интеракций. Одной из важнейших

взаимосвязей между ними является борьба (конфликт). Конфликт, равно как и кооперация, согласно Г. Зиммелю, есть интеракция, интегральная обществу – она присутствует, как на уровне государства, так и на уровне отдельных индивидов. Конфликт, по мнению ученого, является неотъемлемой частью и самых близких – интимных – отношений. Г. Зиммель видел в конфликте своего рода оздоравливающее кровопускание. Конфликт связывает индивидов посредством конфликтного взаимодействия, создавая поле для будущего консенсуса. Ученый полагал, что: «...конфликт может приводить к социальной интеграции и, обеспечивая выход враждебности, усиливать социальную солидарность»³¹. Иными словами, конфликт служит механизмом избавления от враждебности и открывает перспективы консенсуса и развития, а также является необходимой и неизбежной характеристикой сущности человеческого бытия: «У человека действительно есть формальное влечение враждебности как парная противоположность потребности в симпатии... Интересы различного рода столь часто побуждают к борьбе за определенные блага, к оппозиции определенным личностям, что, вполне вероятно, в качестве остатка в наследственный инвентарь нашего рода могло перейти состояние возбуждения, само по себе пробуждающее к антагонистическим выражениям»³².

Немецкий социолог, Л. Козер считал, что в условиях наличия противоположных интересов, целей и стремлений у общественных групп, конфликт выполняет конструктивную функцию элиминирования причин недовольства. Социальный конфликт способствует оздоровлению общества – является способом приспособления норм к изменившимся условиям. Л. Козер предложил различать само конфликтное взаимодействие – т.е. собственно конфликтное действие (когда акторы конфликта осознают то, что они таковыми являются) и конфликтную ситуацию – своего рода фон, ту атмосферу, в которой заложены причины конфликта, но самого действия еще нет, и само противоречие еще не осознается достаточно четко.

---

³¹ Светлов В. А., Семенов В. А. Конфликтология. СПб., 2011. С. 30.

³² Зиммель З. Избранное. Т.2. М., 1996. С.504

В отличие от Л. Козера и Г. Зиммеля, англо-германский философ и социолог, Р. Дарендорф, не придает большой роли осознанию конфликтного противоречия: «для характеристики отношений как конфликтных степень осознания противоречия не существенна»³³. Если конфликтная ситуация не осознается – конфликт является латентным, пороговым – но он существует, а его развертывание, как непосредственной социальной интеракции – лишь стадия «жизни» конфликта: «Конфликт – любое отношение между элементами, которое можно охарактеризовать через объективные (латентные) или субъективные (явные) противоположности»³⁴; наличие же открытой борьбы не является необходимым условием существования конфликта. Р. Дарендорф связывал сущность социального конфликта с тем, что он является механизмом, способствующим социальным изменениям, определяющим формы и размеры изменений, чья роль может быть адекватно оценена лишь в ретроспективе: «...конфликт ускоряет изменения, можно считать, что принуждение поддерживает конфликты... В формальном смысле в социальных конфликтах речь всегда идет об основах принуждения»³⁵. Конфликты бывают скрытыми и явными, мирными и резкими, мягкими и напряженными. Конфликт помогает конструктивному преодолению общественных антагонизмов и «...дает большую надежду на достойное и рациональное освоение жизни»³⁶.

Рассмотренные выше концепции позволяют нам обозначить основные контуры понимания понятия конфликта. Строго говоря, применительно к нашему исследованию, «конфликт» представляется не вполне удовлетворительным понятием в эвристическом плане. Это происходит, как ввиду определенных нюансов в самих проанализированных концепциях, так и ввиду особенности применения данного понятия к межпоколенческим отношениям.

Во-первых, во всех проанализированных теориях можно отметить определенное теоретическое напряжение между пониманием конфликта как

---

³³ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142

³⁴ Там же.

³⁵ Дарендорф Р. Тропы из Утопии. М., 2002. С. 357

³⁶ Светлов В. А., Семенов В. А.. Конфликтология. СПб., 2011. С. 69.

тенденции и конфликта как эксцесса. У Г. Зиммеля конфликт понимается однозначно как эксцесс – разрешение враждебности (которая и есть тенденция отношений). Для Л. Козера конфликт также идентичен собственно конфликтному эксцессу; тенденция же отношений, которая приводит к конфликту, обозначается как «конфликтная ситуация», «конфликтный фон». Р. Дарендорф переносит акцент с эксцесса на тенденцию – с самого конфликта на конфликтное отношение. Конфликт выступает в качестве характеристики отношений, содержащих какую-либо противоположность, а противоположность изначально заложена в любые отношения. Конфликт выходит за рамки собственно конфликтного эксцесса за счет присоединения к нему самой конфликтной тенденции.

Во-вторых, употребление понятия «конфликт» применительно к межпоколенческим отношениям является проблематичным ввиду распространенности словосочетания «конфликт поколений» и ассоциации данного термина с рядом достаточно устаревших на сегодняшний день теорий. Ввиду этого, словосочетание «конфликт поколений» мы собираемся употреблять именно в качестве маркера ряда определенных теорий, критикуемых нами.

Поскольку объектом нашего исследования является весь возможный спектр проявления противоречивости, противоположности, антагонизма между поколениями (поколениями в семье, социальных институтах, обществе и культуре в целом), постольку требуется расширить понятие «конфликта» именно за счет включения в него и конфликтной ситуации, предшествующей самому конфликтному эксцессу – тенденции, которая должна рассматриваться как условие, причина и фон гипотетически возможного эксцесса. В данном случае мы отходим от зиммелевского тождества конфликта и эксцесса, но признаем его идею о всеобщности конфликта как неотъемлемой составной части любых человеческих отношений. Но отметим, что неотъемлемым нам представляется не сам конфликт как эксцесс, а его потенциальность – т.е. всеобщей является предрасположенность к конфликту – конфликтная ситуация, конфликтный фон – то, что мы будем называть «конфликтностью».

В данной диссертационной работе под «конфликтом» будет пониматься сам конфликтный эксцесс, некое событие – реальный конфликт. Подобный конфликт применительно к межпоколенческим отношениям мы будем называть «межпоколенческим конфликтом» (в то время как термин «конфликт поколений» будет использоваться как наименование ряда определенных теорий и в контексте цитирования данных теорий). «Конфликтность» будет трактоваться в узком и широком смысле. В узком смысле «конфликтность» интерпретируется как потенциальная форма возможных конфликтов, их условия и причины, заложенные в определенные (в данном случае межпоколенческие) отношения. В широком смысле «конфликтность» рассматривается как синтез потенциального и актуального уровней развития определенной (собственно конфликтной) тенденции в межпоколенческих отношениях – т.е. в единстве условий, причин и того феноменального многообразия, которое данные потенциальные условия могут принять при разворачивании данных отношений. То есть, строго говоря, под «межпоколенческой конфликтностью» мы будем понимать причины, условия возможных конфликтов и сами эти конфликты во всех отношениях, которые могут быть названы межпоколенческими. В конечном счете, именно на описании и объяснении специфики межпоколенческой конфликтности в широком смысле и будет сосредоточен наш исследовательский интерес.

Теперь мы можем перейти к критическому анализу основных теорий, связанных с конфликтностью межпоколенческих отношений.

Первым исследователем, затронувшим тему межпоколенческой конфликтности, был З. Фрейд. Проблема межпоколенческих отношений проявляется уже в ранних сочинениях З. Фрейда, в таких работах, как «Анализ фобии пятилетнего мальчика», «Три очерка по теории сексуальности» и «Семейный роман невротиков». В последней из указанных статей З. Фрейд наиболее четко декларирует проблему взаимоотношений поколений и их специфически конфликтный характер: «Отделение подрастающего индивида от авторитета родителей — один из самых необходимых, но и самых болезненных результатов развития. Совершенно необходимо, чтобы это отделение произошло,

и можно предположить, что каждый нормально сформировавшийся человек в известной мере осуществил его. Да, общественный прогресс вообще основывается на этом антагонизме двух поколений»³⁷. Далее З. Фрейд пишет: «Для маленького ребенка родители, прежде всего, являются единственным авторитетом и источником всяческого доверия. ... Однако по мере интеллектуального развития ребенок с необходимостью постепенно узнает, к какой категории относятся его родители. Он знакомится с другими родителями, сравнивает их с собственными и так получает право сомневаться в приписываемой им бесподобности и неповторимости. Незначительные события в жизни ребенка, которые вызывают его недовольство, дают ему повод критиковать родителей»³⁸. Возникающее чувство враждебности З. Фрейд выводит, прежде всего, из психических движений душевной жизни ребенка. З. Фрейд указывает на наличие определенной фрустрации в чувствах ребенка, когда те не встречают полной взаимности со стороны объекта изначального подражания, т.е. родителя, и когда родители в процессе их узнавания ребенком оказываются далеки от своего изначального идеализированного образа. Это запускает внутреннюю критику и враждебность по отношению к тому, кто еще недавно представлялся бесспорным авторитетом. При этом ребенок вовсе не стремится к отказу от всякого авторитета, он заменяет своих родителей другими (образно, конечно), более достойными и совершенными. Но в действительности обе родительские пары (реальная и замещающая) репрезентируют одних и тех же людей – настоящих родителей в двух их ипостасях – романтизированной, отражающей представления о них в безоблачном детстве, и критической, где родители «спущены с небес» и являются объектом разочарования и следующей из него враждебности: «...все стремление заменить настоящего отца более знатным есть лишь выражение тоски ребенка по утраченным счастливым временам, когда его отец казался ему самым благородным и самым сильным мужчиной, а мать — самой милой и самой красивой женщиной. Он отворачивается от отца, которого знает теперь, к тому, в

---

³⁷ Фрейд З. Семейный роман невротиков. СПб., 2012. С. 5.

³⁸ Там же, с. 6.

которого верил в раннем детстве...»³⁹. Ученик З. Фрейда – О. Ранк развил эту тему в работе «Миф о рождении героя», где он на примере обширного мифологического материала показал, как в фигурах доброго приемного отца и преследующего главного героя истинного отца-тирана (и их модификаций), может воплощаться вскрытая З. Фрейдом двойственность родительского образа⁴⁰.

Если в «Семейном романе невротиков» З. Фрейд лишь декларативно обозначает конфликтную тенденцию, исходящую от фигуры «сына», то в работе «Три очерка по теории сексуальности» он глубже показывает связь этого явления с развитием человеческого общества. В указанной работе ученый говорит о возникновении ограничений на инцестуальные связи и проистекающих из этого ограничения чувствах враждебности: «Соблюдение этого ограничения является, прежде всего, культурным требованием общества, которое должно бороться против поглощения семьей всех интересов, нужных ему для создания более высоких социальных единиц, поэтому общество всеми средствами добивается того, чтобы расшатать у каждого в отдельности, особенно у юношей, связь с семьей, имеющую только в детстве решающее значение»⁴¹, и далее: «Одновременно с преодолением и оставлением этих ясных инцестуозных фантазий совершается одна из самых значительных и самых болезненных психических деятельностей пубертатного периода – освобождение от авторитета родителей, благодаря которому создается *столь важная для культурного процесса противоположность нового и старого поколения*»⁴² (курсив мой – Е.С.). Можно сказать, что изначально З. Фрейд не выводил культурный и социальный смысл межпоколенческой конфликтности из пансексуальной трактовки развития индивида в детстве, из того, что он называл «эдиповым комплексом». Здесь З. Фрейд еще оставляет значительную автономию социокультурным смыслам отделения от семьи, не выводя их целиком из инцестуозных конфликтов детства.

---

³⁹ Там же, с. 10.

⁴⁰ Ранк О. Миф о рождении героя. М., 1997. 252 с.

⁴¹ Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Психология бессознательного. М., 2008. С. 236.

⁴² Там же, с. 237-238.

В 1913 г. в своей работе «Тотем и табу» З. Фрейд переинтерпретировал теорию «эдипова комплекса» в духе сексуального монизма: «Таким образом, в заключение этого крайне сокращенного исследования, я хочу высказать вывод, что в Эдиповом комплексе совпадает начало религии, нравственности, общественности и искусства в полном согласии с данными психоанализа, по которым этот комплекс составляет ядро всех неврозов»⁴³. Согласно его идеи, в основе психических движений мальчика лежит инцестуальное влечение к матери, сопровождающееся ненавистью к отцу, как к сопернику в обладании предметом желания. Чувство ненависти к отцу не является однородным по своему характеру, оно амбивалентно – вместе с ненавистью, сын испытывает чувство вины и страха перед отцом. Рассматривая систему регулятивов в ряде примитивных обществ, З. Фрейд пришел к выводу, что инцестуальная связь с матерью являлась ключевой для них и самой запретной. Образ отца, воплощался в виде родового божества – праотца, который вызывал чувство подчинения и страха у сыновей⁴⁴. С ходом истории амбивалентность взаимоотношений отца и сына укоренялась в социальной структуре, создавая тем самым патриархальное общество, так как образ отца символизировался и превращался в «отца всего рода», фигуру, стоящую над ним (родом). Совместив полученные антропологические выводы с результатами своей психиатрической деятельности и найдя сходные проблемы в психической жизни своих пациентов, З. Фрейд пришел к выводу, что «комплекс эдипа», характерен и для современного общества и лежит в основе развития культуры, которое происходит за счет процесса культурной сублимации. Напряженность в отношениях между отцом и сыном обусловлена, таким образом, включением их в «эдипов порядок»: «Для сына в отце воплощается любое насильственное социальное принуждение; отец закрывает ему доступ к проявлению собственной воли, к преждевременному сексуальному наслаждению и к пользованию общесемейным достоянием там, где оно имеется»⁴⁵. Таким образом, З. Фрейд развертывает историю человечества в будущее за счет эдипова

---

⁴³ Фрейд З. Тотем и табу. М., 2008. С. 578.

⁴⁴ Фрейд З. Тотем и табу. М., 2008. 636 с.

⁴⁵ Фрейд З. Введение в психоанализ. М., 2011. С. 195.

комплекса, чье подавление ведет к росту культуры⁴⁶. В тоже время, он наделяет эту историю напряженностью, уводящей вглубь веков, за счет отцовского образа, интроецированного в структуру личности в виде осуществляющего диктат Супер-Я. З. Фрейд фактически «приковал» конфликтность отца и сына к необратимо вращающемуся колесу вырастающей из сублимации динамики культуры. Несмотря на признание невротического характера культурного процесса, З. Фрейд лишал человека возможности смягчить подавление желаний (это вело бы к краху культуры), таким образом, наделяя реализацию межпоколенческой конфликтности смыслом бунта сына против гнета отца (Супер-Я, морали, общества), который в итоге оказывается бесперспективным. В целом же, можно сказать, что «Тотем и табу» совершает поворот к поиску глубинных оснований динамики человеческих культуры и общества и репрезентирует межпоколенческий конфликт как вечный мотив становления личности, повторяющий развитие всего человеческого рода, суть которого в символической форме закреплена в эдипальной праистории. Подобный подход способствует тому, что проблема начинает видеться в узком свете психофизической детерминации, основанной на пансексуализме. Дифференциация психологических мотивов в рамках иных контекстов, равно как и самостоятельность иных контекстов (социального и культурного) по отношению к межпоколенческой конфликтности сводится здесь на нет.

Другой австрийский исследователь, А. Адлер, в своих работах высвечивает некоторые черты, характерные для напряженности межпоколенческих отношений, вводя понятия «комплекса неполноценности» и «компенсации»⁴⁷. Согласно А. Адлеру, важнейшим мотивом действий человека в его жизни является желание компенсировать чувство неполноценности, которое возникает у него ввиду различных обстоятельств (физическая, социальная и прочие виды ущемленности). При таком подходе положение ребенка, юноши изначально

---

⁴⁶ При этом сам ученый признавал культуру явлением невротическим, так как подавление влечений и культурная их сублимация ведет к невротизации индивидуума

⁴⁷ Ни то, ни другое не заявлено в теории А. Адлера как нечто, присущее исключительно межпоколенческим отношениям или молодежи. В данном случае, мы эксплицируем эти понятия применительно к нашей проблеме.

ущербно; социально он оказывается во многом аутсайдером. И является он им, прежде всего, перед лицом своих родителей: «Чувство неполноценности оказывается движущей силой, исходной точкой стремлений любого ребенка компенсировать свою ущербность»⁴⁸. Человек выстраивает свой жизненный план в непосредственной зависимости от специфики той конкретной ситуации ущемленности, которая ему предшествует. В таком случае, «сын» может выбрать для себя такой путь реализации, какой исходит не из его собственных способностей, а обусловлен тем, в чем был реализован его «отец», перед которым он и был ущемлен.

Проблема интерпретации классического фрейдовского понимания «эдипова комплекса» была поставлена в монографии Э. Фромма "Забытый язык". Исследователь основывается на том, что З. Фрейд ошибочно, по мнению Э. Фромма, проанализировал трагедию Эдипа изолированно от всей античной трилогии, героем которой являлся Эдип. По мнению Э. Фромма, не инцестуальное влечение стало ядром конфликта Эдипа. Настоящая проблема видится Э. Фромму в антагонизме отца и сына через призму столкновения патриархального (общества диктата и подчинения) и матриархального (общества безусловной любви и саморазвития) начал общественной жизни. Таким образом, Э. Фромм показывает, что, во-первых, основой конфликтности отца и сына является не сексуальная проблематика, а вопросы власти и свободы, стремление к безусловной любви и противоположное им требование отца, любовь которого предстает лишь наградой за послушание (которое во многом есть отказ от себя, от возможности развития своей индивидуальности). Во-вторых, Э. Фромм своим указанием на борьбу двух общественных порядков намекает на возможность существования такого общества, которое бы могло решить проблему невротичности и соответственно указывает на возможность реализации и разрешения конфликтности между поколениями⁴⁹. Углубив психоаналитическое понимание межпоколенческой конфликтности через противостояние свободы и

---

⁴⁸ Лейбин В. М. Постклассический психоанализ. Энциклопедия. М., 2009. С. 139.

⁴⁹ Фромм Э. Забытый язык. М., 2010. С. 237 - 277.

власти (прежде всего личностной, индивидуальной), Э. Фромм также обогатил те импликации теории Фрейда, которые связаны с социальной сущностью отцовского образа: «Отец выражает противоположную сторону человеческого существования, и на той стороне — разум, рукотворные вещи, порядок и закон, освоение новых земель и приключения. Отец — тот человек, который вводит ребенка в большой мир»⁵⁰. Сам ввод в "большой мир" является функцией необходимой и с ценностной точки зрения позитивной. Проблема и, соответственно, почва для психологической атмосферы конфликта, заключается в том, что правила этого "ввода", являясь по сути своей весьма субъективными (конструирующимися уже сложившимся опытом "отца" без поправки на становящиеся способности и опыт сына), выдаются и воспринимаются как общезначимые и объективные. Согласно Э. Фромму, отец приобретает конфликтогенный образ, так как сама его роль такова, исходя из включенности в общественную структуру, которая характерна для патриархального общества.

Немецкий психоаналитик, В. Райх считал, что социологический план формирования типичных психических структур происходит при воздействии определенного типа общественного порядка с его социальными институтами, нравственными установками и законами: «...все установления общественного порядка оказываются внутренним достоянием человека, т.е. перемещаются в его психическую структуру и укрепляются в форме соответствующего характера»⁵¹. Таким образом, невротический характер современного человека есть следствие его включенности в структуру патриархального общества. Главным объектом критики В. Райха являлся институт патриархальной семьи, в которой он видел источник невроза и несчастья членов общества⁵². По его словам, кто не понимает негативной роли патриархальной семьи и патриархального общества, тот «...не поймет ни различия между больным и здоровым, ни страх человека перед удовольствием, ни патологической природы конфликта ребенка с родителями, ни

---

⁵⁰ Фромм Э. Искусство любить. М., 2009. С. 67.

⁵¹ Лейбин В. М. Постклассический психоанализ. Энциклопедия. М., 2009. С. 316.

⁵² Во главе типичной семьи находится отец, который, по мнению В. Райха, обладал «фельдфебельским» характером — маленький тиран, прислуживающий перед теми, кто выше его по социальному статусу и помыкающий теми, кто ниже.

убожества брака»⁵³. «Привязанность к родителям — как сексуальная, так и авторитарная (подчинение авторитету отца) — затрудняет шаг в сексуальную и социальную реальность в период полового созревания, если не делает этот шаг полностью невозможным»⁵⁴. Проблема патриархального общества в том, что оно подавляет личность таким образом, что та начинает мыслить и действовать вопреки своим естественным интересам и потребностям. Сущность и возможность межпоколенческого конфликта в теории В. Райха рассматриваются, исходя из его концентрации на изучении специфики патриархально-авторитарного общества как основы той враждебной интенции, которая исходит от «отцов» к «детям» и ставит тех в ситуацию, провоцирующую либо «вечный невроз», либо «невротический бунт».

Значение концепций В. Райха и Э. Фромма для нас заключается в том, что они создавали теоретическую основу осмысления макросоциологических условий, создающих конкретный общественный контекст, в котором может возникать и проявляться межпоколенческая конфликтность.

Перейдем к социологически и социально-философски ориентированным теориям межпоколенческой конфликтности. Как предмет рассмотрения межпоколенческая конфликтность стала выступать после резонансных событий «молодежного бунта» 1960-х годов. Теории межпоколенческой конфликтности прошли два этапа своего развития: 1) теории 1950-х – 70-х годов XX века, развивавшиеся в ключе фрейдомарксизма. Общим для этих теорий была гиперболизация явления межпоколенческого конфликта, что вело к преувеличению его радикального, революционного контекста. 2) Второй этап осмысления межпоколенческой конфликтности начинается в 90-е годы XX века, прежде всего, в отечественной науке (как следствие процессов Перестройки). Для теорий этого цикла характерно обращение к теоретическим построениям К. Мангейма (теории молодежи и поколений) и рассмотрение конфликтной активности молодого поколения как явления эволюционного, при условии

---

⁵³ Райх В. Функция оргазма. М., 2012. С. 84.

⁵⁴ Райх В. Сексуальная революция. М., 1997. С. 49.

возможности диалога поколений в социуме, который нивелирует разрушительные следствия конфликта.

Теории «конфликта поколений» Г. Маркузе и Л. Фойера появились на стыке 60-х и 70-х годов XX века и стали своеобразной научной реакцией на явление молодежного протеста 60-х. Как Л. Фойер, так и Г. Маркузе, рассматривали конфликт поколений и молодежь с макросоциологических позиций, как движущую силу истории. Они рассматривали конфликт поколений, как коренящийся в структуре человеческой психики, человеческих взаимоотношений, как нечто антропологически заданное. Так, Г. Маркузе определял конфликт поколений следующим образом: «естественный закон, коренящийся в антропологической структуре человеческих потребностей и оказывающий революционное воздействие на общество»⁵⁵. Обе теории рассматривают конфликт поколений как двигатель общественных процессов, основу социальной эволюции (Л. Фойер) и революционный потенциал общества (Г. Маркузе). Для Г. Маркузе молодежь становится революционной силой в условиях, когда пролетариат утрачивает подобный потенциал. Для него молодежь выступает в качестве субъекта социально-политического конфликта, в качестве силы, способной преодолеть негативные тенденции современного общества – тотальное отчуждение, одномерность, технократичность, порабощение человека и природы – таким образом, молодежь и ее бунт наделяются романтической мессианской функцией. Г. Маркузе не считал, что конфликт преобразовывает – он в корне изменяет. В молодежном протесте 60-х гг. XX века Г. Маркузе видел «попытки создать альтернативный стиль жизни»⁵⁶, а не инновационное изменение имеющегося. Энергетической основой революции он считал избавление от репрессивной сублимации здоровой сексуальности в обществе. Для Г. Маркузе конфликт поколений выступал как механизм экспликации революционного потенциала молодежи как силы, способной изменить негативные реалии

---

⁵⁵ Маркузе Г. Очерк об освобождении. М., 1970. С. 33.

⁵⁶ Маркузе Г. Природа и революция // Критическая теория общества. М., 2011. С. 360.

современного общества. В этом пункте Г. Маркузе наследует революционный историцизм, присущий К. Марксу.

Теория философа Л. Фойера, представленная в его книге «Конфликт поколений» (1969 г), ориентирована на эволюционную роль конфликта поколений. Она основывается не на рассмотрение конкретно-исторической ситуации с неомарксистских позиций, а на анализе широкого исторического материала – Л. Фойер рассматривает «конфликт поколений» и его многообразные проявления в истории. Ученый, подобно многим психоаналитикам, считал, что в основе конфликта лежит соперничество отца и сына. Теория Л. Фойера является своеобразным конкурентом марксистской теории общества, так как в постоянных конфликтах поколений ученый усматривает главный, ведущий мотив истории: «конфликт поколений является универсальной темой человеческой истории. Он основывается на самых изначальных чертах человеческой природы и является, может быть, даже более важной движущей силой истории, чем классовая борьба»⁵⁷. Для Л. Фойера: «...история всех до сих пор существующих обществ есть история борьбы между поколениями»⁵⁸. В своей книге он интерпретирует через призму межпоколенческого конфликта многие исторические события, такие как, например, националистические движения на Балканах в годы перед Первой мировой войной или народнические движения в Российской империи второй половины XIX века. Так, например, ученый считает, что: «условием для формирования народнического движения в 70-е годы XIX в. явилась утрата старшим поколением авторитета у младшего, движение которого стало неосознаваемым протестом против традиций и ценностей общества, созданного поколением отцов»⁵⁹. Согласно Л. Фойеру, идеологическая специфика народничества (западная ориентация в вопросах социального устройства, лозунги), является способом для избавления от полученных в детстве психических травм (например, запрет дворянским детям играть с детьми крестьян создает бессознательную потребность интеллигенции в некой идентификации с

---

⁵⁷ Feuer L. S. The Conflict of Generations: the character and significance of student movements. NY, 1969. P. 12.

⁵⁸ Там же, p. 13.

⁵⁹ Там же, p. 134.

крестьянами, в сближении с ними), а также выражением отрицания традиций, норм и законов социального, политического и культурного устройства мира отцов. Таким образом, концепция Л. Фойера подробнее проясняет взаимосвязь традиций старшего поколения и новаций младшего. Тем не менее, интерпретационный потенциал (сознательный или бессознательный) так же, как и у Г. Маркузе, оставлен им в стороне и единым мотивом конфликта поколений со стороны молодежи выступает стремление к преодолению психической ущемленности через отрицание всего, связанного со старшим поколением. В таком случае конфликт приобретает черты невротического бунта, а следовательно, позитивно-конструктивный потенциал такого конфликта оказывается спорным, и если учитывать его глобальную историческую роль, это становится тревожным сигналом и не дает объяснения позитивным изменениям в ходе исторического процесса, которые, по сути, должны являться результатом конфликта поколений.

Французский психоаналитик и философ, Ж. Мандель, в своей работе "Кризис поколений" (1969 г.) поставил под сомнение традиционную концепцию межпоколенческой конфликтности, так как ее понимали, начиная с З. Фрейда – как соперничество сына с отцом, стремление превзойти его и занять его место в обществе. Исследователь предложил концепцию «кризиса поколений», в основе которой лежало не соперничество сына с отцом, а отказ от стремления идентифицироваться с ним, равняться на него, воспринимать отца как социокультурный образец. «Кризис поколений», по мнению Ж. Манделя, усиливается в периоды ускорения темпов общественных изменений и влечет за собой все более интенсивный отказ молодежи от образцов прошлого.

Критику теорий «конфликта поколений» как явления общественной жизни, основанного на родовом свойстве человека и наделенного мессианской, революционно-преобразующей функцией, провели социологи, С. Липсет и А. Турен. Их критика была направлена на абсолютизацию явления «молодежного бунта» 1960-х годов и придание ему значения глобального социокультурного феномена. Авторы указывали, что в основной своей массе американское общество, и молодежь в частности, оказались не вовлечены в процесс

столкновения поколений – конфликтность исходила лишь от, небольшого в процентном отношении к общему – слоя университетской молодежи, которую нельзя репрезентировать как олицетворение всего поколения молодых американцев, вовлеченных якобы в процесс межпоколенческого кризиса.

Мы также предлагаем критику «классических» теорий конфликта поколений, однако, с иных позиций. Причиной критики, как мы считаем, должны являться философские основания данных теорий. Этими основаниями были параллелизм фило- и онтогенеза в теории З. Фрейда, который позволил трактовать конфликт поколений как универсальный мотив человеческой истории, а также революционный историцизм в духе исторического материализма К. Маркса. Опираясь на тезис «эдипова комплекса», данные теории редуцируют конфликт поколений к единому корню – родовому свойству человека. Подобная редукция не только упраздняет социальные и культурные особенности контекста развития личности, но также обедняет и собственно психологическую детерминацию конфликта. Также является проблематичным крайнее сужение пространства интерпретаций понятия «поколения» и оппозиции «молодежь» – «старшее поколение» как частного случая конфликтности между поколениями. Социально-психологически ориентированные теории некритически переходят от индивидуального к групповому уровню осмысления конфликта, что фактически дает нам формализацию по типу «младшее поколение = сын; старшее поколение = отец», а результатом подобной формализации является потеря обоих уровней для глубокого, нередукционистского анализа. Ведь при таком подходе, объяснение как личностной, генеалогической связи поколений, так и взаимодействия поколений в обществе строится по принципу взаимных аналогий, являющихся малооправданными и не позволяющими рассматривать каждый из двух срезов поколенческих отношений в их собственной специфике⁶⁰.

Проанализируем теории межпоколенческой конфликтности сложившиеся в отечественной науке. В современной отечественной социологии существует довольно широкое направление, в рамках которого обсуждается проблема

---

⁶⁰ Некритический переход между двумя типами определения «поколений» является одной из ключевых проблем любой теории связанной с проблемой поколенческих отношений, как указывает в своей статье «Generation as a Sociological Problem» американский социолог Д. Кертцер.

межпоколенческих противоречий. Такие исследователи, как В. И. Чупров, В. Т. Лиссовский, И. М. Ильинский, Е. Л. Омельченко, В. В. Семенова в основном опираются при разработке теории межпоколенческой конфликтности на теории молодежи и поколений К. Мангейма. Именно теории К. Мангейма легли в основу «диалоговых» подходов к проблеме конфликта поколений, развивающихся в последнее время и в отечественной науке⁶¹. Сторонники данного подхода считают, что в процессе межпоколенческих конфликтов культура будет терять что-то ценное (равно, как и справедливо отринутое – в качестве изжившего себя), так и приобретать наравне с действительно прогрессивным нечто сиюминутное, незначительное⁶². Однако между двумя этими полюсами можно увидеть «зону» сохраненных достижений культуры, которые «оказались пропущены» сквозь призму сформировавшегося опыта и, тем самым, сохранили свою актуальность и свое место в культуре. Иными словами, конфликт поколений не является чем-то априори положительным, точно так же как он не является признаком деградации общества; он – естественный и необходимый, динамичный процесс, постоянно повторяющийся и способствующий принятию и развитию культуры.

Преодолев классические полярные гиперболизации в социологическом понимании межпоколенческой конфликтности, современные ученые пришли к осознанию необходимости диалога между поколениями⁶³. Это положение представляется нам верным, однако, и оно не является конечной точкой на пути осмысления проблемы. «Потенциал диалога естественно ограничен; находясь в принципиально различных точках социокультурного опыта, различные поколения при всем своем желании не смогут снять все противоречия между собой»⁶⁴. Безусловно, позитивная настроенность на признание другого необходима, она помогает нивелировать потенциально разрушительные следствия непонимания (и

---

⁶¹ Под «диалоговыми», мы имеем ввиду те подходы, которые указывают на необходимость диалога между поколениями.

⁶² Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений в условиях трансформирующегося общества. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Pokolenie_transf_obschestvo_Semenova.pdf

⁶³ Лисовский В. Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социологические исследования, 2002. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/302/234/1217/016.LISSOVSKI.pdf>

⁶⁴ Сидоров Е. С. Конфликт поколений в контексте процесса развития культуры и общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов, 2013. № 2 (28). Часть 1. С. 177.

нежелания понять) в процессе конфликта. Однако полностью вчувствоваться в позицию другого, установить полную эмпатию, невозможно. Иными словами, даже согласившись с правом существования иной позиции, придя к плюральности мнений (ценностей), представители различных поколений не окажутся ограждены от эксцессов конфликтности тогда, когда их позиции будут сталкиваться. Диалог необходим, но он – не метод снятия конфликта, устранения его или даже разрешения. Диалог – это способ сосуществования поколений в рамках развивающегося открытого общества, каковым является современное общество. Однако упразднение самой межпоколенческой конфликтности представляется чем-то невозможным и более того – опасным. Ценности, социокультурные паттерны, традиции нуждаются не в слепом принятии, а в осознанном усвоении. Старшие и младшие поколения нуждаются друг в друге, в том числе, и в качестве осознанной противоположности себе. Бинарность их существования в обществе необходима. В рамках культуры старших поколений противодействие, иная позиция, воплощенная в формирующейся культуре младших поколений, является поводом к ревизии собственных ценностей, традиций, то есть, к более активному их переживанию (в том числе и в форме защиты от критики). Для младшего поколения наличие бинарной оппозиции необходимо в качестве того, что можно метафорически назвать «стеной». Официальная культура, традиции старшего поколения являются для поколения младшего преградой, о которую оно «отбивает мячик» собственного опыта. Эта преграда и есть традиции, должныствующие быть достаточно устойчивыми для того, что бы обогащать опыт младшего поколения и мотивировать его на развитие собственного опыта. При этом интеграция новаций происходит как бы «за кулисами» активной борьбы вокруг них и является следствием постоянно совершающегося процесса социокультурного отбора. Еще раз подчеркнем необходимость бинарной оппозиции в обществе и необходимость устойчивости метафорической «стены». Ведь при константном воспроизводстве межпоколенческого конфликта ослабление этой устойчивой антинормальности чревато негативными последствиями. Отечественные ученые, исследующие данную проблему в

современном российском обществе, указывают на, так называемый, «разрыв поколений» как следствие Перестройки⁶⁵. Но при этом они не высвечивают глубинные системные причины этого явления. Нигилизация молодежи, ее определенная потерянности и оторванность от традиций не просто – конкретно-историческое следствие ослабления традиций, связанное с крахом политической системы. Межпоколенческая конфликтность – неотъемлемая составляющая процесса социокультурной эволюции – социокультурного отбора. Но она может привести к негативным последствиям в ситуациях общественной нестабильности, в ситуациях, когда ослабевает устойчивость бинарной оппозиции поколений. Мы считаем, что непрогнозируемость событий в такие периоды, отход реальности от «благих намерений» связан с тем, что социализирующаяся молодежь в процессе становления оказывается лишена своего бинарного оппонента, и попадает в ситуацию, когда перспективы ее социокультурного самоопределения находятся в крайне неблагоприятной ситуации⁶⁶.

Нужно отметить также ту специфику рассмотрения межпоколенческой конфликтности в современной конфликтологической литературе. Здесь, как в отечественной, так и в зарубежной литературе, преобладает историографическая точка зрения на указанный предмет. То есть, специалисты исходят из конфликтологической аксиомы о общезначимости конфликтного элемента в социальном бытии, однако, при этом не стремятся к самостоятельному пониманию сущности «межпоколенческого конфликта», а выбирают из уже представленных в истории концепций. Так, например, современный отечественный исследователь В. А. Светлов в работе «Конфликт и эволюция» делает акцент на теории комплементарности поколений Н. Хоува и У. Стросса как наиболее полно объясняющей специфику межпоколенческих конфликтов. Согласно данной теории, общество развивается по циклической модели, основанной на постоянной смене поколений «конформистов», «героев»,

---

⁶⁵ Стригунов Ю. В. Межгенерационные отношения в современном российском обществе: динамика ценностей старшего поколения и молодежи. Новочеркасск, 2009. 200 с.

⁶⁶ Сидоров Е. С. Конфликт поколений в контексте процесса развития культуры и общества. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов, 2013. № 2 (28). Часть 1. С. 177.

«эгоистов» и «пророков». На различии в архетипичности поколений и основан их антагонизм. При этом нужно отметить, что смена поколенческих типов соотносится с общими процессами развития социокультурных организмов и предстает в качестве основы исторического процесса. Представляется необходимым отнестись критически к данной теории. Во-первых, основание данной теории заключается в выявлении циклической закономерности смены поколений в истории человечества и последующей экстраполяции данной закономерности на будущее. Но само выделение архетипов поколений в ретроспективном историческом анализе не может являться более чем условным и крайне абстрактным. Во-вторых, антагонизм поколений оказывается основан на некритически понимаемой комплементарности – за скобками остается реальность психологических и социокультурных процессов – конфликтность рассматривается как необходимая производная от цикличности объективного исторического процесса, что актуализирует все те критические замечания, которые характерны для классических теорий «конфликта поколений». Таким образом, не оспаривая достоинства предложенной исторической модели, мы должны констатировать, что в качестве объяснительной теории межпоколенческих отношений она обладает слабым эвристическим потенциалом, так как игнорирует многообразие их возможных проявлений и сводит данное многообразие к ряду исторических абстракций.

Среди культурологических и антропологических теорий, концепцией, связанной с проблемой межпоколенческой конфликтности, оказалась теория американского антрополога и социолога, М. Мид. К середине XX века к теме межпоколенческих отношений обращались многие ученые, представители социальной и культурной антропологии, среди которых – Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Ф. Боас и Р. Бенедикт. Так, например, Р. Бенедикт, сравнивая особенности протекания периода юности в примитивных обществах с протеканием ее в современном западном обществе, пришла к выводу,

что специфика межпоколенческих отношений зависит от различия норм, относящихся к возрастным группам внутри общественной структуры⁶⁷.

В работе «Взросление на Самоа» М. Мид приходит к выводу об отсутствии у местных юношей и девушек традиционных для западного общества конфликтов переходного возраста, что обусловлено иными принципами социализации, закрепленными с помощью системы ритуалов⁶⁸. Однако нас, в данном случае, интересуют концепция «разрыва поколений», родившаяся как попытка осмысления межпоколенческой проблемы середины XX века в западном обществе и предлагавшая классификацию культурных типов, связанных с взаимодействием поколений в обществе. Главной особенностью данной теории, представленной в частности в работе «Культура и сопричастность: исследование разрыва поколений» является утверждение о существовании трех типов культуры, напрямую связанных со спецификой взаимодействия и передачи опыта между поколениями. М. Мид выделяет следующие типы культуры: 1) постфигуративная культура, в которой основной формой отношений между поколениями является преемственность опыта старших, культурного наследия предыдущего поколения новым поколением. Основой этого типа культуры является власть традиции и старшего поколения. Подобный культурный тип характерен для традиционного общества. 2) Конфигуративная культура – здесь упор делается на освоение опыта, знаний, актуальных «здесь-и-сейчас», т.е. традиция уже не имеет приоритета в социо-темпоральной плоскости перед новациями, вытекающими из логики развития среды и условий существования культуры и общества. В данном культурном типе преимущество имеют горизонтальные связи с равными по возрасту, которые выступают как источник идентификации опыта. Именно этот тип культуры и является благодатной почвой для проявления межпоколенческих конфликтов, так как здесь проявляется стремление молодежи и юношества к формированию особых юношеских групп, основанных на горизонтальной солидарности и идентификации. Вот как М. Мид характеризует возникновение

---

⁶⁷ Benedict R. F. *Patterns of Culture*. Boston-NewYork, 1934. 260 p.

⁶⁸ Mead M. *Coming of Age in Samoa*. NY, 1928. 297 p.

«разрыва поколений»⁶⁹ в рамках данного типа культуры: «Сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ»⁷⁰. 3) Префигуративная культура – культурный тип, в котором ориентация направлена в будущее и уже старшие учатся у младших, что связано с постоянно ускоряющимися темпами научно-технического прогресса, достижения которого более доступны в большей степени открытой для всяких новшеств молодежи⁷¹. Данный тип культуры является во многом гипотетическим. Мы считаем, что современное постмодернистское общество не соответствует определению данного культурного типа, так как и в нем сохраняется некая ориентация на имеющиеся образцы, в рамках какой-либо системы опыта-деятельности, гарантом которых во многом являются все-таки представители старшего поколения.

Корректирующей с классическими теориями межпоколенческого конфликта оказывается точка зрения, сформировавшаяся в исследованиях, посвященных теме контркультуры, появившихся подобно классическим теориям «конфликта поколений» в конце 1960-х годов. Американский социолог и философ, Т. Роззак (автор термина «контркультура»), наделяет молодежь, как движущую силу конфликта поколений мессианской ролью (в этом его позиция тождественна позиции Г. Маркузе). Ученый возлагал надежды по преобразованию западного индустриального общества, рассматриваемого им в качестве дегуманизованного и обезличенного, на социальную и культурную активность молодежи, ее конфликт с негативным обществом и поколением их родителей, которые против своей воли способствуют его устойчивости. При этом Т. Роззак видел в конфликте поколений лишь аспект более глубоких – цивилизационных противоречий и проблем, свойственных западному обществу. Философ видел в

⁶⁹ Нужно подчеркнуть: М. Мид характеризует этот «разрыв» именно как «разрыв в опыте поколений».

⁷⁰ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 361.

⁷¹ Mead M. Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap. NY., 1970. 128 p.

контркультуре состояние, присущее любой культурной парадигме на определенном этапе ее развития, ситуацию, повторяющуюся в истории различных культур (например, движение киников в античной Греции). Как пишет об этом отечественная исследовательница концепции Т. Розака, М. Султанова: «Противостояние господствующей культуры, рождение новых ценностно-нравственных и практических жизненных установок рассматриваются...как процесс, периодически воспроизводимый в мировой истории»⁷². Согласно Т. Розаку, рождение контркультуры, выход за границы наличной культурной парадигмы, является следствием осознания кризиса норм наличной культурной системы⁷³. В таком случае конфликт поколений предстает в роли механизма, запускающего контркультуру. Процесс развития контркультуры, ее конфронтации с господствующей культурой оценивается как выход за положенные последней границы: «Контркультура выступила как одна из форм диалога мировых культур и цивилизаций – Западной и Восточной. Именно в ее рамках произошла реабилитация восточного опыта и восточных способов жизнестроения...»⁷⁴. Т. Розак в типичном для теорий «конфликта поколений» духе отдавал предпочтение революционному преобразованию социокультурных норм, а не возможностям эволюционного развития и социокультурной преемственности.

На наш взгляд, самую интересную точку зрения по проблеме контркультуры обосновал в начале 1960-х годов известный американский социолог, Дж. М. Йингер. Прежде всего, ученый использует вместо термина «контркультура» понятие «*контракультура*». Незначительная разница в написании этих терминов скрывает за собой принципиально иное смысловое наполнение. Как уже было сказано, «контркультура» истолковывается как нечто направленное априори против официальной культуры, идущее на разрыв с ней, являющееся инверсией и исключенное из динамики роста культуры. В понятие же «контракультуры» Дж. М. Йингер стремился подчеркнуть диалектическую

⁷² Султанова М. Философия контркультуры Т. Розака. М., 2013. С.5

⁷³ Roszak Th. The Making of a Counterculture: Reflections on the Technocratic Society and its Youthful Opposition. L.A., 1995. 310 p.

⁷⁴ Султанова М. Философия контркультуры Т. Розака. М., 2013. С.27.

взаимосвязь контракультуры с системой культуры в целом. Вот как пишет об этой трактовке Дж. М. Йингера современная украинская исследовательница, А. А. Васюрина: «Йингер трактует ее (*контракультуру* – прим. мое – Е.С.) как культуру определенной группы общества, находящейся в оппозиции к господствующей культуре и являющейся таковой лишь в конкретных исторических рамках. Следовательно, в иных культурных условиях данные контркультурные явления могут и не быть таковыми, лишиться своей «контр-» приставки»⁷⁵. То есть, в момент своего зарождения новые элементы и группы элементов внутри культуры могут выглядеть как оппозиционные ей, но в процессе этого противоречия и происходит интеграция новаций в корпус культуры, после чего вчерашние «контр-» элементы уже не выглядят и не являются таковыми. То есть, в долгосрочной перспективе инверсия культуры все-таки может расцениваться как нечто, имманентно присущее ей⁷⁶.

Находясь на некоторой, специфической и условной, дистанции от системы официальной культуры, контракультура воплощается в тех индивидах, что обладают соответственным статусом. Контракультура, по сути, это конфликт – противоречие между дискретно (статично) понятой официальной культурой (чем-то сформированным) и ее динамично развивающейся периферией (чем-то становящимся). Подобный конфликт нуждается в социальной группе, обладающей статусом маргинальности, не привязанной жестко к наличной культурной системе, для того, чтобы иметь возможность проявлять инициативу выхода на периферию. С тех пор, как с процессами урбанизации и нарастающей индустриализации молодежь превратилась в самостоятельную, особую социальную группу, она стала тем, что можно назвать энергетическим резервом общества. Можно предположить, что быстрые темпы развития (как положительного, так и отрицательного) культуры и общества на современном

---

⁷⁵ Васюрина А. А. Контркультура как механизм парадигмальных сдвигов в культуре. URL: <http://dspace.uabs.edu.ua/jspui/bitstream/123456789/5305/1/avart005.pdf>

⁷⁶ Сидоров Е. С. Конфликт поколений и контракультура // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов, 2013. № 3 (29). Часть 1. С. 145 – 148.

этапе связаны с наличием в обществе постоянно пополняющегося резерва – молодежи. Безусловно, и сейчас контракультура может черпать истоки (как и раньше) в культуре этнических меньшинств, эмигрантов, однако, данная категория лишена того преимущества, которым обладает молодежь и которое проистекает собственно из того факта, что она – *новое поколение*⁷⁷.

Здесь важно конкретизировать, что молодежь всегда есть что-то «новое», но когда мы говорим о культуре и контракультуре – это не только противоречие «старого» и «нового», но и противоречие «своего» и «иного». Новые поколения, несмотря на свое отличие от предшествующих, все равно во многом конституируются наличными традициями и доступным опытом, т.е. культурой. В то же время воздействие на культуру представителей других культур является моментом столкновения с «иным». Безусловно, новые поколения могут устанавливать контакт с тенденциями иных культур, но призма, через которую они будут рассматриваться, также, как изначальный образец сравнения (пусть и контр-образец), для собственных новаций задан тенденциями наличной культуры. Контракультура же может существовать на некоторых своих этапах как нечто совершенно «иное» по отношению к культуре, а не просто «новое» в ней. Ведь массовые эмиграции способствуют привнесению в корпус культуры элементов изначально, как «новых», так и «иных». Однако принимая данное «вмешательство», культура соглашается с наличием контракультуры в себе, пусть не одобряя ее. Мы хотим сказать, что контракультура может существовать в корпусе официальной культуры в двух вариациях – как «новое» (хоть и опосредующее «чуждое») и как «иное», «чуждое» (которое при этом также является и «новым»)⁷⁸. «Контракультура» по своему содержанию оказывается шире явления «межпоколенческой конфликтности», так как может основываться на двух этих принципах (принципе «новизны» и принципе «чуждости»), а конфликтность нового поколения⁷⁹ лишь на принципе «новизны»⁸⁰.

---

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ При этом нужно учитывать, что мы говорим о межпоколенческой конфликтности именно в контексте развития культуры как целого, не претендуя на абсолютизацию данной ее формы.

К каким выводам мы пришли по итогам проведенного социально-философского анализа? Во-первых, выявлены основные этапы и тенденции в осмыслении межпоколенческой конфликтности. Межпоколенческая конфликтность рассматривалась в качестве феномена, проявляющегося в личностной (психологической) и социокультурной реальности в рамках психоанализа, фрейдомарксистской социальной философии, социальной и культурной антропологии, в современной социологии и конфликтологии. Для каждой теории, стремившейся объяснить проявление конфликтности в межпоколенческих отношениях, свойственна определенная абсолютизация той формы проявления, о которой говорит данная теория. В понимании этого момента заключается одна из главных задач нашего исследования – теории «конфликта поколений», «разрыва поколений», «кризиса поколений», «амбивалентности отношений отца и сына» схватывают лишь определенный сегмент многообразия проявлений межпоколенческой конфликтности. Проблема данных теорий состоит в попытке редукции конфликтности межпоколенческих отношений к некоей одной, главенствующей форме ее проявления, обозначенной в рамках научного дискурса в виде определенной семантической данности. Однако проблематика противоречивости, конфликтности межпоколенческих отношений не может быть выражена некоей единой редукционистской теорией, закрепленной в виде определенного семантического отношения к метафизически «скрытой» сущности. Указанное нами замечание относительно выделения конфликтности, как синтеза актуального и потенциального, динамического, в противовес статическому, предполагает снятие редукционистского подхода к феномену межпоколенческих отношений. В рамках данного снятия всякое зафиксированное в той или иной знаковой и символической форме осмысление предстает в качестве равноправного в ряду прочих означающих.

---

⁸⁰ Очевидным является здесь то, что молодой человек – представитель нового поколения, в рамках какой-либо общественной практики способный привносить в нее элементы иных культур, все равно остается носителем базовой культуры как призмы своего отношения. Эмигрировавший же представитель иной культуры окажется в рамках условно «базовой» культуры совершенно чуждым, вне зависимости от своего возрастного (поколенческого) статуса.

Во-вторых, в результате проведения критического анализа выявлены теоретические ограничения и противоречия рассмотренных концепций. Как классическая (подготовленная психоанализом и окончательно оформившаяся на основе фрейдомарксизма в середине XX века), так и неклассическая (характерная для современных социологических исследований) трактовка проблемы межпоколенческой конфликтности, представляются нам неудовлетворительными. В отношении первой это обусловлено опорой соответствующих теорий на психофизический и революционно-историцистский редукционизм, а также неоправданной гиперболизацией явления, общим романтико-мессианским пониманием феномена. Неклассический же, диалоговый, подход к межпоколенческой конфликтности, развиваемый современными отечественными социологами, достаточно упрощенно трактует основные используемые им понятия: конфликт, поколения, молодежь, диалог. В результате этого, теории, выработанные в данном русле, нуждаются в корректировке, которая бы позволяла более четко понимать, как содержание указанных понятий, так и причины, и социальную значимость конфликтного взаимодействия между поколениями.

В-третьих, конфликтная сторона взаимоотношений свойственна межпоколенческим отношениям, поскольку они по определению являются бинарными, комплементарными. Определенное конфликтное напряжение во взаимоотношениях поколений оказывается одним из механизмов социокультурного отбора: способствует развитию, как инновационного потенциала, так и сохранению и прояснению традиций через реализацию конфликтного взаимодействия, что соответствует функциональному пониманию социального конфликта, согласно теориям Г. Зиммеля, Л. Козера и других ведущих представителей конфликтологии.

В-четвертых, дальнейшее наше исследование должно осуществляться с учетом двух принципиальных моментов. Необходимо учесть тот принципиальный акцент, что выставлен в рамках психоанализа на феномене фрустрации в межпоколенческих отношениях в их личностном, семейном срезе. Также нужно принимать во внимание тему исторической релятивности специфики

межпоколенческих отношений в различных типах культуры и общества, к пониманию которой мы приходим в результате анализа культурно-антропологических и социально-антропологических теорий.

В-пятых, по результатам анализа корректирующей с классической трактовкой межпоколенческого конфликта как социального явления темы контркультуры мы пришли к реактуализации понятия «контракультура» Дж. М. Йингера. Понимание молодежи, как «нового поколения» в контексте культурного развития, как одной из (и даже преобладающей) контракультурной детерминанты ведет нас к необходимости более детального исследования специфики молодежи как социокультурной общности (т.е. «нового поколения») и механизмов взаимосвязи поколений в целом. Разработка данных тем с учетом конфликтологического постулата о всеобщности конфликтного элемента в рамках любых человеческих отношений, должна стать важным этапом на пути осмысления межпоколенческой конфликтности в качестве социокультурного феномена.

1.2. Молодежь как «новое поколение» в контексте динамики поколений

Анализ разнообразных теорий, связанных с межпоколенческой конфликтностью (теорий «конфликта поколений», «разрыва поколений», «кризиса поколений»), подвел нас к необходимости сформулировать понятие «поколение» в его статическом и динамическом смысле, а также прояснения сущность молодежи как принадлежащей «новому» поколению и, следовательно, особым образом взаимодействующей с другими поколениями в рамках

социокультурного пространства. Задачей данного параграфа является, во-первых, установление сущности молодежи как «нового поколения» в контексте динамики поколений в обществе, а во-вторых, обнаружение конфликтных интенций, имплицитно заложенных в межпоколенческую динамику и связанных с сущностью молодежи как младшего поколения. Для реализации поставленной задачи мы последовательно проанализируем социально-психологические, социологические и философские теории молодежи и динамики поколений.

Исследования юности (молодости) как специфической стадии психологического развития человека восходят к фундаментальному труду классика американской психологии, Г. Стэнли Холлу. Несмотря на разностороннюю критику его теории⁸¹, в концепции рекапитуляции Г. Стэнли Холла, отождествляющей юность со «вторым рождением», этапом «бури и натиска», можно найти положения, представляющиеся перспективными для нашего исследования. Ученый указывает на принципиальную противоречивость юности, молодости, прежде всего, для самого молодого человека, который в результате прохождения данной стадии должен обрести индивидуальность. Принципиальное смешение полярных стремлений, энергетических и эмоциональных состояний у человека в период юности дает возможность толкования любого направленного вовне проявления конфликтности как явления во многом обусловленного зачастую противоречивыми мотивами, не сводимого к определенным, строгим внешним детерминантам.

Немецкий философ и психолог, К. Гроос, выводил свойственные юности стремления к духовному противостоянию, борьбе и радикализму из теории вторичного возврата инстинкта. К. Гроос считал, что помимо основного – полового инстинкта, поведение молодого человека обуславливается четырьмя другими инстинктами, скрывающимися основной и выступающими в более осознанной форме, а именно: 1) влечением к сближению; 2) влечением к замкнутости (противоречивость юности, которую подчеркивал Г. Стэнли Холл); 3) влечением к самоутверждению, имеющим социальные, а не только

---

⁸¹ Луков Вал. А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М., 2012. С. 122 – 124.

сексуальные истоки; 4) влечением к борьбе. Таким образом, третье и четвертое влечения напрямую указывают на то, что юности в принципе свойственна определенная конфликтность.

Немецкий философ, Э. Шпрангер, в своей работе «Психология юношеского возраста» напрямую не касается проблемы межпоколенческой конфликтности, однако, в ней можно найти крайне ценные рассуждения, касающиеся специфики юности, ядра ее жизненной мотивации. Э. Шпрангер видел в юности как стадии жизненного пути некий рывок, революционный скачок личности в новое качество. Данный «скачок» основывается на двух принципиальных «новообразованиях» юности – открытии собственного Я (начало активной саморефлексии) и появлении жизненного плана. Возможность конфликтности данного возраста в теории Э. Шпрангера мы можем увидеть, исходя из его утверждения о том, что с открытием Я во внутреннем мире молодого человека происходит активная поляризация между Я (мир для Я) и не-Я (мир иной по отношению к Я). Эта разница между Я и не-Я характеризовалась ученым как «пропасть». В ходе своего развития (проходящего, в том числе, через ряд личностных и межличностных кризисов и конфликтов), осознания себя и окружающей действительности, молодой человек обретает собственную индивидуальность. И только с помощью подобных индивидуальностей, сложившихся личностей, по мнению Э. Шпрангера, может «прирастать» культура.

Идею о том, что конфликтность между поколениями и ее проявления являются механизмом борьбы за самоидентичность, индивидуальность, основанную на собственном опыте, мы находим в работах американского психолога, Э. Эриксона. Представления о сущности и причинах межпоколенческого конфликта, мы можем получить из двух основных его работ – «Детство и общество» и «Идентичность. Юность. Кризис», в которых Э. Эриксон говорит об основных мотивах поведения человека в период юности и молодости. Американский исследователь говорит о том, что каждому психологическому возрасту человека соответствует свой основной мотив, ведущее стремление,

которое определяет развитие личности на данном этапе. Мотивом развития человека на этапе юности (молодости) является борьба между самоидентичностью (позитивный результат развития) и ролевым смешением (негативный результат). Развитие личности на этом этапе тогда считается успешным, когда она обретает себя, свою самоидентичность во всей полноте, осознавая свою индивидуальность. Э. Эриксон иллюстрирует это положение следующим образом: «Лояльность, законопослушность (*основные социальные достоинства – прим. мое – Е.С.*) – опасное бремя, если только оно не взваливается на плечи с чувством независимого самостоятельного выбора и не переживается как верность»⁸². Понятие верности является основополагающим для Эриксона в вопросе о стремлениях юности: она воспринимается здесь как верность определенным ценностям, представлениям. «Но ценности эти должны быть осмыслены и приняты в результате самостоятельного прочтения имеющегося социокультурного опыта или его коррекции»⁸³. Этим рассуждением Э. Эриксон показывает, что основу опыта нового поколения всегда занимает опыт, накопленный в прошлом, но важно то, что для нее он становится личным через интерпретирование и собственное прочтение. Э. Эриксон считает, что стержнем поисков юности является поиск истины всюду и во всем, который и является путем к верности. «Верность – эта та витальная сила, в которой нуждается юность, что бы стремиться к чему-то, бороться за что-то и за что-то умереть»⁸⁴. Проясняет Э. Эриксон и те типические «перегибы» и максимализации, которые свойственны юности: «для того, что бы иметь хоть сколько то устойчивые ценности, человек должен абсолютизировать их»⁸⁵. Противоположностью самоидентичности является ролевое смешение – ситуация, когда человек, так и не обретает себя, идентифицируется с кем-то другим, развивается на основе чужих ценностей, образцов, без самостоятельного

---

⁸² Эриксон Э. Идентичность. Юность. Кризис. М., 1996. С 253.

⁸³ Сидоров Е. С. Конфликт поколений в контексте процесса развития культуры и общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов, 2013. № 2 (28). Часть 1. С. 176.

⁸⁴ Эриксон Э. Идентичность. Юность. Кризис. М., 1996. С. 251.

⁸⁵ Там же, с. 255.

их осмысления. Конфликт имеет место в том случае: если на пути приобретения и развития личного опыта встает барьер в виде уже сформированного опыта старшего поколения, неосознанно противящегося идентификации нового поколения на других условиях, чем то, что было у него⁸⁶. Э. Эриксон говорит, что сам поиск (процесс формирования индивидуального опыта) зачастую не осознается теми, кто его осуществляет, потому сталкиваясь с тем, что уже было пережито ими самими, вчерашняя молодежь реагирует на сегодняшнюю так же, как на нее сами реагировали в прошлом. Сформированный опыт редко способен воспринять процесс формирования опыта нового и этим самым создает ту плоскость, в которой и возможен генезис межпоколенческого конфликта.

Обратимся к социально-философским и социологическим теориям молодежи. Выделение молодежи как специфической социальной группы обозначено уже в трудах О. Конта и Г. Спенсера. Так, О. Конт рассматривал молодежь как важный фактор в развитии общества и видел в ее интегрированности в социальные процессы залог общественного прогресса. Г. Спенсер рассматривал молодежь с исторической точки зрения, как социальную группу, отношение к которой в обществе развивалось от притеснения к постепенному включению в качестве самостоятельной величины в социальный процесс⁸⁷. По мнению К. Маркса, каждый юный человек, входящий во взрослую жизнь, находится в ситуации, в которой он не должен воспринимать ценности наличного общества автоматически, но должен подвергать сомнению, проверяя на прочность, что ведет к отбрасыванию устаревших и принятию новых ценностей.⁸⁸ На настоящий момент существует множество теорий, посвященных этой теме. Существует следующая классификация современных подходов к

---

⁸⁶ Сидоров Е. С. Конфликт поколений в контексте процесса развития культуры и общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов, 2013. № 2 (28). Часть 1. С. 175 – 178.

⁸⁷ О том же писал в своей статье «Кризис современной семьи» П. Сорокин. Ученый развивает мысль о том, что эволюция молодежи происходит от ее полного бесправия и подчинения любому желанию и произволу (во благо или во зло) со стороны семьи – а точнее со стороны отца-патриарха. Конечным же пунктом развития становится обретение прав, некоторая независимость и свобода в возможности разорвать отношения с семьей. Подобная тенденция, согласно П. Сорокину, обусловлена «открытием» семьи для публичной жизни и переходом функций обучения, социализации от семьи к государству, обществу.

⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. М., 1988. С. 44 – 45.

изучению молодежи, в рамках которой выделяются следующие подходы: а) тезаурусный; б) стратификационный; в) ресурсный; г) рискологический, д) аксиологический, е) институционно-функциональный⁸⁹.

Фундаментальная социологическая теория, рассматривающая молодежь как основной объект была создана в 20-е годы XX века немецким социологом К. Мангеймом. Данная теория может быть отнесена к «ресурсному» пониманию молодежи. К. Мангейм определяет молодежь как: «...один из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которого зависит его жизнеспособность»⁹⁰. К. Мангейм указывает на особую роль молодежи в процессе развития общества: «Особая функция молодежи состоит в том, что она – оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам»⁹¹. К. Мангейм, считает, что по своей сути: «Молодежь ни прогрессивна, ни консервативна по своей природе, она потенция, готовая к любому начинанию»⁹². Согласно К. Мангейму молодежь, созревшая физиологически, еще полностью не включена в социальный порядок. Она занимает промежуточную позицию: физически уже выросла, но социально еще юна. К. Мангейм дает определение молодежи: «молодежь – важная часть скрытых резервов, присутствующих в каждом обществе. Подросток – эта та общественная сила, которая может осуществить различные начинания, потому что он не воспринимает установленный порядок как нечто само собой разумеющееся и не обладает закрепленными законом интересами ни экономического, ни духовного характера. И наконец, статичные или медленно изменяющиеся традиционные общества обходятся без мобилизации и интеграции этих ресурсов, даже скорее подавляют их, в то время как динамичные общества рано или поздно должны активизировать и даже организовать их»⁹³.

---

⁸⁹ Актуальные проблемы социологии молодежи / под общей ред. Ю. Р. Вишневого. URL: riss.ru/files/File/PublikaciiROS/Vishnevskiy%20Problems%20of%20youth%20part1.pdf

⁹⁰ Мангейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М., 2010. С. 571.

⁹¹ Там же, с. 572.

⁹² Там же, с. 574

⁹³ Там же, с. 575.

«Ресурсная» точка зрения разделяется многими отечественными исследователями конца XX – начала XXI веков, среди них: И. М. Ильинский, А. И. Ковалева, Т. И. Яковук. Молодежь понимается как социальная сила, обладающая трансформационным потенциалом, способная оценивать, а затем принимать, или отвергать те нормы и ценности, которые существуют в культуре и обществе; т.е. молодежь не просто субъект общественных отношений, но субъект становящийся. Социолог, В. И. Чупров, видит сущность молодежи в тройственности ее функций: унаследования-воспроизведения, инновационного обновления и дальнейшей трансляции социокультурного опыта: «Это непрерывный процесс (*развитие молодежи – прим. мое. – Е. С.*), имеющий своей целью как преемственность молодыми социального опыта, так и качественное его обновление, а также передачу обновленного опыта следующим поколениям»⁹⁴.

Интересной, с точки зрения поисков корней молодежной конфликтности, представляется ювентологическая теория румынского социолога, Ф. Малера. Он считал, что реальность молодежи обусловлена не материальными факторами прошлого – наличным обществом, а ее телеономической ориентацией. Телеономическая ориентация – это отличительная черта молодежи как возрастной группы, означающая ее направленность на будущие ожидания, цели, образы жизни. Потому конкретный облик молодежи всегда имеет некоторые хаотические черты, ведь будущее, как мотив самоопределения, весьма неустойчив. Молодые люди существуют в двойном социотемпоральном измерении: они соотнесены, как с прошлым, так и с будущим. Прошлое обозначено такими характеристиками, как незрелость, зависимость, конформная, первичная социализация. Будущее же открывает горизонт персонализации и, так называемой, *освободительной социализации*. Именно это стремление к «освобождению» и персонализации, трактуемое Ф. Малером как путь самореализации, указывает на некий корень конфликтности. Проблема в том, что в современном обществе переход к освободительной социализации крайне труден: «Молодые люди беспомощны не потому, что они молоды, а потому что они таковы внутри общества, сообществ,

---

⁹⁴ Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежь в общественном производстве. М., 2000. С. 94.

групп, в которых структура является вертикальной, а лидерство принадлежит доминирующим группам и/или отдельным личностям взрослых людей; статус молодежи, созданный и налагаемый последними, представляет собой маргинальность без настоящего и будущего, поскольку проявляет зависимость от взрослых и откладывает на будущее признание, в результате которого налицо неспособность овладеть настоящим и будущим. Таковы последствия социально неравных статусов, приписываемых молодежи в обществе, сообществах и группах (включая семью) и конформистской патерналистской социализации»⁹⁵. Ф. Малер считает, что проблема современного общества – это утверждение приоритета какого-либо возраста: «мы должны мыслить в категориях горизонтальной преемственности возрастных отрезков, каждый из которых специфичен и равен в своем значении и важности, обладая неким образцом своего идеала в самом себе и таким образом не испытывая субординации с другими или – как в большинстве современных обществ – с «идеальным» возрастом взрослых»⁹⁶.

Американский социолог, Т. Парсонс связывал возникновение молодежи, как особой социальной группы, с процессами индустриализации и урбанизации. Только в условиях городской жизни, в связи с «растягиванием» периода социализации, молодежь получила время досуга, время для активного формирования собственных ценностных ориентаций, в то время как в традиционном обществе, в условиях общинного уклада, она была лишена такой возможности, и периода перехода от детства к взрослости там просто не было. Т. Парсонс рассматривает социализацию как интеграцию индивида в определенные группы, обладающие своими системами ценностей и правилами поведения, т.е., как адаптацию к нормам определенной системы. После событий «молодежного бунта» 1960-х годов в социологии стало проявляться стремление рассматривать молодежь не только как объект социализации, воспитания, а как обладающую собственной социальной субъектностью⁹⁷. Польские исследователи, М. Карват и

---

⁹⁵ Mahler F. Introducere In Juventologie. Bucharest, 1983.P. 293 – 294.

⁹⁶ Там же, p. 296

⁹⁷ Подобную теоретическую линию можно найти в работах В. Фридриха, В. Адамского, М. Н. Руткевича, И. М. Ильинского и др.

В. Миляновский, считают, что главной чертой молодежи является ее двойственность – она одновременно и объект социализации, и ее субъект. Иными словами, молодое поколение не только формируется в неких объективных по отношению к нему социокультурных условиях, но в процессе своей интеграции в социальный порядок, оказывается способно изменять данные условия. Субъектность молодежи – это способность самореализации молодого поколения в процессе собственной интеграции в общественную систему, включая изменение параметров этой системы⁹⁸.

Особый интерес представляет «рискологическая» концепция молодежи Ю. А. Зубок. Согласно концепции Ю. А. Зубок, риск в социокультурном и политическом плане является одним из сущностных качеств молодежи. Риск молодежи является социально обусловленной характеристикой, вытекающей из переходного состояния молодости и нового этапа эволюции процесса передачи социокультурного опыта между поколениями (все большее ослабление традиционных институтов поколенческой идентификации). Риск проявляется в инновационной деятельности молодежи как «нового поколения» в общественной, культурной и политической жизни. Риск является характеристикой не только молодежи как социальной группы, но и отдельной личности – молодого человека. Проявление риска как характеристики общественной функции молодежи не является универсально-историческим феноменом: «В общественно-исторической ретроспективе риск не всегда выступал сущностным свойством молодежи как социальной группы, в определенном смысле риск явился продуктом общественной эволюции, *хотя опасность существовала всегда...*»⁹⁹ (курсив мой – Е.С.). Последней фразой Ю. А. Зубок указывает на некую предрасположенность молодежи, младшего поколения к принятию функции общественного риска. Отечественный исследователь, В. А. Луков говорит об экспериментальном

---

⁹⁸ В сходном ключе развивается теория ювентизации болгарского ученого П-С. Митева. Исследователь предложил выделить два процесса, связанных с вхождением молодежи в социальную систему. Один из них – социализация связан с наследованием опыта и адаптацией, а второй – ювентизация, отражает изменения самого общества ввиду того новационного влияния, которое оказывает на него молодежь в процессе интерпретации усваиваемых ею социокультурных паттернов и продуцирования новых социальных и культурных норм.

⁹⁹ Луков Вал. А. Теории молодежи: пути развития. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2007_3/Lukov_Val/16.pdf

характере ориентаций в молодом возрасте: «Представляет исследовательский интерес экспериментальный характер ориентации в период молодости. Отсюда – готовность к рискованным действиям и действиям, не одобряемым в обществе, а в широком смысле – природная аномия молодости по отношению к социальной норме как чуждому регулятору...»¹⁰⁰. Таким образом, можно сказать, что молодому – *новому* поколению свойственно утверждать свой опыт и практику деятельности в форме эксперимента, являющегося инверсией традиционных практик и положений социокультурного опыта.

Перейдем к анализу теорий «поколения» и поколенческой динамики. Наиболее фундаментальной в этом отношении является теория К. Мангейма, представленная им в работе «Проблема поколений». Как указывает К. Мангейм, осмысление социологического понятия «поколения» начинается с XIX века и развивается в двух основных направлениях – позитивистском (идушем от О. Конта) и романтико-историческом (идушем от В. Дильтея). Суть первого в количественном подходе к понятию «поколения», в сведении социального процесса к биологическим факторам. О. Конт рассматривает «поколение» как общность людей примерно одного возраста, которые сначала накапливают социальный потенциал, а затем его реализуют, с возрастом становясь все менее гибкими и более консервативными: «Те, кто в своем возрасте самым энергичным образом способствовали всеобщим успехам человеческого духа, не могут слишком долго сохранять свое заслуженное преимущественное положение без того, чтобы невольно не противиться позднему развитию, в котором они уже не могли бы участвовать достойным образом»¹⁰¹. То есть, поколения регулярно сменяют друг друга, обуславливая особый ритм общественного порядка и развития. Английский философ, Дж. С. Милль, определяет «поколения» не только через их возрастную общность, но и через единство «стиля мышления», соответствующего конкретному поколению: «решение одного столетия делается обыкновенно предметом удивления для другого... А между тем, если мы

---

¹⁰⁰ Луков Вал. А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М., 2012. 339 с.

¹⁰¹ Там же, с. 119.

остановимся на отношении к этому вопросу людей известной эпохи и известной страны, то мы увидим, что решение представлялось им столь же мало затруднительным, как если бы он уже не был и вопросом и был бы уже раз и навсегда единогласно порешен человечеством. Правила, которые у них господствовали, казались им несомненными, очевидными сами по себе»¹⁰².

В. Дильтей указывал фактор, объединяющий поколения в их духовной общности: единство исторических условий формирования поколений. Согласно В. Дильтею, связанные историческим положением и определенными ценностями, поколения находят источник продуцирования культуры в «ослаблении социально-политических скреп в прежнем обществе, рассеянии дедовской религиозной веры, свободном образовании собственной атмосферы жизнепонимания»¹⁰³. Результат духовной деятельности поколений – культура появляется на основе особого, присущего конкретному поколению мировоззрения, которое есть: «результат занятия в жизни определенной позиции, результат жизненного опыта всей структуры нашего психического целого...»¹⁰⁴. В отличие от позитивистского, в романтико-историческом подходе был сделан упор на духовные, аксиологические, исторически заданные факторы выделения поколения в особую общность.

К. Мангейм берет у позитивистов понимание динамики общества как основанной на динамике смены поколений, но при этом он говорит о том, что главное в связи поколений их пересечение, взаимодействие, причем обоюдное, а не однонаправленное. К. Мангейм утверждает что: «поколение в качестве социологического феномена основывается на биологическом ритме рождения и смерти. Но быть основанным на факторе – не обязательно значит быть выводимым из него или им подразумеваться. Если бы не социальное взаимодействие между людьми, не было бы поддающейся определению социальной структуры, истории, основанной на определенного сорта

¹⁰² Милль Дж. С. О свободе // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М., 1995. С. 392.

¹⁰³ Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996. С.54.

¹⁰⁴ Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология XX век. Онтология. С. 225.

преемственности, а, значит, феномен социального местоположения не мог бы существовать, а были бы просто-напросто рождение, старение и смерть. Поэтому социологическая проблема поколений начинается с открытия социологической уместности этих биологических факторов»¹⁰⁵. В конечном счете, К. Мангейм в сходном с В. Дильтеем духе определяет общность поколений через единство их исторического бытия, сходство событий, которыми обусловлен реальный опыт, точнее, границы возможного опыта поколения – то, что немецкий социолог называет «местоположением». Принцип взаимодействия поколений основывался на необходимости передачи социального опыта ввиду хронологической краткости жизни одного поколения. Данная динамика поколений сопряжена с возникновением нового, исторически обусловленного, опыта ввиду вхождения в социальный процесс новых поколений.

Особенно важно в теории К. Мангейма, что он отказывается от рассмотрения поколения как гомогенной общности. Ученый признает объективные основания возможной дифференциации в нем, которая обосновывается усвоением определенных интенций социокультурного опыта, ведь «местоположение» поколения, являясь культурно-исторической данностью, не просто «стиль мышления», присущий поколению, как у Дж. С. Милля, а граница потенциально возможного социокультурного опыта. В таком случае, динамика поколений представляется как постоянный сдвиг границы возможного опыта по отношению к границе опыта поколения предыдущего, и в этом процессе наличный опыт поколений с одной стороны, теряет что-то, с другой – приобретает. Мангейм так рассматривает процесс дифференциации поколения: «В общности людей с общей судьбой могут возникнуть отдельные секции поколения, которые характеризуются уже не только свободным участием множества индивидов в одних и тех же, хотя бы и по-разному интерпретируемых, событиях, но, кроме того, тождественными реакциями, определенным родовым сходством в поведении и формировании общих навыков. Итак, в каждом поколении могут быть многие разные, даже антагонистические секции.

---

¹⁰⁵ Мангейм К. Проблема поколений. URL: <http://socioline.ru/pages/poleznye-fajly>

Совместно они составляют "реальное" поколение как раз потому, что ориентированы друг на друга, хотя бы даже в плоскости борьбы друг против друга»¹⁰⁶. Теория поколений К. Мангейма строится через определение их как социальных общностей, основанных на биологической динамике, но не выводимых из нее, а включающих индивидов, тождественных друг другу на основе границы потенциального опыта, заданного социально-исторической «судьбой».

Особый интерес представляет рассмотрение проблемы смыслового употребления понятия «поколение» в социогуманитарном дискурсе, репрезентированное в статье Б. В. Дубина, основанной на материалах тематического семинара под руководством крупного специалиста в данной области, Т. Шанина. В статье развивается мысль о тройственном функциональном смысле понятия «поколения» – в его традиционалистских, модерновых и постмодерновых коннотациях. В статье обосновывается мысль о том, что «поколение выступает внутрикультурной формой (а потом и собственно исследовательской конструкцией), в которой социальные сходства и различия (нормативные параметры взаимодействия – структуры идентификации, типы ориентаций, отношения господства, власти, влияния) редуцируются посредством их перевода на язык до-модерных, традиционализирующих, партикулярных отношений родства и семьи – старших-младших или равных по возрасту»¹⁰⁷. Еще важнее то, что здесь намечается продуктивная перспектива анализа общественных отношений в терминах «поколения» тогда, когда речь не может и не должна идти о генеалогическом, родовом смысле данного понятия: «понятие поколения и существует в этом семантическом поле напряжений – напряжений между представлениями о традиционно-иерархическом (его образ – семья), модерном ("общество" и элита, активные группы как его воплощение) и постмодерном («масса» как продукт деятельности анонимных всеобщих институтов) обществе. В свернутом виде понятие «поколения» фиксирует

---

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Дубин Б. В. Поколение: социологические границы понятия. URL: <http://www.polit.ru/article/2002/04/17/474861/>

соответствующие точки разлома социального и культурного порядка, направления и механизмы опосредования и перехода между "прежним" и "новым"¹⁰⁸. Таким образом, перед нами встает проблема нахождения того основания, которое лежит в основе отношений поколений, где под этими отношениями не подразумевается отношение прямого родства, а там, где мы встречаемся с проблемой преемственности и столкновения «нового» (формирующегося) и «старого» (сложившегося) как оппозиции, отражающей динамику жизнедеятельности, как общества в целом, так и отдельных его групп и институтов.

Рассмотрение межпоколенческого конфликта (т.е. реализации межпоколенческой конфликтности) как феномена социальной реальности, как конфликтной интеракции групп следует начать с понимания сущности понятия «молодежь». Мы полагаем, что молодежь стоит, прежде всего, рассматривать как нечто «новое» по отношению к «не-новому» – «зрелым» и «старым» поколениям. В таком случае, молодежь становится синонимом выражения «новое, младшее поколение» и присваивает смысл этого выражения как собственное качество, являющееся определяющим. Мы считаем, что успешная динамика, как общества в целом, так и отдельных его институтов и практик, зависит от своеобразного напряжения между поколениями, осуществляющими данную динамику, причем напряжение это может и должно принимать и конфликтные формы. Критическая установка (конфликт с устоявшимися социокультурными образцами) «нового поколения» способствует, как выработке (на основе критической интерпретации) нового опыта, так и позволяет поколению «не-новому» проводить своеобразную ревизию существующего опыта, и, вступая в конфликтное взаимодействие, способствовать сохранению социокультурных достижений. Однако возникают два вопроса, связанных с молодежью, ответы на которые являются ключевыми для понимания связи молодежи и поколенческой конфликтности как социальных явлений. Во-первых, *как* нужно рассматривать оппозицию поколений, если одно из них является выраженным в молодежи как в социальной группе? Вопрос этот

---

¹⁰⁸ Там же.

решался в истории социогуманитарной мысли преимущественно через отождествление молодежи с образом «сына». Подобное понимание связано с теоретической опорой на концепцию З. Фрейда в том ее виде, в котором она предстает, начиная с «Тотема и табу». Однако как мы уже указывали, эта практика является эвристически бесперспективной – индивид («сын» или «отец») повторяет в себе развитие рода, а общество повторяет развитие индивида, и это, по сути, порочный круг бесконечных аналогий, являющихся неконструктивными в плане прояснения реальных общественных явлений. Психологический редукционизм вообще является неоправданным, ведь он не позволяет ответить на вопрос о социальном контексте воплощения тех реальных психологических склонностей, которыми обладает индивид. Тот факт, что люди склонны к конфликту, в том числе в тесных, интимных отношениях является бесспорным, но как он проявляется в социальной реальности? Почему возникает и к каким позитивным, либо негативным следствиям ведет, какой функции он служит?

Во-вторых, когда мы говорим о молодежи и конфликте поколений, то возникает еще один вопрос – как молодежь вообще *являет себя* поколением и «находит» поколенческую оппозицию себе? Абсурдно говорить о поколении 15 – 24-летних как субъекте конфликта с поколением 40 – 49-летних. *В каком контексте* они оказываются оппозиционными? Одного возрастного различия здесь явно недостаточно, как недостаточно и вытекающего отсюда различия в потенциальных границах социокультурного опыта. Безусловно, как мы видели выше, молодежь обладает *склонностью* к конфликтности, к созданию общественного риска, но, думается, общество в целом не может рассматриваться как арена противостояния возрастных когорт. Молодые люди (как индивидуально, так и группой) могут вступить в конфронтацию с представителями иного поколения в рамках более конкретного социального контекста – общественного или политического движения, в рамках определенного социального института, или внутри собственной семьи. Но общество в целом – слишком абстрактное поле; оно наполнено большим количеством различных интеракций, взаимоотношений и институтов, чтобы искать в нем единый фронт

поколенческого конфликта (как это делал, например, Г. Маркузе или Ж. Мандель). Думается, что особый смысл молодежи как актора поколенческих конфликтов состоит в ее потенциальности к этим конфликтам, ведь она – молодежь – *новое поколение*. В чем смысл выделения именно этого аспекта?

В этом смысле весьма перспективна мысль Б. В. Дубина о соединении трех смысловых пластов в понятии «поколения» (традиционный – генеалогический; модерный – общественно-авангардный; постмодерный – институциональный) ведет нас к идеи о сосуществовании всех этих смыслов. Действительно, в рамках гомогенного, недифференцированного традиционного общества молодежь (генеалогически наследовавшая представителям предыдущего поколения) была новым поколением, объектом социализации, в перспективе обладающим силой изменять условия общественного порядка, культуры. В постмодернистском обществе мы можем увидеть новые поколения в рамках различных социальных институтов и типов деятельности (в модернистском это относилось к политической, интеллектуальной и культурной элите). Это может быть, например, новое поколение преподавателей (как преподавателей вообще, так и одной конкретной кафедры), производителей одежды, юристов, биофизиков, членов определенной политической партии, определенной общественной организации и т.д. Ситуация подобна той, что мы видели в традиционном обществе, ведь речь идет об определенной автономной структуре деятельности и опыта, включающей в себя свойственные для данного института образцы практики и традиции. Разница в том, что связь между поколениями здесь не выражена в родовом отношении, не является генеалогической. Однако общим для всех трех слоев поколенческих смыслов является то, что есть поколение «новое» (новое в рамках структуры определенной деятельности, опыта) и «не-новое», где «новое» может быть не только пассивно восприимчивым к традициям и тенденциям той среды, в которой оно существует, но и активно-преобразовательным. Важно подчеркнуть, что исследование молодежи, ее качеств, здесь не теряют своей актуальности, ведь именно молодежь – молодые люди в основном и являются (хотя возможно представить себе и исключения) резервом, продуцирующим новые поколения в

рамках определенных структур, движений и общественных ситуаций. Как подчеркивали многие исследователи проблемы молодежи, последняя имеет склонность к некоей хаотической тенденции в рамках поля своего действия, каким бы оно ни было. Молодежь есть принципиально *новое поколение*, чья конфликтность просто может быть проявлена в условиях постмодернистского общества лишь в контексте конкретных (а не абстрактных) ситуаций, движений и институтов, где она столкнется с представителями старшего поколения, обладающими соответственным опытом и взглядами, объективно отличными от ее взглядов. В целом, мы можем сказать, что конфликтность поколений проявляется в рамках институциональной структуры (когда речь идет о постмодернистском обществе) как выражение оппозиции «нового» и «не-нового» опыта-деятельности в рамках определенной общественной практики. Конфликт между «новым» и «старым» является необходимым для успешного функционирования института, ставшего его полем, так как отсутствие давления со стороны нового поколения обрекает практику (институт) на стагнацию и деградацию. Отсутствие же оппозиции устоявшегося опыта ведет к потере позитивных достижений и не позволяет в критическом противоречии оформиться новому опыту.

Впрочем, конфликтность поколений, черпающая свои силы в молодежи как *езде-новом* поколении, может и не замыкаться в столь узких рамках, которые в основном предполагает институциональное понимание межпоколенческой конфликтности. Структурным полем конфликта может оказаться некая общественная ситуация, которая может стать отправной точкой ее новаторского осмысления, исходящего от молодого поколения. Именно таким образом можно объяснить традиционный пример в теориях «конфликта поколений» – массовые протесты университетской молодежи в США против войны во Вьетнаме. Также нужно указать на следующую особенность – как нам кажется, в моменты глобальных социально-политических перемен, бифуркаций, когда общественные институты теряют свою определенность, а вся система общественного опыта дискредитируется и рушится (примером здесь могут послужить события

Перестройки), теряя нормативную функцию, то модерный и постмодерный смысл поколенческих оппозиций в социуме как бы меркнет, а традиционный – генеалогический, наоборот, активизируется. Дело в том, что в такой ситуации новые поколения отличны от предыдущих намного более радикально в плане всего возможного социокультурного опыта, чем в ситуации общественной стабильности. Соответственно, пересечения поколений будут наполнены тем самым смыслом «разрыва» и «пропасти», о которых говорят современные отечественные социологи. Однако вслед за более радикальной поляризацией социокультурного опыта разных поколений, ситуации реальной конфликтности смогут опять-таки проявиться лишь в рамках институтов, ситуаций и движений. Но при этом, ввиду произошедшего разрыва в условиях формирования опыта поколений, можно говорить об определенной ситуации «непонимания» между поколениями, которая будет тяготеть к всеобщности, не локализовавшись в привычных структурных границах, и представлять собой общее условие возникновения частных конфликтных тенденций.

К каким выводам мы пришли в результате проведенного исследования? Во-первых, анализ теорий возрастной психологии, ориентирует нас на тот смысл, который приобретают психологические качества юности (ранней молодости), оказываясь включенными в социальный контекст. Многие исследователи данного направления связывали возможные эксцессы юности (молодости) с ее хаотическим, противоречивым характером, с тенденциями отрицания и проявления индивидуальности. Важно выделить эпигенитическую теорию Э. Эриксона, приводящую к пониманию того, как социокультурные воззрения младшего поколения зависят от специфики опыта поколения прошлого. Механизмом формирования (усвоения) опыта является конфликтная интерпретация (не отрицание). Опыт критически осмысливается, пропускается через раскрывающееся «Я», а не отрицается, но и не принимается на веру – т.е. здесь мы приходим к перспективе понимания роли конфликтной конфигурации в межличностных отношениях. Суть данной перспективы в понимании

конфликтности как одного из источников процесса становления личности – социокультурной индивидуации.

Во-вторых, в результате анализа ряда теорий, связанных с осмыслением проблемы молодежи и социальной значимости поколений, выявлено общее почти для всех исследователей положение о новационной специфике социальной роли молодежи – молодого поколения. Учитывая выводы таких теоретиков, как К. Мангейм, Ф. Малер, М. Карват, В. Миляновский, П.-С. Митев и Ю. А. Зубок, мы приходим к пониманию молодежи в качестве социальной группы (социального резерва). Опираясь, прежде всего, на ресурсный и рискологический подходы к изучению молодежи, мы рассматриваем молодежь как обладающую социальной субъектностью и новационным потенциалом общность, что выражается в возможности не только адаптироваться к существующим социокультурным условиям, но и изменять их. В этом смысле нам и представляется процесс динамики поколений – как пересечение двух поколений, как преемственность, сопряженная с социокультурным отбором, изменением существующего культурного опыта, сдвигом в его потенциальных границах. Потенциальная конфликтность молодежи, как нового поколения, связывается нами, в согласии с положениями рискологического подхода, с тем, что в процессе своего новационного воздействия, молодежь создает в тех сферах, где она действует, определенные риски, связанные с деформацией сложившегося порядка, что может приводить к возникновению разнообразных антагонизмов.

В-третьих, приняв во внимание трехчленное смысловое деление понятия «поколение», введенное Б. В. Дубиным, мы считаем, что конкретное проявление межпоколенческой конфликтности в обществе, т.е. в качестве социального конфликта, возможно при учете двух ограничений – пространственного и предметного. В современном обществе межпоколенческая конфликтность может реализовываться в рамках различных институтов или условных систем опыта-деятельности, в которых поколения оказываются полярными группами, опосредованными динамикой представлений, взглядов и подходов к деятельности, т.е. противоположными позициями, которые они занимают.

Конфликтная конфигурация отношений между поколениями обеспечивает своеобразный диалог, динамику в развитии систем опыта-деятельности, позволяет прояснять и обосновывать различные позиции, хотя и сопряжена с некоторым риском в рамках существования данных систем, связанным с возможным усилением конфликтных тенденций. Вторым вариантом развития конфликтности поколений является антагонизм инспирированный столкновением представлений по определенной проблеме, в рамках некой общественной ситуации. Необходимо подчеркнуть и связь между широкими общественными изменениями (например, в случае с Перестройкой) и спецификой реализации межпоколенческой конфликтности. Изменения в рамках общественного порядка обуславливают определенный разрыв в опыте поколений, однако, различие в опыте в итоге все равно проявляются в рамках конкретных систем опыта-деятельности.

Рассмотрев основные теории, осмысливающие межпоколенческую конфликтность, а также проанализировав специфику феномена молодежи и поколенческой динамики, необходимо обратиться к исследованию оснований межпоколенческой конфликтности в контексте специфики ее существования в различных сферах человеческого бытия. Прежде всего, нам предстоит углубить психологическое понимание межпоколенческой конфликтности именно как личностного, экзистенциального явления. В попытке решить вопрос о цели и функции данного явления в индивидуальной жизни, нам придется более пристально взглянуть на проблемы индивидуализации, понимания и главное – признания. Ведь даже, рассматривая конфликтность между поколениями как позитивно значимый момент, мы понимаем, что она не должна вести к полному разрыву некой коммуникации, той первичной связи, освобождение из-под авторитета которой и является назначением актуализации данной конфликтности. Напротив, следует предполагать и искать конечный ответ на вопрос о сущности межпоколенческой конфликтности на путях возрождения этой связи, где ее основой окажется не принудительный авторитет идеализированного образца, а основанное на понимании взаимное признание.

ГЛАВА 2. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ ФЕНОМЕНА МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

2.1. Генезис и динамика межпоколенческой конфликтности: генеалогические аспекты

В данной главе мы постараемся прийти к пониманию генезиса и развития феномена межпоколенческой конфликтности в межличностном плане. Исходной оппозицией будут являться традиционные отношения «отец – сын» или «родитель – ребенок», то есть генеалогический срез поколенческой дифференциации. Предметом нашего интереса является развитие процессов, связанных с конфликтностью в данных отношениях через призму их влияния на становящуюся личность и ее взаимоотношения со своим бинарным оппонентом, т.е. другим генеалогическим поколением. В данном случае перед нами в качестве меры всех процессов выступает человеческая личность, человеческое «Я» во всей своей полноте. К тому же, это «Я» берется нами в одном из самых драматичных периодов становления – во время максимальной открытости окружающему миру.

Первоначально, проанализируем механизмы, в результате которых оказывается возможным возникновение и развитие конфликтной конфигурации в межпоколенческих отношениях в семье. Исходя из этого, сформулируем задачу данного параграфа: необходимо раскрыть процесс индивидуализации, вхождения в мир человека, учитывая при этом момент связи со своими родителями, которая является первичным обуславливающим фактором по отношению к становящейся личности и обнаружить «как» и «почему» в данном процессе оказывается возможным развитие конфликтной тенденции.

Таким образом, наше исследование будет строиться на последовательном анализе следующих моментов: 1) изначальная обусловленность личности – семья, как первичная данность; 2) процесс индивидуализации (социализации); 3) конфликтность внутри семейных отношений, вытекающая из возможного противоречия первоначальной данности и индивидуализации.

Семья как особый срез социального бытия исследуется в социологии, психологии и философии. Тема семьи вводится в философский дискурс в эпоху античности и неустранимо присутствует в нем вплоть до наших дней¹⁰⁹. В настоящий момент все более актуализируется анализ семьи как самоценной формы бытия, что выдвигает на первый план аксиологическую значимость семейных отношений. Отражением данной тенденции является ряд современных отечественных исследований¹¹⁰, опирающихся на серьезную историческую традицию¹¹¹. Феномен семьи интересует нас как специфическая реальность, являющаяся первичной данностью для каждого индивидуума – институт семьи будет рассматриваться через его социокультурную функцию, т.е. в контексте процесса социализации. Но также семья имеет значение для нашего исследования как самоценный аспект человеческого бытия – корневая причина его связи, как с внешней (социальной), так и с внутренней (экзистенциальной) реальностью.

С момента своего возникновения семья исполняла роль основного социализирующего института. Изначально она целиком концентрировала в себе данную функцию, т.е. отвечала за опосредование общества и индивидуума, способствовала его вхождению в социум. В дальнейшем, процесс социализации усложнился и, начиная с эпохи Нового времени, роль семьи в нем все больше ограничивается, что находит логическое завершение в модернистском обществе, когда различные общественные институты все больше и больше начинают принимать на себя функцию социализации личности. Но и тогда роль семьи

---

¹⁰⁹ Тема семьи поднималась в работах Платона, Аристотеля, Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Вольтера, Д. Локка, И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса и Ф. Энгельса, О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, П. Сорокина и др. философов.

¹¹⁰ В качестве примера можно привести диссертационные исследования «Семья как социально-ценностная общность форм бытия человека» Б. Б. Хубиева и «Семья как социальная ценность: философский анализ» Е. А. Безнощенко

¹¹¹ Н. Бердяев, В. Розанов, В.С. Соловьев, В. Т. Лисовский, М. С. Мацковский и т.д.

остается значительной: в ней человек проходит свою первичную социализацию; поэтому мы можем определить семью как первоначальную данность человеческого бытия – первую форму его динамического включения в общество: «Семья ... предоставляет в качестве коллективного индивидуума своему члену, с одной стороны, предварительную дифференциацию, которая, по крайней мере, подготавливает его к дифференцированию в качестве абсолютной индивидуальности, с другой стороны, защиту, благодаря которой эта последняя может развиваться»¹¹².

Семья при этом не должна рассматриваться исключительно через призму ее социализирующей функции: «Как бы ни относились мы ко всем трудностям и превратностям семейной жизни, как бы не критиковали мы – справедливо или несправедливо – даже самый институт семьи, – весь нормальный жизненный круг человека связан именно с семьей»¹¹³. Совершенно верно отмечает современный отечественный философ, Е. Б. Рашковский, – семья как срез бытия человека самоценна, она не является только опосредующим институтом между личностью и социальным миром¹¹⁴. И чтобы адекватно понять то влияние, которая она оказывает на жизнь человека необходимо учитывать, что: «Семья является в социальном смысле первичной общностью, неким общественным архетипом, и именно она закладывает основы формирования и существования всех других форм общности людей»¹¹⁵. Семья, семейное бытие, является первичной формой отношения «человек-мир» и дело не только в перспективе данного отношения (которая и проявляется в социализации). Человек включается в мир, в жизнь, через семью. Даже ее фактическое отсутствие не отменяет этого ключевого положения. Образ, представление об этой первичной связи является корневым регулятивом человеческого бытия – путеводной нитью человеческой жизни, дающей ориентацию в его будущем и с необходимостью «вынуждающей» его

---

¹¹² Зиммель Г. Социальная дифференциация: социологическое и психологическое исследование. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000084/st000.shtml>

¹¹³ Рашковский Е. Б. Феномен семьи (междисциплинарные заметки). URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=219&Itemid=52

¹¹⁴ Нужно понимать, что в нашем исследовании мы говорим о семье в смысле родительской семьи – исходя из положения человека рожденного в семье, но не в отношении создания им собственной семьи в будущем.

¹¹⁵ Анисина С. С. Социокультурные архетипы семьи и брака. URL: <http://www.dissert.h10.ru/anisinaSS.html>

оглядываться назад – хранить в себе это представление, соотносить с ним себя самого, а не только осваиваемый мир. Семья, родители – это не только и не столько эмпирическая данность, сколько образ – некое фундаментальное представление, когерентное бытию человека.

Человек проходит в процессе становления этапы первичной и вторичной социализации. Вторичная социализация расширяет рамки внешнего мира для человека, из которого он постоянно «извлекает» себя – сообразно внешнему миру, расширяя при этом и свой внутренний горизонт. Специфика первичной социализации, являющейся компетенцией семьи, иная: «семья является первым скульптором человека, придающим ему основные социальные формы, первым учителем и воспитателем. Семейная атмосфера – первая атмосфера, раздражениям которой он подвергается, подвергается тогда, когда организм похож еще на «чистую доску», когда он наиболее пластичен, когда каждое «раздражение» оставляет глубокие, часто пожизненные следы. Изгладить письмена, вписываемые семьей в чистую книгу родившегося человека – трудно, почти невозможно»¹¹⁶. Бытие в семье, ее воздействие как первичной данности создает координацию бытия человека в двух плоскостях – внешней, направленной на постижение и усвоение окружающего его социального мира, и внутренней, отражающий мир внешний, хранящий первообразы существования индивидуума, его самопредставления, формирующегося в неразрывной связи с представлениями тех (и о тех), кто окружает его в семье. Первичная социализация не просто дает первоначальные социальные навыки, она создает самого человека. Это кажущееся тривиальным положение необходимо верно оценить. В момент своего рождения ребенок еще не человек в полном смысле слова – он есть потенция человека, человеком же он становится в процессе социализации. Но, если бы процесс первичной социализации сводился лишь к научению неким навыкам, то это было бы сродни дрессировки и не более. Однако первичная социализация сложнее и глубже именно потому, что помимо внешнего аспекта, здесь создается внутренний мир человека – это воистину акт творения. Это исключительно

---

¹¹⁶ Сорокин П. А. Система социология. М., 2008. С. 463.

драматичный процесс, дающий начало связующей линии между прошлым и будущим человека. Так как именно родительская семья является местом этого творения, то вся дальнейшая история взаимоотношений в семье приобретает особенное значение для бытия человека.

Осознание собственного «Я», формирование Я-концепции является долгим процессом, завершающемся лишь в подростковом возрасте¹¹⁷. Однако формирование Я не является беспредпосылочным. Полноценное выделение собственного Я, поляризация внутреннего и внешнего мира, имеет длительную предысторию в процессе развития индивидуума – когда две эти сферы развиваются в определенном единстве. Внутреннее и внешнее формируется в процессе первичной социализации, которая закладывает ориентацию личности вовне, т.е. основные социальные навыки, способы коммуникации, с одной стороны, и предпосылки осознания себя как «Я» – Я-концепции, включающей отношения с миром, преломляющиеся через осознание себя как субъекта – с другой. Развитие самосознания, самопредставления неразрывно связано в начальный период с постижением внешнего мира.

Человек входит в мир как образ и представления, которыми обладают относительно него родители, руководствующиеся своими ожиданиями относительно того, каков есть и каким будет их ребенок. А ожидания эти, в свою очередь, детерминированы наличным опытом родителей – их образом социального мира, с одной стороны, и их представлениями о самих себе как целостных личностях – с другой. Данная идея близка теории «зеркального Я» американского социального психолога, Ч. Х. Кули, который так определяет человеческую самость: «Социальную самость можно назвать отраженной, или зеркальной, самостью: мы видим наше лицо, фигуру и одежду в зеркале, интересуемся ими, поскольку все это наше, бываем довольны ими или нет в соответствии с тем, какими мы хотели бы их видеть, точно так же в воображении воспринимаем в сознании другого некоторую мысль о нашем облике, манерах, намерениях, делах, характере, друзьях и т.д., и это самым различным образом на

---

¹¹⁷ Кулагина, И. Ю., Колюцкий, В. Н. Возрастная психология. М., 2001. С. 146 – 150.

нас воздействует»¹¹⁸. Придает особенное значение моменту «зеркальности» и французский философ П. Рикёр: «Для меня самого мое собственное существование на деле зависит от конституирования моего «Я» во мнении «другого»; мое «Я», если так можно сказать, есть результат мнения «другого»¹¹⁹, а основоположники социального конструкционизма, П. Бергер и Т. Лукман, следующем образом характеризуют человеческое Я: «Я — это рефлексивная сущность, отражающая установки, принятые по отношению к ней прежде всего со стороны значимых других; индивид становится тем, кем он является, будучи направляем значимыми другими»¹²⁰. Мир личности и сама личность, по сути, оказывается постоянно рефлекслируемым представлением в потоке иных представлений. Мы хотим указать на то, что сам генезис личности изначально связан с данными представлениями, более того — представления о личности оказываются первичны по отношению к собственно ее образованию.

Человек, лишь вступающий в жизнь, с момента своего рождения — уже нечто большее, чем просто биологический организм, потому что он — сын (дочь) своих родителей — его связь с социальным миром опосредована их представлениями о нем самом и эти представления — образ ребенка — предопределяет особенности его развития на первом этапе его жизни. В процессе своей жизни он всегда будет связан со своим прошлым, той изначальной данностью, которой является семья, даже в случае формального разрыва с ней — потому что семья выходит за рамки социальной значимости. Семья значима, прежде всего, в качестве глубоко личностного, экзистенциального измерения в жизни каждого человека. Родительская семья — это археология личности, ее исток и первопричина, предопределение специфики самосознания личности и ее взаимодействия с социокультурной средой: «Очевидно, что первичная социализация обычно является наиболее важной для индивида и что основная структура любой вторичной социализации будет сходна со структурой первичной социализации. Каждый индивид рождается в объективной социальной структуре,

---

¹¹⁸ Кули Ч. Социальная самость. URL: http://society.polbu.ru/sociology_hrestomatia/ch13_i.html

¹¹⁹ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2008. С. 175-176.

¹²⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 215.

в рамках которой он встречает значимых других, ответственных за его социализацию. Эти значимые другие накладывают на него свой отпечаток. Их определения его ситуации становятся для него объективной реальностью. Так что он оказывается не только в объективной социальной структуре, но и в объективном социальном мире. Значимые другие, которые выступают посредниками между ним и этим миром, модифицирует последний в процессе его передачи»¹²¹. Именно поэтому всякая модификация, которую претерпевают эти первичные отношения, обладает особым, глубоким смыслом для личности. Всякий сдвиг в тех взаимных представлениях и образах, что составляют сущность отношений поколений в семье, наполнен особым драматизмом. В таком контексте проблема отцов и детей не укладывается в рассмотренную нами в первой главе схему взаимоотношений поколений в обществе. Проблема взаимоотношений между родителями и детьми сложна, прежде всего, потому, что ее решение не имеет прямой корреляции с проблемой взаимоотношений поколений в социуме.

Мы полагаем, что ошибка всех традиционных интерпретаций проблемы конфликтности межпоколенческих отношений в семье заключена в акцентировании внимания на самом конфликтном эксцессе и рассмотрении его как своеобразной аномалии. Уже было указано на недостатки подобного рассмотрения проблемы. Как нам кажется, акцент должен быть смещен с непосредственно конфликтного действия на условия образования его латентных форм – конфликта как потенции отношений, т.е. на «межпоколенческую конфликтность». Мы предполагаем, что межпоколенческая конфликтность имеет свою основу в противоречии тех комплексов ориентации в мире (систем представлений), в которых изначально формируется индивидуум (первичная социализация) и с которыми он сталкивается в дальнейшей своей жизни (вторичная социализация). Таким образом, настоящий уровень конфликтности заключен в специфике развития индивидуума в процессе постоянной интернализации и экстернализации «опыта себя» в мир и «опыта мира» в себя. То есть, это проблема динамики конструирования своей реальности и

---

¹²¹ Там же, с. 213.

конструирования себя в этой реальности, возникающая, когда эти процессы вынужденно соотносятся и вступают в противоречие с первоначальной (не осмысливаемой изначально критически) реальностью, что задана индивиду в первичной его включенности в мир – т. е. в семье. Все же случаи эксцессов конфликтности, т.е. собственно конфликтные взаимодействия между представителями поколений в семье, связаны с вторичными (социальными и психологическими) условиями взаимодействия поколений и, в за частую искаженной форме, выражают скрытую природу противоречия между системами представлений индивидов, состоящих в генеалогической связи.

Выделим компоненты, образующие динамическую структуру проблемы конфликтности в генеалогических (семейных) отношениях, чтобы затем, через последовательный их анализ, прийти к аргументированному пониманию данной конфликтности: 1) первичная социализация индивидуума; 2) вторичная социализация индивидуума; 3) противоречие между первичной и вторичной социализацией, между изначально конституированной и динамично меняющейся моделями реальности, с которыми имеет дело индивидуум. Это – латентный уровень конфликтности, где поколенческие фигуры опосредуют репрезентируемые ими модели социальной реальности и, наконец; 4) явный уровень конфликтности между поколениями в семейных отношениях. Достижение данного уровня зависит от вторичных условий.

Перейдем к анализу обозначенных компонентов. Мы уже указали, что первичная социализация создает внутренние и внешние параметры бытия индивида, его реальность и самого индивида в этой реальности. Результатом первичной социализации является: 1) появление у индивидуума самосознания – ощущения себя как субъекта; 2) осознание основных действующих в социальной реальности норм и правил (так называемых культурно-исторических интуиций); 3) первичные навыки поведения и действия в социальной реальности; 4) образ этой реальности; 5) основные навыки взаимодействия, коммуникации с другими акторами данной реальности.

Достижение вышеуказанных моментов оказывается возможным благодаря изначальной включенности индивидуума в социальную реальность через представления о ней (реальности) и о нем в ней, имеющиеся у значимых других – т.е., прежде всего, родителей. Родители, сообразно своему опыту, своему видению социальной реальности формируют внешнюю ориентацию ребенка, сообщая ему собственную проекцию внешней реальности, основные правила поведения, действия в ней. Специфика первичной социализации заключается в том, что ей чужд элемент критичности, это – чистая интернализация внешнего мира и представлений о формирующемся себе. Этот мир, что дается человеку в процессе первичной социализации, исключительно объективен, в том смысле, что он еще чужд критики, интерпретации, исходящей от субъекта, т.е. от экстернализации модифицированного внутреннего опыта – пока что подобных модификаций в принципе не существует – изначальный мир человека, это мир, сообщаемый ему значимыми другими. Само понятие противоречия чуждо данному комплексу представлений о мире, ввиду отсутствия возможности соотносить транслируемый опыт с практикой, с иными точками зрения. Изначально ребенок оказывается когерентен ожиданиям и представлениям о нем; сам же он обладает видением преподносимой ему реальности, оцениваемой в качестве единственно возможной и объективной. Говоря о тотальности первичной реальности, мы не имеем в виду совершенно закрытую и непроницаемую систему. Мы лишь хотим сказать, что до определенного момента развития когнитивных способностей ребенка и до определенного момента в дифференциации его социальных интеракций, эта реальность *не обнаруживает в себе противоречий и не открывается критике.*

Нужно понимать, что из ситуации тотально сообщаемой реальности мира, которая задается индивиду в процессе первичной социализации, еще не следует отсутствие активной интенции освоения опыта мира, идущей от самого индивидуума. Дело лишь в том, что всякий осваиваемый здесь опыт не интерпретируется, так сказать, «из себя», из еще не раскрывшейся индивидуальности – ведь она еще не обозначена. Отсутствие представлений о противоречивости реальности, преобладание процесса интернализации над

экстернализацией обуславливает интегративный характер всякой активности в период первичной социализации, а источник (схема) интеграции находится вовне – транслируется родителями. Критики оснований интеграции – т.е. картины реальности здесь просто не может быть. Возможность такой критики возникает в период вторичной социализации. Необходимо понять, как и почему развивается данная возможность? Здесь мы и должны указать, как на специфику самой вторичной социализации, так и на тот сдвиг, который совершается при переходе индивида к познавательному процессу.

Специфика детской когнитивной деятельности является предметом исследований швейцарского психолога-когнитивиста, Ж. Пиаже. Согласно Ж. Пиаже, интеллект развивается в единстве процессов ассимиляции и аккомодации, которые являются способами связи индивидуума и внешней среды, способами реакции на ее раздражения. Аккомодация определяется швейцарским ученым как изменение схем операций по воздействию на среду. Видимо, здесь и заключен потенциал расхождения с изначальной картиной реальности. Человек взаимодействует с миром через множество конкретных практических действий, а также он обладает схемой, картиной данной реальности, которая может изменяться в процессе его жизни. Картина реальности является необходимым компонентом человеческого бытия, но изначально она дается как бы «со стороны» – мы лишь интернализируем ее – критика отсутствует. Однако практические взаимодействия с миром, средой и с иными акторами данного мира – это другая сторона человеческого бытия; скажем так – это эмпирический срез. Человек соотносит практические действия с картиной своей реальности – теоретическим срезом бытия. Картина реальности может изменяться, во-первых, при взаимодействии с иными картинами реальности, или же, при столкновении с практикой, которая не может быть совмещена с имеющейся картиной и не может быть отвергнута. Однако вопрос стоит иначе – в чем заключена предпосылка самого первого сдвига, изменения в картине реальности, ведь, как мы указали, в детстве критика чужда жизни человека, так как возможность критики, противоречия не входит в картину его реальности. Ж. Пиаже указывает на то, что

период 11-15 лет в человеческой жизни – это период развития формально-операционального мышления. В данный период происходит начало экстернализации субъективных элементов в картину нашей реальности: ребенок приобретает способность мыслить гипотетически, строить предположения, создавать теории, выходить за пределы данного ему реального опыта¹²². Процесс экстернализации субъективности можно хорошо проиллюстрировать теорией инактивированного познания Ф. Вареллы: «Отдельное когерентное Я... посредством самого процесса конституирования себя... придает конфигурации внешнему миру, который он воспринимает и в котором действует»¹²³. Предпосылка данного периода заключена в накоплении фактов мира, различных навыков взаимодействия с ним, усвоение различных точек зрения об окружающей реальности: «всякое действие есть познание, а всякое познание есть действие»¹²⁴. Таким образом, мы познаем мир, действуя в нем; это – постоянный процесс и имеющиеся у нас теоретические модели реальности с необходимостью корректируются. То же происходит и с самой первой картиной мира. Мир, «опыт мира» сам ставит перед человеком факт собственной противоречивости, а соответственно, и неустойчивости первичной, «родительской» реальности. Каналом же, который облегчает трансляцию принципа противоречивости (в свою, очередь запуская критическую возможность) оказываются новые значимые другие, с которыми растущий индивид сталкивается при переходе к вторичной социализации.

Вторичная социализация заключается в усвоении определенных знаний и опыта человеком, прошедшим первичную социализацию и осуществляется в социальных группах, в которые человек оказывается включен в течение своей жизни (система образования, профессиональные группы, группы интересов и т.д.). Процесс этот двойственен: во-первых, он заключается в усвоении определенных знаний, с другой стороны, он воздействует и на общие

---

¹²² Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. URL: <http://www.rulit.net/books/rech-i-myshlenie-rebenka-read-180198-1.html>

¹²³ Varela F. J. Patterns of Life: Interwining Identity and Cognition // Brain and Cognition. Vol 34. 1997. P. 83.

¹²⁴ Матурана У. Р., Варела Ф. Х. Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания. М., 2001. С. 24.

представления человека о реальности. Что касается первого пункта, то П. Бергер и Т. Лукман следующим образом характеризуют его: «Вторичная социализация представляет собой интернализацию институциональных или институционально обоснованных «подмиров». Если забыть на время о других ее измерениях, можно сказать, что вторичная социализация есть приобретение специфически-ролевого знания, когда роли прямо или косвенно связаны с разделением труда»¹²⁵. Важнее вторая грань этого процесса. Включаясь в социальные практики и отношения, предполагающие дальнейшую дифференциацию и специализацию, индивид сталкивается с пониманием ограниченности той реальности, что была предпослана ему родителями: «Социализация в более взрослой жизни обычно начинается для того, чтобы справиться с эмоциональными воспоминаниями детства, с целью радикальной трансформации субъективной реальности индивида»¹²⁶. Между первичной и вторичной социализацией существует огромная разница в плане специфики взаимоотношений со значимыми другими: «В то время как первичная социализация не может происходить без эмоционально заряженной идентификации ребенка с его значимыми другими, вторичная социализация по большей части может обойтись без таковой и эффективно протекать лишь на фоне взаимной идентификации, которая является составной частью любой коммуникации между людьми... Учителям не надо быть значимыми другими в любом смысле слова»¹²⁷. Родители как значимые другие формируют ребенка и закладывают определенный тип изначального отношения к себе – это отношение к творцу со стороны сотворенного¹²⁸, однако, включение в более широкие социальные взаимоотношения предполагает отказ от подобного отношения к значимым другим за счет ввода в горизонт реальности формальности и институциональности ролевых отношений. Подобная метаморфоза (принятие возможности существования таких отношений) влечет возможность критического взгляда на природу всяких отношений и прежде всего отношений, сходных с

---

¹²⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 226.

¹²⁶ Там же, с. 230.

¹²⁷ Там же, с. 230-231.

¹²⁸ Имеется в виду отношение ребенка до начала экстернализации и вторичной социализации – отношение, соответствующее фрейдовскому отношению к идеализированному образцу до фрустрации.

данными в смысле трансляции опыта как основы взаимосвязи. Изначальный порядок оказывается потенциально переосмысленным, становится возможным вопрошание о самих основах первичной реальности, как в плане ее внешних характеристик, так и в плане осознания себя и собственных взаимоотношений с другими людьми.

Что собой представляет межпоколенческая конфликтность на генеалогическом уровне? Ее нельзя отождествлять с конфликтным эксцессом. Межпоколенческая конфликтность в семье латентна по своей сути и в тоже время объективна и потому оказывается потенциальной основой для конфликтных эксцессов, формирование которых происходит при наличии вторичных причин. Однако именно межпоколенческая конфликтность, как объективный и при этом скрытый фактор, являет собой необходимую детерминанту возможных конфликтов: «...неоднородность представлений родителей и детей друг о друге и об их взаимодействии, отсутствие или недостаточность межличностного взаимопонимания между ними (рассогласование индивидуальных точек зрения на семейные отношения и воспитание; низкий уровень самопонимания; отсутствие эмпатийной точности; искаженность социально-рефлексивных представлений о себе и понимании их другими) являются значимым фактором детско-родительского конфликта»¹²⁹. Конфликтность, в действительности, не является взаимоотношением конкретных человеческих индивидов, т.е. родителей и детей. Персонификация данной конфликтности является во многом вынужденной реакцией на ощущение индивидом реального антагонизма, а сам этот антагонизм заключен не в отношениях «человек-человек», а в отношениях «образ реальности(1) – образ реальности(2)»¹³⁰.

---

¹²⁹ Сапоровская М.В. Исследование межпоколенных связей в семейном контексте // Психологические исследования № 2. 2008. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2008n2-2/106-saporovskaya2.html>

¹³⁰ На первый взгляд, такая формулировка может показаться родственной неопределенному анализу проблематики человеческого бытия (в духе В. Райха и Э. Фромма), однако, есть два кардинальных отличия. Во-первых, для неопределенных корень всякого невротического конфликта заключался в невротичности социального порядка. Мы же считаем, что корень антагонизма заключен в специфике самой когнитивной, познавательной деятельности человека, т.е. в факторе, совершенно объективном в своей динамической сущности. Во-вторых, признавая (о чем в дальнейшем мы будем говорить подробнее) значимость эмоциональных, психических факторов как вторичной детерминанты реальных конфликтов, мы не склонны выводить эти факторы из базовой предпосылки, т.е. в то время, как для неопределенных конфликт – часть негативно оцениваемого психического

Межпоколенческая конфликтность возникает в результате процесса когнитивного развития и конструирования реальности, взятого в модусе перехода от чистой интернализации к активной экстернализации субъективности. Конфликтность здесь стоит понимать именно как антагонизм, противоречие, которое теоретически вовсе не обязано быть направлено против родителей, однако, вынужденно канализируется именно в их «направлении». Происходит это ввиду уникального положения родителей в качестве первичных трансляторов мира по отношению к становящейся личности. Всякое, возникающее и осознанное как таковое противоречие между первичным и познаваемым в дальнейшем образами реальности, переносится на тех, кто предпослал первичный образ реальности. Это отнюдь не означает еще какого-то конкретного конфликта; данное противоречие выражается, скорее, в форме вопроса, некоего удивления, возможность персонификации которого может быть не сознаваема. Родители конструируют первичную реальность человека, легитимируют ее. Эмпирическое развитие индивида приводит к сомнению в теоретическом обосновании его реальности. Не стоит понимать этот процесс как четко сознаваемый; мы должны судить не о внутренней рефлексии о нем, а о следствиях данного развития событий. Если до определенного момента самостоятельная активность индивида ограничивалась лишь практической, эмпирической сферой, а теоретическое обоснование реальности интернализировалось им при посредничестве значимых других, то затем все меняется. Становящаяся личность по мере осознания противоречивости начальной картины мира начинает заполнять создавшиеся «зазоры», экстернализируя себя вовне, т.е. самостоятельно творя свою реальность. Практическая сфера дополняется теоретической – интернализация становится менее опосредованной и дополняется экстернализацией; мир теоретически структурируется на основе самостоятельных интерпретаций данных о нем; индивид, основываясь на постоянном расширении и развитии собственного

спектра, обусловленного патологией социального порядка, для нас конфликт есть явление, возникающее на пересечении двух, во многом независимых, факторов, один из которых является объективным и неизбежным (когнитивный фактор, порождающий конфликтность, как потенцию), а другой (эмоционально-психологический) вариативен.

опыта, сам становится источником легитимации своей социальной реальности. Но сам по себе этот переход не является основой специфики межпоколенческой конфликтности в ее генеалогическом срезе. Таковым данный когнитивный процесс оказывается ввиду отнюдь не формального положения родителей в качестве значимых других, созидающих первичную реальность, а ввиду глубоко личного, ценностного и экзистенциально значимого их места в жизни формирующейся личности.

Генеалогический конфликт между поколениями образуется в единстве трех взаимодействующих величин (двух самостоятельных и одной, их опосредующей): объективного развития когнитивного процесса (т.е. конструирования реальности в процессе познания мира); эмоциональных и психических особенностей семейных взаимоотношений и, опосредующие их – представления об особенном положении отношений в семье. Осознание противоречивости, не-объективности (т.е. не-абсолютности, релятивности) первоначальной картины мира – не обыденный момент – это шок и травма. Фактически, это – второе рождение, «выход из кокона». Постольку и поскольку альтернативой новой картине является картина первичная, процесс ее утверждения будет порождать внутренний антагонизм. Становящаяся личность будет стремиться к согласованию тех модификаций, которые свершаются им с той картиной мира, что была ему дана изначально родителями и таким образом (при определенных, вторичных условиях), внутренний антагонизм может перейти во внешний. Происходит это ввиду того, что первый сдвиг в картине мира и новые центры легитимности (сам индивид – субъект как центр легитимации своей реальности) не отменяют уникального положения первичных значимых других. Даже понимание субъективности изначальной (родительской) модели мира не отменяет стремления к признанию (а по сути, значит к легитимации) в ее рамках. Данная ситуация и есть связующее звено, откуда один шаг до потенциального возникновения собственно конфликта или его профилактики и нивелирования. Родители (первые значимые другие) справедливо воспринимаются как творцы и созидатели – они действительно создают внешние и внутренние параметры бытия

индивида. И поэтому, нахождение противоречий между изначальной картиной мира и самим миром, открывающемся самостоятельной интерпретации в процессе становления личности вызывает внутренний конфликт и требует удовлетворения. Удовлетворение этого внутреннего конфликта может быть двояким: 1) более широкая легитимация в рамках семьи, которая конституирует возможность иных интерпретаций, и тем самым, изымет саму возможность серьезных конфликтов; 2) отсутствие оной, т.е. отсутствие признания права на автономную легитимацию изменяющейся картины мира со стороны первичных значимых других. Данный вариант с большей или меньшей интенсивностью, но с необходимостью проявится в виде реального конфликта.

Безусловно, из указанной выше схемы возможны исключения, когда даже осуществление первого варианта не тормозит развитие конфликтов. Причина может крыться в превалировании психологических, девиантных факторов над общей, когнитивной детерминантой конфликтности. Мы не можем настаивать в отношении конфликтности на большем, чем признание ее ведущей роли в потенциальном возникновении реальных конфликтов. Однако при этом, сами конфликты, во многом, оказываются инспирированы вторичными, психо-эмоциональными причинами. Конкретный психологический фон межпоколенческих отношений в семье может оказать то или иное влияние на развитие, вытекающей из процесса когнитивного развития, конфликтности. Было бы ошибочным сводить возникающие конфликты лишь к отсутствию легитимации автономных интерпретаций «сверху» и значит к «вине» родителей. Специфика психической конституции личности ребенка может, так или иначе, вести к конфликту и в ситуации, благоприятствующей его отсутствию. Но мы не можем со стопроцентной уверенностью расписывать процесс перехода от конфликтности к конфликту как чисто рациональный и возлагать «вину» лишь на одну чашу весов, а точнее, речь вообще не должна идти о какой-то «вине». Желаемая ребенком легитимация автономного постижения мира не может быть беспредельной, ведь в таком случае мы должны были бы признать полную релятивность всяких практик жизненного опыта (в практическом их смысле) и

бессмысленность какого-либо контроля и рамок для них. Определенные рамки, очерчивающие поле возможного опыта, безусловно, присутствуют, они обусловлены как конкретно-историческими социокультурными тенденциями, так и, опять же, субъективными установками первичных значимых других. Вероятность реального конфликта снижается в ситуации, когда легитимным оказывается определенный отход от идентичности с жизненным опытом и воззрениями значимых других (родителей), но это не означает, что даже в случае «либеральной» установки с их стороны, невозможно такое освоение мира, которое окажется принципиально не-легитимируемым и не повлечет за собой реальный конфликт. Необходимость в конструировании собственной реальности является естественным следствием развития личности, но у лиц, ее окружающих (значимых других), есть своя реальность – реальность актуальная и потенциально допускаемая. Строго говоря, у всех индивидуумов есть свои границы, и есть свои табу, нарушение которых ведет к конфликту (причем, эти табу могут быть неотрефлексированы и, следовательно, обозначены лишь в случае их фактического нарушения). «Отказ» в праве на автономное освоение и конструирование реальности, инспирированный психологическими особенностями конкретных значимых других, есть интенция к конфликту «сверху», т.е. от родителей. Нарушение «границ», потенциально приемлемого опыта и определенных табу, есть интенция к конфликту «снизу». Указанные интенции актуализируют конфликтную потенцию, заложенную в генеалогические взаимоотношения как следствие когнитивного развития личности.

Здесь нужно внести некоторое замечание. Само по себе нарушение границ, субъективно одобряемого (приемлемого) опыта, есть лишь предпосылка – уровень потенциальной конфликтности. Сам конфликт возникает лишь при соответствующем психологическом реагировании на данную ситуацию, иначе, он остается в латентном состоянии. Кроме того, важно, что психологический фактор, составляющий определенный срез истории семьи (истории психологических отношений в ней), сам способен порождать конфликтные ситуации и при устойчивости определенных психических реакций сам становится моментом,

нарушающим определенные приемлемые границы! То есть, например, устойчивый способ эмоционального реагирования на некий раздражитель сам по себе может быть неприемлемым для системы ориентаций в мире того или иного индивида, вне зависимости от предмета данного реагирования. Противоречивые взгляды (представления), формирующиеся в процессе когнитивного развития, при определенных обстоятельствах, влекут за собой психологическое реагирование, ведущее к конфликту. Но и практическое поведение индивидов, специфика их психо-эмоциональной жизни может вести к конфликту в случае несовпадения с определенными представлениями о должном и/или потенциально допустимом. Интеллектуальная и эмоционально-волевая сферы, постоянно взаимодействуют друг с другом, при определенных обстоятельствах рожают конфликт.

Возникновение реальных конфликтов между поколениями (как затяжных – тенденциозных, так и ситуационных) обусловлено мерой допущения феномена противоречия в картинах реальности индивидов. Но нужно подчеркнуть, что существует значительная разница между тенденциозными и ситуационными конфликтами. Ситуационные конфликты, по сути, есть форма диалога, приспособления индивидов друг к другу, способ регуляции отношений и утверждения своего Я как субъективности – никакие близкие отношения не могут быть избавлены от подобных столкновений. Другое дело, конфликты тенденциозные, затяжные, могущие приводить к фактическому прерыванию коммуникации и укорененной вражде. Такие конфликты могут возникать под влиянием радикально несовместимых представлений, а также под влиянием «неадекватного» реагирования, способного превратить в тенденцию даже незначительные разногласия (авторитаризм, радикальный консерватизм, девиантные и асоциальные наклонности, эмоциональная неспособность канализировать – «проговорить» противоречие). Конфликтность и, проявляющиеся на ее основе, реальные конфликты не являются чем-то статичным и единообразным на протяжении всей истории генеалогического отношения: «дистанция между поколениями впоследствии может либо увеличиться из-за отсутствия взаимопонимания, приводя к нарастанию агрессивности, снижению

толерантности и полному отчуждению. Либо, преодолев кризис развития, эти отношения смогут измениться в сторону улучшения коммуникации между родителями и детьми, достижения межличностного взаимопонимания»¹³¹.

Остановимся на одном интересном явлении, возникающем в процессе тенденциозных конфликтов и существенно влияющем на картину мира, участвующих в нем индивидов. Дело в том, что при возникновении тенденциозного конфликта антагонистические интенции могут транслироваться с конфликтного оппонента на представления, которые составляют основу его реальности (вкусы, интересы, взгляды, предпочтения). То есть, картина реальности одного из конфликтующих оппонентов оказывается деформирована за счет того, что определенные «зоны», открывающейся для интерпретации реальности, становятся окрашены в отрицательные тона в силу их когерентности реальности другой конфликтной стороны. Таким образом, в картине реальности может произойти поляризация «свое-чужое», где «чужое» будет оцениваться как таковое не ввиду собственной ценности, а по аналогии с легитимирующим его конфликтным оппонентом. Это, безусловно, отрицательный момент тенденциозного конфликта, способный распространяться на вещи, ситуации и других людей¹³². Однако развитие субъекта в любом случае предполагает постановку определенных границ опыта, некую поляризацию «свое-чужое»; в данном же случае конфликт оказывается своеобразным источником для подобной поляризации.

Обратимся к еще одному значимому сюжету в исследовании нашей темы. Одним из вариантов современного осмысления конфликтности поколений в семье является психиатрическая теория «двойного послания» (*double blind*, также переводится на русский язык как теория «двойного зажима»). Данная теория нашла отражение и в философской литературе – у Р. Жирара, а среди отечественных исследователей, например у И.Н. Кругловой в культурно-

---

¹³¹ Сапоровская М.В. Исследование межпоколенных связей в семейном контексте // Психологические исследования № 2. 2008. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2008n2-2/106-saporovskaya2.html>

¹³² Этот момент может быть характерен не только для генеалогических и поколенческих конфликтов.

антропологическом обосновании генезиса символа судьбы¹³³. Суть теории состоит в утверждении о том, что для ряда межличностных отношений характерна коммуникативная тенденция, при которой существует разница между вербальными и невербальными сообщениями. Например, ситуация несоответствия между мимикой отца (выражающей неодобрение) и его одобрительными словами, ведущая к возможности нескольких интерпретаций данной ситуации со стороны ребёнка и, как следствие, дискомфорту вызванному несоответствием вербального и невербального посланий. При этом «транслятором» подобных посланий выступает значимая личность, чьи послания являются директивными по отношению к адресату, а также отсутствует возможность прояснения коммуникативного противоречия¹³⁴. Квинтэссенцией двойного послания является формула «Приказываю тебе не выполнять моих приказов». Р. Жирар в работе «Насилие и священное» переводит психиатрическую теорию «двойного послания» в философское русло, интерпретируя с ее помощью конфликтную сторону межпоколенческих отношений в генеалогическом срезе. В основе концепции Р. Жирара находится понятие мимесиса, т.е. подражания. Конфликтность отца и сына трактуется как результат того, что «сын» (как и всякий индивид) формируется через посредничество некоего «другого», являющегося образцом: «Есть очевидное сходство между идентификацией с отцом и миметическим желанием: и то и другое заключается в выборе образца. Этот выбор не задан семейными связями; он может относиться к любому, кто займет рядом с сыном, у него на виду, место, обычно в нашем обществе отводимое отцу, – место образца»¹³⁵. Отец (образец, первичный значимый другой) конституирует его – сына, собственные желания, стремления, душевные интенции: «...желание принципиально *миметично*, оно срисовано с образцового желания; оно выбирает тот же объект, что и этот

---

¹³³ Круглов В. Л., Круглова И. Н. Культы судьбы и судьбы культуры (опыт герменевтико-антропологического прочтения). Томск, 2010. 260 с.

¹³⁴ Бейтсон Г. Экология разума. М., 2000. 476 с.

¹³⁵ Жирар Р. Насилие и священное. М., 2010. С. 223.

образец»¹³⁶. Таким образом, согласно Р. Жирару, отец дает образец подражания сыну, но затем сам становится преградой для претворения в жизнь этого образца. С одной стороны, он как бы говорит сыну: «будь таким как я», но с другой он повелевает ему: «не смей быть таким как я». Ситуация двойного послания задает парадигму генеалогического отношения в его психологически напряженной, конфликтной специфике. Постараемся совместить данную интерпретацию межпоколенческой конфликтности с вышеизложенным видением данной конфликтности. Прежде всего, здесь конфликтность может рассматриваться как укорененная, интроецированная внутри личности «сына», как следствие ситуации двойного послания (на то, что данная ситуация с той или иной степенью интенсивности свойственна всем межличностным отношениям указывают современные психологи¹³⁷). Можно предположить, что переход к иным моделям интерпретации действительности, которые инспирируют вторичные значимые другие, облегчается противоречиями, развертывающимися в рамках первичной связи. Здесь налицо определенная «фрустрация опыта» – образцом является фигура старшего – т.е. родителя, однако, вести себя, действовать как он здесь и сейчас, по сути, запрещено: «два желания, сталкиваясь на одном объекте, делают друг для друга преградой. Всякий мимесис, направленный на желание, автоматически приводит к конфликту»¹³⁸ и далее: «Даже поощряя подражание, образец удивлен конкуренцией, в которую с ним вступают. Ученик, кажется ему, его предал; он «вторгся на его территорию». А ученику кажется, что он осужден и унижен. Он полагает, что его образец считает его недостойным участия в том бытии, которым наслаждается сам»¹³⁹. Таким образом, личность неспособная к реализации данного первичного миметического стремления, начинает выстраивать индивидуальный опыт, соотнося себя с иными значимыми другими, иными источниками опыта, в результате чего всякий индивидуальный опыт и приобретает свою характерную мозаичную специфику. Однако здесь и

---

¹³⁶ Там же, с. 193.

¹³⁷ Г. Бейтсон, Д. Д. Джексон, Дж. Хейли, Дж. Х. Уикленд. К теории шизофрении // московский психотерапевтический журнал. 1993. № 1. С. 5 – 24; № 2. С. 5 – 18.

¹³⁸ Жирар Р. Насилие и священное. М., 2010. С. 193.

¹³⁹ Там же, с. 193-194.

заключается переход к возможной актуализации изначальной конфликтности, ведь ситуация двойного послания продолжает действовать и становящаяся личность, вынужденная следовать предписанию «не будь таким как я», автоматически не выполняет императив «будь таким как я!». Происходит переход к реализации конфликтности, как основанной на не совпадении систем представлений двух разных личностей. С ходом развертывания подобных отношений происходит и проявление личностно-экзистенциального момента конфликтности. Становящаяся личность интериоризирует конфликтную ситуацию, а кроме того, находится в ситуации, когда первичная интенция императива «будь таким как я» не преодолена. Первичный значимый другой продолжает играть важную роль в жизни становящейся личности, даже если образ-для-подражания переходит на бессознательный уровень. Таким образом, мы можем рассматривать межпоколенческую конфликтность в семье не только как явление, проявляющееся вовне – в межличностных отношениях, но и внутри личности, как следствие ситуации «двойного послания». Конфликтная напряженность в таком случае поддерживает генеалогические отношения в «подвешенном состоянии», когда ни позитивный (признание), ни негативный (разрыв) выход из миметической ситуации не имеет места: «Бунт плох не тем, что он отвергает те или иные ценности, а тем, что он так же не способен их отринуть, как и сохранить»¹⁴⁰, и, далее: «Бунт двойственен, поскольку бунтарь уважает то, против чего восстает, и нападает на то, что почитает»¹⁴¹. Как же в данной негативной ситуации оказывается возможным сохранить позитивные приобретения, возникающие вследствие развития конфликтной тенденции? Данный вопрос подводит нас к рассмотрению телеологии межпоколенческой конфликтности в генеалогических отношениях. Анализ данного измерения межпоколенческих отношений, ориентированный на установление личной и межличностной значимости конфликтной конфигурации отношений, станет предметом нашего исследования в следующем параграфе.

---

¹⁴⁰ Жирар Р. Достоевский: от двойственности к единству. М., 2013. С. 118.

¹⁴¹ Там же, с. 118.

К каким выводам мы приходи по результатам исследования предпринятого в данном параграфе?

Во-первых, источник конфликтной тенденции генеалогических отношений коренится в самой специфике человека как существа познающего мир, конструирующего свою реальность. Опираясь на социальный конструкционизм П. Бергера, Т. Лукмана и когнитивную теорию Ж. Пиаже, мы пришли к следующему выводу. Конфликтное противоречие возникает в результате расхождений между теоретическим планом реальности, что предпосылают ребенку, становящейся личности, его первичные значимые другие (т.е. родители), и его собственной, формирующейся картиной мира, обусловленной, с одной стороны, его практическим, эмпирическим взаимодействием с действительностью, а с другой – воздействием с новыми значимыми другими, с которыми он постоянно сталкивается в процессе вторичной социализации и взаимодействием с которыми детерминируют развитие индивидуальности в ее «мозаичной» специфике.

Во-вторых, одного противоречия между индивидуальными теоретическими комплексами представлений о реальности не достаточно для возникновения конфликтов как актуального проявления конфликтной тенденции. Конфликты возникают в результате действия вторичных (психологических и социальных) причин – специфического эмоционально-волевого реагирования на теоретические противоречия между представлениями о той или иной сфере или предмете действительности.

В-третьих, специфика генеалогической конфликтности состоит в личностной значимости самого образа семейных отношений и первых значимых других для человека. Специфика межпоколенческого конфликта в семье обусловлена той близостью и неразрывностью, что характеризует генеалогические отношения. Отсюда, исходит, с одной стороны, важность для становящейся личности той картины мира, что предпосылают ей первичные значимые другие и, соответственно, значимость обнаруживающихся в ней противоречий, а с другой – актуализация темы взаимных фрустраций, которые

могут развиваться ввиду процесса расхождения представлений о действительности между людьми, изначально поставленными в крайне тесные отношения.

В-четвертых, используя психиатрическую теорию «двойного послания», на данный момент уже активно используемую в философском дискурсе, мы выявили еще одну специфическую черту генеалогической конфликтности. Одним из источников конфликтности является дихотомия установок «отца» по отношению к «сыну», выражающаяся в формуле «будь таким как я!» и «не смей быть таким как я!». Парность данного «послания» закладывает в становящуюся личность чувство непонимания и смущения. Переход к иным моделям интерпретации действительности, которые инспирируют вторичные значимые другие, облегчается противоречиями, развертывающимися в рамках первичной связи. Это является «фрустрацией опыта» – родитель (старший) является образцом; но вести себя, действовать как он здесь и сейчас, по сути, запрещено. Личность, неспособная к реализации первичного миметического стремления, начинает выстраивать индивидуальный опыт, соотнося себя с иными значимыми другими, иными источниками опыта, в результате чего всякий индивидуальный опыт и приобретает свою характерную мозаичную специфику. В этом и заключается переход к возможной актуализации изначальной конфликтности, ведь ситуация двойного послания продолжает действовать и становящаяся личность, вынужденная следовать предписанию «не будь таким как я», автоматически не выполняет императив «будь таким как я!». Происходит переход к реализации конфликтности, основанной на несовпадении систем представлений двух разных личностей.

В-пятых, в зависимости от интенсивности проявления конфликтности в виде конфликтных эксцессов, данные эксцессы можно разделить на ситуационные и тенденциозные. Реальный конфликт может переноситься, как на другие цели и объекты, так и внутрь собственной личности, становясь невротическим феноменом. Наконец, конфликт может и при наличии детерминирующих его противоречий не вылиться в открытую форму, а

реализовываться в латентной форме, проявляться в мнимых ситуационных конфликтах, которые будут канализировать в действительности тенденциозный конфликт, чья открытая форма оказывается невозможна, в силу неспособности субъектов конфликта проговорить, обозначить его.

2.2. Межпоколенческая конфликтность как механизм конституирования индивидуальности

В предыдущем параграфе мы обозначили как в генеалогических взаимоотношениях между поколениями оказывается возможно появление и развитие конфликтной тенденции. В данном параграфе мы собираемся продемонстрировать значимость развития конфликтной конфигурации во взаимоотношениях, как для самой становящейся личности, так и для ее отношений с бинарным оппонентом – т.е. со своим родителем (родителями). При этом мы должны избежать истолкования первичной связи и ее значимости для личности лишь в контексте ее преодоления, необходимого для полноценного включения в социокультурный процесс (в духе ранних работ З. Фрейда). Как указывалось в предыдущем параграфе, семейное отношение – первичное отношение, обладает особой значимостью для личности на протяжении всей ее жизни. Мы будем рассматривать динамику первичного отношения как значимую для личности в экзистенциальном плане, вне зависимости от ее утверждения в многообразных фигурациях социального поля, в силу самой нерасторжимости данного отношения.

Родительская семья является первичной формой включения индивида в мир, она предоставляет ему первоначальную идентификацию: «...наше внимание привлечет, прежде всего, характер установления, благодаря самому факту

рождения, точного места на линии кровного родства; именно оно до всякого самосознания «я» сообщает ему в глазах гражданского института идентичность, обозначаемую словами: сын такого-то, дочь такого-то»¹⁴². Еще до того, как будет сформировано самосознание индивида, он оказывается нанесен на карту реальности и этот факт становится отправной точкой его жизни; к нему он может мысленно возвращаться как к своей предыстории – в этом смысле включенность в генеалогический порядок оказывается «археологией личности»: «Родительский проект – каков бы он ни был, – благодаря которому я появился на свет, преобразовал статику генеалогической картины в созидательную динамику, которая включена в слово «трансмиссия»: трансмиссия жизни, сама порожденная генеалогическим началом в качестве человеческой; трансмиссия семейной легенды, трансмиссия наследования торговых и неторговых благ; наконец, трансмиссия, подытоженная в именовании: «меня зовут», «мое имя...»»¹⁴³.

Здесь мы должны вступить в определенную дискуссию по поводу проблемы признания (как собственного, так и взаимного), так как во многом именно в динамическом напряжении двух этих типов признания и коренится межпоколенческая конфликтность и ее реализация. Отправной точкой станет припоминание ключевого положения эпигенетической теории Э. Эриксона: борьба за самоидентичность, постижение мира (т.е. его интерпретация) из собственного опыта, «из себя» в противовес смешению с позицией иного субъекта. Однако необходимо углубить эту идеалистически-индивидуалистическую точку зрения. Человек, являющийся центром освоения мира, конструирования своей реальности, не замкнут сам в себе; взаимовлияние субъектов, обмен точек зрения и моделей интерпретаций есть неотъемлемая сторона человеческой жизни: «Любой опыт осуществляется так, что в постоянном коммуникативном обмене наше познание мира непрерывно складывается»¹⁴⁴. Более того, как замкнутая на себе автономность, человек не способен достичь подлинного самоутверждения – самопризнание необходимо зависит от признания

¹⁴² Рикёр П. Путь признания. М., 2010. С. 182.

¹⁴³ Там же, с.182.

¹⁴⁴ Гадамер Г. – Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 14.

взаимного – признания со стороны другого: «Во взаимном признании завершается путь самопризнания»¹⁴⁵. Человеческое Я не может полноценно существовать и развиваться вне диалога, без интенции к «другому Я»: «Фундаментальная данность человеческого существования — это человек с человеком. Только в том случае, когда индивидуум осознает Другого как свою собственную инаковость и когда на основе этого он попытается проникнуть в Другого — только тогда он сможет разорвать замкнутый круг одиночества»¹⁴⁶. Важно понимать и то, что Другой никогда не может быть постигнут мною до конца, так или иначе он всегда остается полностью не познанным: «Что касается опыта другого относительно себя самого, он в его изначальной форме для меня запрещен навсегда даже в самом благоприятном случае...»¹⁴⁷.

Индивид постоянно соприкасается с «Другим», встречает его в многочисленных ситуациях своей жизни. Но бытие в семье, это не просто еще одна (пусть и самая первая) встреча с «Другим», это встреча под знаком времени – само слово поколение, фамилия, генеалогический принцип предполагает здесь, что ребенок, «рожденный человек» – становящаяся личность, чье становление неизбежно связано с будущим, встречается с прошлым в лице своих родителей. Данное прошлое многообразно – оно предполагает и личное прошлое, актуализированный в настоящей личности родителей результат поэтапного их становления (совокупность их взглядов, воззрений и представлений), также это и репрезентируемое через родителей прошлое социокультурной среды, переходящее в настоящее и готовящее свое будущее. Именно через встречу со всем этим, становящееся «Я» – ребенок своих родителей включается в процесс, названный П. Рикёром «трансмиссией». Таким образом, ребенок изначально оказывается встроен в динамический процесс течения времени и становится объектом трансляции, как непосредственного опыта своих родителей (и связанных с ним ожиданий в отношении становления самого ребенка), так и опосредованного через них влияния наличного социокультурного времени. Кроме

---

¹⁴⁵ Рикёр П. Путь признания. М., 2010. С. 177.

¹⁴⁶ Лифинцева Т.П. Философия диалога Мартина Бубера. М., 1999. С. 49.

¹⁴⁷ Рикёр П. Путь признания. М., 2010. С. 246.

того, входящий в мир человек получает в семье первый опыт встречи с «Другим», который раскрывает перед ним свой опыт и актуализирует заложенные в себе смыслы. Однако как тревожное напоминание звучит положение современной конфликтологии о неизбежности конфликта даже в самых близких отношениях. Но что означает возникновение конфликта в генеалогических отношениях и чему он служит? Возможно, намек на направление поиска ответов на эти вопросы дают нам слова П. Рикёра: «...речь идет о том, чтобы отыскать в развитии конфликтных взаимодействий источник для одновременного расширения индивидуальных способностей... применительно к человеку, способному обрести свою самость»¹⁴⁸.

Что является горизонтом процесса становления личности, в который в том числе входит и развитие конфликтной конфигурации отношений с первичными значимыми другими – родителями? По нашему мнению, данным горизонтом выступает развитие того, что П. Рикёр называет самостью и с чем он связывает феномен самопризнания: «Для человека «действующего и испытывающего воздействие» долг путь к узнаванию/признанию себя тем, кем он является на самом деле, – человеком, «способным» определенным образом себя реализовать»¹⁴⁹. Самость, которая обретается, конструируется в процессе становления личности, связана с рядом модусов, таких как: «я говорю», «я делаю», «я рассказываю о себе», «я обещаю» и «я помню». Согласно П. Рикёру, данные модусы самости составляют то, что он называет «феноменологией могущего человека». Таким образом, путь становления личности оказывается путем самопризнания индивида в качестве, с одной стороны, обладающего способностями, выраженными модусами «я могу», а с другой, центром решений, раскрывающих данные способности: «Самопризнание, таким образом, обретается в развертывании образов "я могу", которые в совокупности составляют портрет человека способного, его собственное пространство обозначения»¹⁵⁰. Именно путь самопризнания, обретения самости и связывается нами с специфически

---

¹⁴⁸ Там же, с. 177.

¹⁴⁹ Там же, с. 71.

¹⁵⁰ Там же, с. 146.

конфликтной конфигураций отношений. Конфликтность играет роль механизма реализации двух типов свободы – негативной (свободы от...) и позитивной (свободы в...). П. Рикёр различает удостоверение в способностях от их предписания извне. В этом и заключается назначение конфликтной конфигурации отношений – она способствует развитию личности по пути самоудостоверения, самоидентификации, в противовес предписанию и ролевому смешению. Каким образом данная точка зрения оказывается связана со спецификой бытия в семье?

Родители выступают по отношению к ребенку в качестве точек влияния, транслируя свои взгляды, они создают вокруг становящейся личности своеобразную ауру опосредования, которая облегчает взаимодействие внешней и внутренней реальности, дает первичные каналы и каноны интерпретации мира: «Мы полагаем, что согласие с реальностью есть бесконечная задача и что ни одно человеческое существо не сможет освободиться от ее напряжения, вызванного соотношением внутренней и внешней реальности; мы считаем также, что это напряжение может быть ослаблено благодаря опосредующей ауре (искусство, религия и др.), существование которой бесспорно»¹⁵¹. Но, приобщаясь к их системам представлений, становящаяся личность принимает на себя роль соавтора всякой точки зрения, оказывающейся интериоризированной в его сознании. Становящаяся личность, ребенок, начинает активно взаимодействовать с той аурой опосредования, что задана ему со стороны родителей, интерпретировать, развивать ее, особенно после того, как в поле его социального взаимодействия окажутся новые значимые другие, способствующие привнесению новых черт в постепенно складывающуюся, мозаичную систему представлений индивида: «Эта опосредующая сфера является непосредственным продолжением игрового пространства, в котором развивается ребенок, полностью погруженный в свою игру»¹⁵². Интерпретация, таким образом, оказывается тем, что вечно творится в точке встречи различных опытов, различных субъективностей, проще говоря, в точке встречи двух Других. И точка зрения одного (даже самого

¹⁵¹ Winnicott D. W. *Playing and Reality*. URL: <http://web.mit.edu/allanmc/www/winnicott1.pdf>

¹⁵² Там же.

близкого) не оказывается буквально воспринятой вторым. И дело не только в феномене восприятия, но и в феномене передачи опыта – различные его оттенки, нюансы, все то, что и придает ему специфику (например, главное – динамика – история становления опыта) оказывается нетематизируемым, невербализуемым, это то, что невозможно передать полностью. Благодаря таким зазорам в трансляции точек зрения, трансляции опыта и возникают противоречия, рассогласования, которые могут вести к ситуационным конфликтам, а накапливаясь и сочетаясь с определенными условиями и к тенденциозным. Интернализируемая реальность – мир, все время раскрывает свою противоречивость перед интерпретирующим сознанием. Эта противоречивость мира оказывается возможна лишь через субъективность его интерпретаций – через процесс экстернализации. Таким образом, постоянно в процессе своей жизни, своего развития индивид, «Я», раскрывает свою собственную противоречивость. Но как быть с ребенком в момент его вхождения в жизнь, когда он есть не более, чем «нулевая функция на шкале мест»¹⁵³? В этот момент он еще не «Другой», родители, транслируя ему первичную идентификацию, предпосылая его будущему опыт своего прошлого и свои надежды, свой проект его жизни, делают его «своим». Но в процессе рассмотренного нами интеллектуального развития, он раскрывает свою инаковость по отношению к этому проекту, к этим ожиданиям, обозначая свою индивидуальность и творя историю своего собственного динамичного опыта мира. С этого момента индивид становится «Другим» по отношению к своим родителям, перестает быть «прозрачным» для них: «содержание Другого разум не способен в принципе ухватить полностью и без остатка»¹⁵⁴. Процесс этот порождает фрустрации – для родителей это фрустрации «отделения», «отпадения» – некто, изначально «свой», теряет, изменяет предпосланные ему черты и обретает статус «Другого». Эти фрустрации необязательно ведут к конфликту, они могут канализироваться и не через антагонистические эмоции. Но и основание для конфликта здесь

---

¹⁵³ Рикёр П. Путь признания. М., 2010. С. 183.

¹⁵⁴ Гуревич П. С. Проблема Другого в философской антропологии М.М. Бахтина // М. М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 85.

присутствует – при определенном психологическом типе, возможно конфликтное, антагонистическое реагирование на отхождение от транслированного родителями «проекта». Вероятность такого реагирования тем больше, чем больше рассогласование между ожиданиями и реальным положением дел – т.е. становлением личности ребенка, происходящему в соответствии с противоречивой (непрогнозируемой) природой данного процесса.

Становящаяся личность реализует благодаря конфликтной интенции свою негативную свободу – свободу не быть обусловленной неким предписанием. Мы не считаем, что было бы правомерно рассматривать становящуюся личность как обретающую самость исключительно в порядке самодетерминации. Иными словами, было бы ошибкой считать, что самость, конституируемая в процессе жизни, имманентно принадлежит личности и лишь последовательно раскрывается. Отнюдь, горизонт самости задан тем окружением, теми точками влияния, которые создают уже описанную нами «ауру опосредования». Не стоит забывать и о зеркальном характере формирующегося «Я» и его мозаичной специфики. Суть субъективности состоит не в придании некоего личного наполнения каждому используемому индивидом слову (обращение к словесному выражению личности здесь актуально, ведь П. Рикёр рассматривает модусы самости именно через призму говорения – обещания, интерпретации, воспоминания. Все они связаны с субъектом через рассказ – через речевые акты). Подобная точка зрения была бы невозможна ввиду той критики субъекта, как конституирующего смысл своих слов, что предложена в поздней философии Л. Витгенштейна¹⁵⁵. Мы согласны с идеей о том, что смысл отдельных слов усваивается индивидом на основе практик их употребления, имеющих место в обществе, окружающем его. Однако по нашему мнению, субъективность, не конституируя смысл отдельных слов, конституирует комбинации их употребления. Источник возможности различным образом комбинировать смыслы, встающие за словами, приобретает индивидом, с одной стороны, в

---

¹⁵⁵ Филиппович, А. В.. Философские исследования. // История Философии. Энциклопедия. URL: http://velikanov.ru/philosophy/filosofskie_issledovaniya_vitgenshtejn.asp

процессе буквального усвоения таких комбинаций от различных значимых других, а с другой, благодаря той аналитической и гипотетической способности, что приобретается индивидом в возрасте 11 – 15 лет и связывается Ж. Пиаже с развитием формально-операционального мышления. Именно способность комбинировать и рекомбинировать, дает возможность выражению субъективности и появлению в социокультурном поле новых смыслов и значений. Это открывает для нас перспективу углубления понимания конфликтной конфигурации в генеалогических отношениях. В процессе своего становления личность приобретает возможность различным образом выражать свою самость, вести повествование, созидая собственные смыслы. Негативная свобода, как один из горизонтов раскрывающейся самости, поддерживает подобную возможность, отвергая однозначное предписание способностей (а соответственно и проговариваемых смыслов) индивида со стороны каких-либо значимых других. В конечном счете, самость приобретает мозаичный характер, многие смыслы, созидаемые ею, не являются чем-то принципиально отличным от смыслов, циркулирующих в социокультурном поле. Но субъективность выражает себя в акте выбора среди множества различных смыслов и их вариаций, с которыми личность сталкивается в процессе жизни. Именно поэтому путь самопризнания есть путь становления субъективности, самости выражающей свою негативную и позитивную свободу в процессе выбора и порождения собственных интерпретаций, смыслов. Индивид не только раскрывает модусы своей самости, но и обретает ответственность за продуцируемые им речевые акты (акты рассказа, воспоминания, обещания) и связанные с ними действия. А параметр ответственности, способности «вменить себе в ответственность» является одним из ключевых при характеристике состоявшейся индивидуальности – возможность выбора, рекомбинации смыслов, которую мы связываем с развитием межпоколенческой конфликтности, является здесь одним из важнейших моментов на пути достижения данной способности.

В работе П. Рикёра указывается на связь самопризнания и взаимопризнания, где переход от первого ко второму связывается им с гегелевской идеей борьбы за

признание (активной интенцией). Процесс борьбы: «...берет начало в негативном полюсе и направляется к полюсу позитивному – от пренебрежения к вниманию, от несправедливости к уважению»¹⁵⁶. Что требует индивид в этой борьбе? Очевидно то, что уже признано им самим – факт того, что он является автономной единицей бытия, центром решений, источником утверждений класса «я могу», субъективностью, осознавшей себя в своей самостоятельности и познавшей ее. П. Рикёр подчеркивает, что Г. Ф. В. Гегель выделяет мотив борьбы за признание, как один из ведущих в жизни личности, причем горизонтом этой борьбы является именно признание личности в качестве инаковости, чего-то своеобразного в своем отличии от тех, чьего признания она добивается. Согласно П. Рикёру, Гегель определяет желание быть признанным как мотив, лежащий в самой основе совместной жизни¹⁵⁷.

Мы отнюдь не стремимся представить борьбу, конфликт систем представлений о реальности как борьбу прозрачных, отрефлексированных, опредмеченных взглядов. Мы, безусловно, не должны отказываться от результатов работы Г.-Г. Гадамера, столь удачно обозначенных им в статье «Философские основания XX века». И потому мы должны прояснить, что системы представлений индивидов, как в прошлых состояниях их динамического становления, так и в относительно статичном «здесь и сейчас», не являются рационально рефлекслируемыми комплексами мысли. Складывание опыта отдельного индивида многофакторно, а сам опыт многослоен, многие его детерминанты неосознанны, а мотивы действий и суждений бессознательны. Однако именно этот момент во многом и усиливает возможность конфликтной напряженности – нерефлекслируемость противоречий, невозможность рационального анализа путей образования антагонистических взглядов лишь шире открывает двери психологическим коннотациям конфликта. Утверждение становящейся личности, путь самопризнания изначально реализуется благодаря конфликтной конфигурации – на выделении себя как другого, как

---

¹⁵⁶ Рикёр П. Путь признания. М., 2010. С. 164.

¹⁵⁷ Там же, с. 156.

индивидуальности. Противопоставление собственного Я «Другому», есть основа подобного пути самоутверждения, а в силу особой близости семейных отношений, идеальный, в плане противопоставления, «Другой» может быть найден именно там. Модель подобного конфликта распадается на две уже известные нам составные части: когнитивную предпосылку и своеобразное психо-эмоциональное поведение. Необходимо понимать, что многоаспектная разность картин мира, дабы перейти в конфликт, должна обрести предметную нацеленность – канализироваться в каком-то конкретном противоречии. Широкое распространение межпоколенческого конфликта в семье оказывается возможным лишь при переходе от традиционного к модернистскому обществу. Причина конфликта, то есть конфликтность в ее латентном измерении, лежит в объективном процессе когнитивного развития, а свою генеалогическую специфику конфликт приобретает благодаря определенной близости, напряжению ожиданий и надежд в отношении друг друга, что существуют в семье. Подобная причина – конфликтность, как факт когнитивной специфики человеческой жизни, как мы считаем, существовала всегда, а вот возможность широкого распространения ее нет. Дело в том, что такая возможность появляется лишь при значительном возрастании уровня дифференциации всевозможных общественных практик (профессиональных, экономических, интеллектуальных, политических, этических, эстетических и т.д.), то есть при появлении реального множества альтернатив конструирования своей жизни, своего «проекта» в ткани социальной реальности. Здесь налицо определенная диалектика – с одной стороны, расширение социальных практик дает источник для формирования разнообразных, альтернативных комплексов представлений о реальности, а с другой стороны данные практики, различное к ним отношение, позволяет канализировать, опредметить конфликтную потенцию. Причина конфликта – конфликтность человеческого бытия (семейного в частности), может существовать как нечто нетематизируемое, переполненное невербализуемым множеством нюансов, но переход к конфликту всегда конкретен (речь не идет о масштабе повода к этому переходу). Условия же для широкой канализации

межпоколенческой конфликтности обозначаются лишь при переходе от традиционного к модернистскому обществу. Классическим вариантом подобной перемены (едва ли осуществлявшейся без генеалогического конфликта) является отход от профессиональной преемственности в семье, свойственной традиционному обществу. Противопоставляя себя фигуре «отца», условный «сын», таким образом стремиться к утверждению своей индивидуальности через процесс формирования собственного жизненного проекта, через реализацию себя в определенных жизненных практиках. Антагонистическая фигура оппонента – «отца», оказывается здесь необходима для более рельефного выражения собственной автономии. Конфликт, реальные, проговариваемые противоречия помогают становящейся личности прояснять, развивать собственные представления и развивать сообразно им собственные индивидуальные черты и склонности. В определенном смысле, подобный конфликт может провоцироваться именно «снизу», даже без изначальной интенции «сверху». Это происходит, так как инструментальная функция конфликта (утверждение, «прояснение» себя) оказывается необходимым этапом становления личности: «...человек становится зрелым, «сознательным» тогда и только тогда, когда он становится способным на создание новых образов, которые, будучи последовательно связаны друг с другом, образуют «дух» в гегелевском его понимании»¹⁵⁸.

Мы отнюдь не стремимся представить родительскую фигуру в негативных тонах, как нечто, неизбежно мешающее становлению личности «сына» и не обладающее в этом процессе позитивной значимостью. Здесь стоит коснуться проблемы авторитета. Г.-Г. Гадамер следующим образом определяет данный феномен: «Авторитет личности имеет своим последним основанием вовсе не акт подчинения и отречения от разума, но акт признания и осознания, - осознания того, что эта личность превосходит нас умом и остротой суждения, а значит ее суждения важнее наших, то есть обладают большим достоинством, чем наши собственные. С этим связано и то, что никто не приобретает авторитета просто

---

¹⁵⁸ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 2008. С. 446.

так, что его надо завоевывать и добиваться. Авторитет покоится на признании и, значит, на некоем действии самого разума, который, сознавая свои границы, считает других более сведущими. К слепому повиновению приказам этот правильно понятый смысл авторитета не имеет вообще никакого отношения»¹⁵⁹. Это рассуждение, мы считаем, необходимо прояснить в смысле конкретной значимости родительского авторитета для становящейся личности. Вне всяких сомнений, в том, что касается конкретных, практических умений, авторитет легко обнаружить и зафиксировать. Родительская фигура может утвердить себя в качестве авторитетной при трансляции подобного опыта, а реципиент обретает возможность высказывания «я могу», лишь при посредстве подобного научения. Но совсем другое дело утверждение авторитета в широких и абстрактных представлениях относительно многообразной реальности. Может ли авторитет фигуры «отца» быть утвержден в зоне политических, эстетических или профессиональных (в смысле выбора) практик? Отнюдь, ведь эмпирически утверждаемое «я могу» уже не может заверить авторитетность позиции, когда выбор свершается в сфере релятивно возможного. Где же находит себе «место» такой (родительский) авторитет? Неужели в сфере так называемого «жизненного опыта»? Но что тогда означает данный авторитет? Ведь он не может подменять собой реальную жизненную практику индивида. Таким образом, мы утверждаем, что данный авторитет есть одна из возможных точек влияния, потенциально сохраняющих свою первоначальную значимость в жизни «сына» постольку, поскольку она принимается в качестве таковой. Иначе говоря, авторитет принимается тогда, когда он воспринимается как нечто значимое, однако, объективным путем он не верифицируем. И мы вновь возвращаемся к положению о том, что именно в процессе противопоставления себя и «другого» (в данном случае родителя), в конфликтной конфигурации личность может познавать и развивать свои индивидуальные черты, поскольку дело касается выбора в сферах, изначально релятивных, не имеющих однозначного эмпирического подкрепления.

---

¹⁵⁹ Гадамер Х. – Г. Истина и метод. М., 1988. С. 332.

Коснемся еще одного значимого момента. Семейное бытие предполагает включенность индивида в темпоральное измерение, идентификация с семьей задает точку отсчета его прошлому, а родительский проект создает первоначальную направленность в будущее. Однако в процессе своего становления индивид вступает в конфликт с этой темпоральной предустановленностью. Он не только стремится к утверждению себя в различных социальных фигурациях, не только к раскрытию своего Я через разнообразные взгляды, представления и предпочтения, но и к приданию данному процессу динамической полноты, которая оказывается возможна лишь при условии контроля (воспринимаемого как таковой) над своим прошлым и будущим. Каким образом индивид присваивает себе свое собственное будущее, обретает видимость власти над ним, становится свободен в нем? Благодаря способности к свободе (условной) интерпретаций. Индивид может конструировать видение своего будущего, представление о нем, позволяющее свершаться (в перспективе) в нем различным мечтам его и планам, при этом проект будущего оказывается ничем иным, как актуализацией той потенциальности, что имеет место в настоящем. Именно в таком смысле оказывается возможна свобода человеческого «проекта». И свобода эта вместе с ответственностью как бы отчуждается, изымается из рук тех, кто до того владел ей – т.е. родительских фигур. Является ли процесс этот непременно конфликтным? Нет. Но модели проектов вступают в неизбежную сверку друг с другом, и в той мере, в какой их разность может породить неприятие, конфликт оказывается возможен. Путей реализации обретаемой свободы проектирования слишком много и их не стоит идеализировать, точно так же как не стоит ожидать, что каждый из них, окажется адекватно воспринят родительской инстанцией, ввиду объективного различия тех причин, которые вели к пониманию того, каким должен или хотя бы может быть проект будущего.

Однако в процессе утверждения своего Я индивиду свойственно и перетолкование, которое есть ни что иное, как присвоение своего прошлого. А прошлое, как мы и говорили, всегда связано с родительской семьей, она является археологией личности. Поскольку «сын» может испытывать разочарование,

фрустрации, вызванные теми ограничениями (социальными, психологическими) которые связь с семьей накладывает на проект его будущего, на то, что приобретает статус значимого для него, он испытывает тягу к интерпретации своего прошлого. Это тот самый момент, о котором говорил О. Ранк в своем развитии фрейдовских идей – мальчик, испытывая разочарование в своих родителях, творит некий миф, в котором изменяет собственный статус и положение (через идею подброшенности, мечту обретения истинных – т.е. лучших родителей и т.д.). Мы немного углубим эту мысль: во-первых, перетолкование прошлого имеет целью подкрепление своего нынешнего положения – своих текущих представлений и стремлений. Поскольку они вызывают неприятие со стороны родителей, постольку имеющийся антагонизм, конфликтная конфигурация пробрасывается и на прошлые состояния семейного бытия, поколенческих взаимоотношений. И наконец, подобное перетолкование в случае тенденциозных конфликтов может быть направлено на реальный разрыв с семейным окружением, где реальность будущего антагонизма подкрепляется конфликтной интерпретацией прошлого (что может быть не более чем мифологизацией собственной истории). Данная точка зрения совпадает с выделением двух типов «прошлого» Ж. П. Сартром: «В экзистенциализме Сартра два вида прошлого. Первый вид, включающий в себя «все» случившееся, является Прошлым как таковым. Это Прошлое уходит в «почетное» существование, утрачивая какую-либо связь с настоящим (аналог «забвения» Хайдеггера). Второй вид — это наше реальное (т.е. экзистенциальное) прошлое, оно не «дано», а «приобретается» нами, причем мы не можем не выбирать его своим пристрастным к нему отношением. Подлинное прошлое у Сартра создается субъектом и, понимаемое таким образом, оно позволяет ему решать проблему свободы и детерминирующего человеческого выбор прошлого»¹⁶⁰. Становящийся субъект сам создает, «выбирает» свое прошлое в зависимости от того перспективного желания будущего, что открывает ему настоящее. Субъективное

---

¹⁶⁰ Лифинцева Т. П. Философия диалога Мартина Бубера. М., 1999. С. 25

прошлое, т.е. память, составляет человеческую личность: «память и есть душа»¹⁶¹, но и сама память, как субъективное прошлое, задана наличным, настоящим существованием личности. Прошлое, настоящее и будущее существуют диалектически – настоящее человека не может быть представлено без его воспоминаний о прошлом и планов будущего, но и первое и второе конституируется наличным состоянием личности: «личная идентичность есть идентичность во времени» - личность, самость воспринимает моменты своего прошлого и будущего не в их самотождественности, а с той точки зрения, которая существует для личности в актуальный момент. Дело в том, что подобное перетолкование прошлого и конструирование будущего служат цели обретения самопризнания: «их противоположность (*памяти прошлого и обещания будущего – прим. мое – Е.С.*) и взаимодополнительность придают темпоральную широту самопризнанию, основанному на истории жизни и вместе с тем на обязательствах долговременного будущего»¹⁶². Одним из условий и гарантов такого самопризнания и выступает развитие конфликтной конфигурации с изначальным, обуславливающим личность окружением, т.е. родительской семьей. Конфликтная конфигурация, обеспечивая самопризнание, может, таким образом, вести к образованию некоторой дистанции или даже к попытке некоего разрыва с семейным окружением.

Но именно в попытке подобного разрыва и заключена главная драма межпоколенческого конфликта в семье. Никакой разрыв, никакое прерывание коммуникации, никакие самые принципиальные расхождения в представлениях не способны до конца завуалировать факт первичной связи, которую предполагает бытие в семье: «Человек – единственное существо, являющееся жертвой своего детства: человек – это существо, которого детство постоянно тянет назад»¹⁶³. С момента запуска того, что П. Рикёр назвал «трансмиссией», участники поколенческого взаимодействия оказываются связаны некой нерушимой связью, словно сам образ друг друга укореняется в самой их

¹⁶¹ Августин А. Исповедь. URL: <http://www.lib.ru/HRISTIAN/AWRELIJ/ispowed.txt>

¹⁶² Рикёр П. Путь признания. М., 2010. С. 121.

¹⁶³ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 2008. С. 177-178.

конституции и обуславливает некую константную напряженность, которая и есть фамильное отношение – фиксация другого в поле своего зрения. Где бы ни находились участники такого взаимоотношения, в каком бы текущем отношении друг к другу они не состояли, они все время имеют в виду существование один другого, а другой первого. В этом смысле, генеалогическое отношение не похоже ни на какую другую социальную связь – из него нельзя полностью уйти. И дело здесь не в апелляции к некоему «духу крови», а в фундаментальной значимости образа семьи, образов «отца» и «сына». Данный феномен обуславливает специфику конфликта в генеалогических отношениях: в отличие от конфликтов в рамках разнообразных социальных фигураций, этот конфликт не может быть до конца реалистическим (в смысле нацеленности на некую строго определенную, прагматическую цель). Этот конфликт, в случае своего внешнего проявления, оказывается своего рода воззванием к признанию, к тому, чтобы быть понятым в своей инаковости, к тому, чтобы быть услышанным. В процессе образования различных точек зрения (по отношению к которым естественная разнесенность поколений в социокультурном времени лишь одна из детерминант), индивиды – «отцы» и «дети» – жаждут признания, которое есть процесс обмена, диалога, посвящения друг друга в свои взгляды и желания уважения этих взглядов. Не случайно П. Рикёр говорит об «униженности непризнанием»¹⁶⁴, а Г.-Г. Гадамер включает поколенческую конфигурацию в список тех отношений, в которых наше время столь остро ставит проблему непонимания¹⁶⁵.

Межпоколенческий конфликт в семье драматичен ввиду неразрывности самого генеалогического отношения. В стремление утвердить свою индивидуальность условный «сын», так или иначе, отталкивается от взглядов и представлений своего «отца». Конфликтная конфигурация позволяет развить эту индивидуальность, но за счет того, что оппонент выступает здесь в качестве предпосылки развития (придает ему определенный ракурс – через «противоположность»), а также ввиду нерасторжимости семейного отношения,

¹⁶⁴ Рикёр П. Путь признания М., 2010.

¹⁶⁵ Гадамер, Г. Г. Язык и понимание // Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 43.

она содержит в себе нацеленность на самопреодоление конфликта. А преодоление данного конфликта есть взаимопризнание, признание друг друга в качестве полноценной личности, самоценной в индивидуальности (и, безусловно, во многом и в общности, столь часто игнорируемой) своих черт и взглядов, ведь в противоположность признанию непризнание: «Это – непризнание изначальной асимметрии между «я» и другим, асимметрии не устраняющей обоюдности как взаимности... Это непризнание есть непризнание не кого-то, а асимметрии в отношении между «я» и другим»¹⁶⁶. Подобное понимание межпоколенческого конфликта раскрывает перед нами символический смысл библейского архетипа «блудного сына». С разочарованием или успехом, поражением своих взглядов и стремлений или с их победой, «блудный сын» всегда возвращается домой – в родительскую семью. Признавая или же вновь ища и требуя признания, он продолжает путь, на котором напряженность семейного отношения должна перевести конфликт во взаимное признание. Отдаляясь и разрывая связь, самоутверждающаяся личность может найти окончательное самопризнание в признании тех от кого, так или иначе, был начат ее путь. Ведь сколь бы старательной не была мифологизация собственной истории, некая точка отсчета никогда не может быть окончательно стерта. Противоречия и конфликты возникают во многом по объективным причинам, но телеология их развития не оказывается осуществлена без перехода конфликта в признание, где различие взглядов становится осознанием их относительной, игровой природы в релятивном, постоянно открывающем свои противоречия мире.

При этом нужно понимать, что признание, о котором мы говорим, не является неким рубежом, после которого конфликтность генеалогических отношений исчезает. Постольку поскольку под конфликтностью понимается потенциальное противоречие взглядов, мнений, суждений – т.е. опыта, данная конфликтность не может быть избыта. Однако признание может способствовать прекращению антагонистического реагирования на побудительные конфликтные моменты. Но в тоже время, сама специфика признания, точнее идеи борьбы за

---

¹⁶⁶ Рикёр П. Путь признания. М., 2010. С. 245.

признание может своеобразно пролонгировать конфликтное состояние, в том числе и в его эксплицитном ключе. Дело в том, что личность может идти к признанию себя, как раскрывающейся во все новых и новых способностях. В таком случае горизонт взаимопризнания оказывается постоянно ускользающей перспективой, а борьба за признание превращается в вечную: «Искушением здесь является новая форма несчастного сознания, будь то в виде неустранимого ощущения себя жертвой или неустанного постулирования недостижимых идеалов»¹⁶⁷. Таким образом, на пути борьбы за взаимное признание становящуюся личность и ее бинарных партнеров подстерегает существенная опасность. Однако подлинное увенчание пути становления личность может обрести лишь в случае трансформации изначальной конфликтной конфигурации в ситуацию взаимного признания, даже если таковая будет дана в символической и несовершенной форме. В любом случае, ввиду специфики семейного, генеалогического отношения, обретение или не-обретение признания является особым, экзистенциальным моментом для людей, состоящих в данном отношении.

К каким выводам мы пришли по итогам проведенного в данном параграфе исследования?

Во-первых, реализация конфликтной конфигурации отношений имеет большое значение в контексте процесса становления личности. Конфликтность, реализуемая в виде конфликтных эксцессов (как ситуационных, так и тенденциозных), способствует автономизации личности, ее становлению. Конфликтность в таком случае является защитным механизмом против того, что Э. Эриксон назвал «ролевым смешением» и через обозначение противоречий в представлениях способствует «теоретическому» подкреплению таких модусов самости, как «я могу», «я говорю», «я обещаю», «я помню», которые, согласно П. Рикёру, составляют «феноменологию могущего человека».

Во-вторых, конфликтность реализуется как возможность выбора, самостоятельного конструирования реальности на основе того многообразия в представлениях, мнениях, точках зрения, с которыми индивид сталкивается в

---

¹⁶⁷ Там же, с. 206.

процессе своего развития и которые расширяют то, что философ Д. Винникот назвал «опосредующей аурой» между внутренней и внешней реальностью человека. Изначальная опосредующая аура, заданная первичными значимыми родителями утрачивает презумпцию «единственности», поскольку индивид сталкивается с иными точками зрения, циркулирующими в социокультурном поле. Именно в акте выбора, рекомбинации усваиваемых представлений и их элементов состоит выражение субъективности, обретаемой самости, заключенной в способности говорить, выражать свое Я.

В-третьих, через конфликтность реализуется негативная свобода – свобода не быть обусловленным со стороны однозначного предписания значимых других. Индивид не только раскрывает модусы своей самости, но и обретает ответственность за продуцируемые им речевые акты (акты рассказа, воспоминания, обещания) и связанные с ними действия. А параметр ответственности, способности «вменить себе в ответственность» является одним из ключевых при характеристике состоявшейся индивидуальности – возможность выбора, рекомбинации смыслов, которую мы связываем с развитием межпоколенческой конфликтности, является здесь одним из важнейших моментов на пути достижения данной способности.

В-четвертых, семейное бытие предполагает включение индивида в темпоральное измерение, идентификация с семьей задает точку отсчета его прошлому, а родительский проект создает первоначальную направленность в будущее. Конфликтная конфигурация генеалогических отношений способствует возможности интерпретировать собственное прошлое и будущее становящимся индивидом и, таким образом, раскрывает способности воспоминания прошлого и обещания будущего, исходящих из формирующейся субъективности личности. Становящаяся личность, отдаляясь от заданной родительским окружением собственной истории и от конституируемых родителями жизненных планов, ожиданий в отношении нее, присваивает себе возможность самостоятельного осмысления собственного прошлого и проектирования будущего.

В-пятых, межпоколенческая конфликтность обретает свою телеологию во взаимопризнании самостоятельных индивидов. Данное признание является завершением пути самопризнания – так как становящаяся личность удостоверяется как таковая в понимании «другого» – признается им. Конфликтность, способствующая самопризнанию индивида, как центра изречений класса «я могу», находит свое завершение во взаимопризнании. Взаимопризнание является необходимым альтернативным полюсом самопризнающей индивидуальности. В силу принципиальной неизолированности человеческого бытия, личность требует признания со стороны «другого». Признание может быть достигнуто без разворачивания реального, тенденциозного конфликта. Также, это признание может вообще не наступить. В таком случае мы вновь сталкиваемся (как и в случае драмы обретения признания) с экзистенциальным процессом – нереализованная телеология генеалогического отношения (которая собственно и есть обретение признания) отзывается в акторах межпоколенческого конфликта как «упущенное», «так и не обретенное», нереализованное стремление узнать другого (столь близкого изначально) и быть признанным.

Таким образом, природа феномена межпоколенческой конфликтности заключается в когнитивной предпосылки процесса познания, конструирования человеком своей реальности в процессе взаимоотношения с другими индивидами – значимыми другими, в т.ч. своими родителями. Однако канализация данной когнитивной предпосылки оказывается возможна лишь в соответствующих социокультурных условиях. Необходимо исследовать социокультурные условия существования межпоколенческой конфликтности в обществах различного типа, в условиях различной социокультурной дифференциации, а также рассмотреть специфику представлений о конфликтной стороне отношений между поколениями в различных формах общественного сознания.

ГЛАВА 3. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНСТЕЛЛЯЦИИ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ КАК ОБЪЯСНИТЕЛЬНО- КОНСТИТУТИВНЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

3.1. Социокультурные констелляции межпоколенческой конфликтности в традиционном обществе

В данной главе мы рассмотрим межпоколенческую конфликтность как феномен культуры, проявляющийся в качестве устойчивых представлений в различных формах общественного сознания, а также связь данных представлений с реальными антагонистическими процессами, существующими между поколениями в обществе. В первом параграфе данной главы нашей задачей будет проанализировать, как «конфликтное» представление проявляется в рамках различных мифологических и религиозных традиций, а также, соответственно, как межпоколенческая конфликтность существовала в примитивном и традиционном обществе. Также задачей является обоснование методологического инструментария, позволяющего нам вскрывать специфику представлений о межпоколенческих отношениях в их конфликтном ракурсе в связи с реальностью межпоколенческих отношений в рамках социокультурного поля.

Дело в том, что одного эмпирического наличия некоего факта недостаточно для того, чтобы ряд данных фактов рассматривался в качестве социокультурного феномена. «Таковым становится лишь явление обозначенное, «высказанное» в той или иной форме общественного сознания»¹⁶⁸. Так, например, феномен межпоколенческой конфликтности не мог быть обозначен как признанное

---

¹⁶⁸ Сидоров Е. С. Формирование представлений о межпоколенческой конфликтности в гуманитарном знании // Вестник КрасГАУ. – Красноярск, 2013. № 12 (87). – С. 290.

социокультурное явление в рамках традиционного общества. «Дело также и в том, что человек (и человеческое общество) как правило, *видит то, что готов видеть* – то, что уже обозначено. Факты мира могут игнорироваться, не замечаться, если сознание не имеет потенциальной возможности как-то обозначить их на теоретическом уровне»¹⁶⁹. И потому феномен конфликтности малозначим для традиционного общества – само представление о нем как *социальном явлении* отсутствовало. И потребовался долгий путь работы мысли, и в целом общественного сознания, увенчанный социальным мифотворчеством З. Фрейда, пронзившего всю известную нам реальность идеей антагонизма поколений. «Критикуя, отрицая или интерпретируя эту идею, современный человек, так или иначе, с ней знаком – межпоколенческий антагонизм стал устойчивым представлением»¹⁷⁰. Речь не идет о том, что З. Фрейд открыл миру некую истину, а о том, что он и его последователи предложили модель интерпретации, позволяющую упорядочивать многообразные факты мира. Развитие и противоречивость любой позиции возникает ввиду ограниченности всякой теоретической схемы сознания – факты мира все время ставят перед ней проблему собственной неоднозначности, теоретической неисчерпаемости.

Мы исходим из представления о двухуровневой эволюции социокультурной реальности. Мы считаем, что первым уровнем развития социокультурной реальности является развитие различных, противоречивых, никогда полностью не схватываемых теоретической мыслью явлений – это уровень эмпирической реальности. Вторым уровнем, является развитие идей и представлений, которые пытаются описать и объяснить эту противоречивую реальность. Необходим верный метод, способный раскрыть, как отношение теоретической реальности к ее эмпирическому уровню, так и ее динамику. Мы воспользуемся прогрессивно-регрессивным методом культурной герменевтики, обоснованным П. Рикёром в его монографии «Конфликт интерпретаций». Данный метод предоставляет нам необходимый инструментарий для анализа и понимания тех символических

---

¹⁶⁹ Там же, с. 290.

¹⁷⁰ Там же, с. 291.

образований, с которыми мы сталкиваемся при исследовании теоретического уровня социокультурной реальности. Прогрессивно-регрессивный метод интерпретирует культурные символы благодаря совмещению двух типов анализа: регрессивного, направленного на исследования причин явления и прогрессивного, рассматривающего его телеологию. Совместив, таким образом, попятное движение аналитической мысли Фрейда с поступательным, телеологическим рассмотрением явлений Гегеля, П. Рикёр предложил схему анализа явлений в двойном темпоральном измерении. Данный метод был достаточно эффективно использован, к примеру, в диссертационном исследовании И. Н. Кругловой, посвященном экспликации культурантропологических оснований феномена жертвенности в контексте генезиса символа судьбы. Предложив его обозначить как «метод культурной герменевтики», И. Н. Круглова, анализируя динамику культурных явлений (мифосознания, ритуалов, символов), исходила из: «...соотнесения объективного понимания структур человеческого опыта, реализованного в аналитико-генетической традиции культурантропологии и «экзистентного» понимания, или, процедур герменевтического истолкования, сформулированных в сторону самосознания как истока динамики смыслов культуры»¹⁷¹. В результате чего было достигнуто сочетание причин и механизмов становления и распада социокультурных явлений и способов самосознания смыслов, конституирующих историческое бытие человека¹⁷². В нашем случае данный метод позволяет увидеть место теоретических представлений в их отношении к эмпирической реальности – с одной стороны, как обусловленных ею, а с другой конституирующих ее. Противоречивая эмпирическая реальность обуславливает новые теоретические модели, а теоретические модели детерминируют новые взгляды и ракурсы воззрения на эту реальность, опосредованно изменяющие и саму реальность. Всякая теория, мифо-религиозная традиция и произведение искусства видится нам именно в таком контексте: как

---

¹⁷¹ Круглова И. Н. Онтологические и культурантропологические основания феномена жертвенности в контексте генезиса символа судьбы. Автореф. диссертации. Томск, 2010. С. 10.

¹⁷² Круглова, И. Н. Онтологические и культурантропологические основания феномена жертвенности в контексте генезиса символа судьбы : дис....д-ра.фил.наук. Томск, 2010. 267 с.

детерминированная потребностью интерпретировать, понять «мир», реальность-за-пределами-обозначенного, и как нечто конститутивное, в процессе интерпретации порождающее новые символы, образы и реструктуризирующее, изменяющее саму реальность. Причем, две эти темпоральные ипостаси всякого комплекса представлений необходимо понимать не изолировано, а в единстве.

Символические образования зависят и друг от друга, они вплетены в широкий поток порождения и развития социокультурных представлений. Введем понятие социокультурной констелляции (т.е. созвездия) для описания подобных представлений, так как, и их археология, и их телеология являются многоплановыми, нелинейными, предполагающими многообразие символических связей. Наше понимание термина «констелляция» основано на перенесении в социокультурный контекст «констелляции» как философского понятия, разработанного Т. Адорно в работе «Негативная диалектика». «Констелляция» в философии Т. Адорно выражает, по выражению Г. Г. Соловьевой, новый тип философского мышления как способ упорядочивания, противоположный традиционному дедуктивному выведению многообразия из первопринципа: «Отношения в констелляции не редуцируются к мнимопервым элементам. То, что может быть названо здесь тотальностью, не есть всеобщее, интегрирующее все части, но процессуальное отношение моментов, дразнящее изменчивое, неустойчиво-устойчивое, аналогичное рисунку сценического действия»¹⁷³. Согласно констеллятивной модели, целое не является началом, объясняющим частное, оно представляется в качестве поля напряжения, заданного всеми взаимосвязанными частными моментами. Однако и сами отдельные частные моменты могут быть поняты глубже не через соотнесение с неким общим принципом, «притягивающим» отдельные «звезды» теоретической констелляции. Отдельные моменты многообразия могут быть поняты глубже лишь в контексте их соотнесения с прочими частными моментами, создающими единое поле напряжения между частями. Именно в таком смысле мы трактуем понятие

---

¹⁷³ Соловьева Г. Г. Негативная Диалектика: новый тип философствования // Историко-философский ежегодник, 1991. 118 С.

«социокультурная констелляция». Эмпирическая реальность, никогда до конца не познаваемая и открывающаяся лишь в теоретических, символических формах, не является единственной точкой притяжения по отношению к ним. Понять символические образования можно лишь в контексте их взаимосвязи, именно их многообразии и составляет искомое «целое». Социокультурные констелляции межпоколенческой конфликтности постоянно встроены в бесконечный поток символов, опирающихся на предшествующие им и ведущие к иным, новым символам. Данные представления находятся и в связи с эмпирической социальной реальностью, в ткань которой они и сами постоянно интегрируются. Это означает, что всякое представление по сути своей социально обусловлено, однако, количество как эмпирических, так и теоретических детерминант определенного представления слишком велико, чтобы говорить об однозначной редукции с той или иной стороны. Смыслы, всплывающие за символами, могут открываться лишь в процессе герменевтического анализа, обнаруживающего не только объяснительную (регрессивную), но и конститутивную (прогрессивную, конструктивную) тенденцию данных констелляций. Будучи обуславливаемы самой реальностью, социокультурные констелляции изменяют, деформируют ее.

Начнем рассмотрение социокультурных констелляций межпоколенческой конфликтности с тех, что относятся, прежде всего, к жизни различных традиционных обществ. Опираясь на феноменологию религии М. Элиаде, а также ряд соответствующих первоисточников, постараемся показать, что тема противоречивости межпоколенческих отношений имплицитно присутствует в различных мифологических и религиозных традициях. Следуя в русле заявленной нами объяснительно-конститутивной природы всякой социокультурной констелляции, мы рассмотрим различные мифо-религиозные комплексы и постараемся эксплицировать интересующий нас мотив межпоколенческой конфликтности, а также проанализируем ряд коррелирующих с ним тем.

Мотив антагонизма поколений можно наблюдать в месопотамской мифологии, в тексте «Энума Элиш». Сюжет разворачивается вокруг конфликта «молодых богов» (Эйя, Ану, Мардук) с их «прародителем» – Апсу, который, в

итоге, оказывается связан и убит¹⁷⁴. Затем молодые боги вступают в конфликт и со своей «матерью» – Тиамат, также оказывающейся поверженной¹⁷⁵. Интересны здесь следующие моменты: 1) мотив конфликта – недовольство Апсу, вызванное тем беспокойством, что вносят в изначальный порядок «молодые боги»¹⁷⁶. М. Элиаде неслучайно трактует этот момент следующим образом: «в этих строках можно прочесть ностальгию «материи» по первоначальному покою, сопротивление всякому движению как первоначальное условие космогонии»¹⁷⁷. Интересен и мотив второго конфликта – здесь молодые боги уже сознательно бросают вызов – «обеспокоивают» Тиамат¹⁷⁸; 2) уничтожение в процессе «конфликта» как мужского, так и женского прародителя; 3) уже в этом мифе можно увидеть попытку концептуализации категорий «старого» и «нового», оказывающихся встроенными в сердцевину всякой мифологии – в космогонический миф, в данном случае, имеющий своим следствием и творение человека, отмеченного печатью зла, через свое сродство с демоническим существом Кингу¹⁷⁹. Таким образом, как мир, так и человек есть следствие конфликта между «старым» и «новым», инертной материей и динамичной формой: «Космогония есть результат конфликта между двумя группами богов...сама «первоначальность» как таковая, представляется источником «негативного творчества»»¹⁸⁰.

М. Элиаде указывает на аналогию между текстом «Энума Элиш» и хуррито-хеттской мифологией, состоящую в идеи наличия нескольких поколений богов и конфликтных отношений между ними. В хуррито-хеттской мифологии выделяется четыре поколения богов, где между каждым поколением развязывается конфликт, оканчивающийся свержением бога предшествующего поколения: так, Ану свергает Алалу, Кумбари свергает Ану, а Тешуб свергает

¹⁷⁴ Энума Элиш. Табличка I, строки 65-69.

¹⁷⁵ Энума Элиш. Табличка IV, строки 100-104.

¹⁷⁶ Энума Элиш. Табличка I, строки 37-39.

¹⁷⁷ Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий. М., 2012. С. 92.

¹⁷⁸ Энума Элиш. Табличка I, строка 108.

¹⁷⁹ Энума Элиш. Табличка VI, строка 30.

¹⁸⁰ Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий. М., 2012. С. 94.

Кумбари¹⁸¹. Но конфликт этот отличается от конфликта месопотамской мифологии – он не является сюжетом предшествующим (т.е. причиной) космогонии, он – ее следствие. Точно ту же ситуацию мы можем наблюдать и в греческой мифологии – конфликт поколений богов не причина, а следствие космогонии. То есть, конфликт «нового» и «старого» оказывается не порождающим принципом мироздания, а элементом, встроенным в саму ткань сотворенной реальности. Миф облакает эту идею в знакомый нам символ столкновения поколений.

Еще более любопытной оказывается соответствующая ситуация из ханаанейской мифологии – борьба между Илу и Баалом, где молодой бог Баал свергает старого – Илу – и оскопляет его¹⁸². Интересен здесь не столько момент оскпления, хотя архетипичность данной ситуации (Ану, Уран также были оскплены) открывается специфическому фрейдовскому прочтению, а события, следующие за ним. Илу обращается за поддержкой в борьбе с Баалом к Йамму, который характеризуется как «любимый сын» Илу. Вопрос в том, что в символическом плане отличает «любимого сына» Йамму от мятежного («конфликтного») Баала? Ответ должен структурно расположиться на двух уровнях: скрытый уровень состоит в том, что Йамму «любим» постольку, поскольку он есть полное продолжение своего отца Илу – он действует в парадигме порядка и статики, заданной им. Намеком на возможность этого ответа является ответ второго – символического уровня. Образ Йамму в мифе демонизирован: он – семиглавый дракон, олицетворение сил водной стихии. При этом вода, как интерпретирует М. Элиаде, во всех мифологических системах есть олицетворение изначальности, в свою очередь, всегда тождественной царству первоначальной материи – статичного, природного состояния, соответствующему духу бога-прародителя, который и есть Илу (равно как Ану, Уран, Тиамат, Апсу и т.д.). Мы считаем, миф интерпретирует в рамках сакральной реальности

---

¹⁸¹ Гютербок Г. Г. Хеттская мифология: мифология древнего мира. URL: <http://annales.info/hetts/small/myth.htm>

¹⁸² Гордон С. Ханаанейская мифология: Мифологии древнего мира. URL: http://annales.info/mal_az/small/hanmyth.htm

неотъемлемый и постоянный ход изменений между старыми и новыми состояниями порядка. Символом данного изменения становится борьба поколений богов. Еще одним моментом, привлекающим внимание в данном мифе является скорбь и трагедия Илу после гибели Баала: «...он понимает, что жизнь вселенной оказывается под угрозой из-за смерти Баала»¹⁸³. Данный момент – отступление вражды и осознание значимости Баала для существующего миропорядка – мы можем интерпретировать, как знакомый нам мотив признания.

Благодатную почву находит символизм межпоколенческого конфликта в греческой мифо-религиозной системе (и по аналогии с ней – в римской). Среди конфликтов поколений греческих богов стоит упомянуть конфликты Урана с Кроном и Крона с Зевсом¹⁸⁴. В германо-скандинавской мифологии творение космоса связано с убийством первого существа – Имира – его потомками Одином, Вили и Ве¹⁸⁵. Интересно и представление о борьбе культурного героя со своим предком у индейцев-тлинкитов. И здесь мы встречаемся с мотивом творения миропорядка через конфликт: «Центральный тлинкитский миф добавляет к другим мифам об Иеле, во-первых, представление о начале мира не только как о создании и регулировании, но и как о прямой борьбе космоса с хаосом, во-вторых, представление о начале самого героя, его героическом детстве (и героической "инициации"), совпадающем с "детством" мира, и, в-третьих, увязывает космический и социальный планы, отождествляя космизацию хаоса со сменой и борьбой поколений в виде борьбы героя с дядей по матери»¹⁸⁶.

Перейдем к анализу тем, коррелирующих с межпоколенческим антагонизмом в рамках мифо-религиозных представлений. В центре нашего внимания оказывается проблема константности тем «прошлого», «порядка», «изменения», их взаимосвязь и представленность в мифо-религиозных комплексах и соотнесенность с проблемой конфликтности во взаимоотношениях

---

¹⁸³ Элиаде, М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий. М., 2012. С. 198.

¹⁸⁴ Гесиод. Теогония.

¹⁸⁵ Старшая Эдда.

¹⁸⁶ Мелетинский Е. М.. Палеоазиатский эпос о Вороне и проблема отношений Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки в области фольклора. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky8.htm>

поколений. Внимание привлекает удивительный парадокс: конфликтность между поколениями оказывается конститутивным моментом в мифологии целого ряда *традиционных* обществ, ведущими чертами которых должны являться традиционность, уважение порядка и прошлого и негативное отношение к новациям. М. Элиаде следующим образом характеризует эпоху средневекового христианского общества: «Догмы были непреложны. Новшества записывались в разряд ересей; слова «новшество» и «богохульство» были почти синонимами»¹⁸⁷. Данная ситуация характерна и для других традиционных обществ: «Эта «застылость», характерная для египетской цивилизации, но которая также прослеживается в мифах и ностальгических мотивах других традиционных обществ, имеет по существу религиозное происхождение. Неподвижность иератических форм, воспроизведение жестов и движений, практиковавшихся в самые давние времена, были заложены в теологии, которая рассматривала космический порядок как сугубо божественное творение и в любых переменах видела опасность возврата к хаосу»¹⁸⁸. В центре каждой традиционной культуры находился миф творения, как правило, ритуализированный в некой религиозной практике. Космогония составляла часть, так называемого, «священного времени» или «священной истории», результатом которой являлся некий порядок, требовавший своего поддержания и составлявший основу всякой традиции. В рамках священной истории и находят свое место все значимые социокультурные символы того или иного общества – символы, осуществляющие интенцию социокультурной реальности, структурирующие ее и в некотором смысле сублимирующие некие тенденции данной реальности. Межпоколенческий конфликт находит свое отражение в ряде мифо-религиозных систем не случайно. Межпоколенческая конфликтность есть первоначальная, константная форма внутрикультурных изменений и дифференциации. Почему? Потому что в данном случае изменение осуществляется как результат противоречия «нового», рожденного в рамках «предшествующего» – т.е. «не-нового». «Поколение», это,

¹⁸⁷ Элиаде М. История веры и религиозных идей: от Магомета до Реформации. М., 2009. С. 74.

¹⁸⁸ Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий. М., 2012. С.

по сути, человеческая, социокультурная категория, выражающая ритм преемственности, свойственный всем явлениям действительности. И в самом выделении «поколения» как чего-то преемственного, основанного на смене одного другим, заложено противоречие между «прошлым» и «будущим», «старым» и «новым». И вопрос лишь в том, как в рамках социокультурной реальности будет проявляться данная противоречивость.

Как же взаимодействуют между собой традиционалистский характер рассматриваемых обществ и существующие конфликтные представления? Как соотносится социальная апология «порядка», «прошлого» и символика изменений, перемен – т.е. «нового»? Мы считаем, что в социальных реалиях традиционных обществ, представления о межпоколенческой конфликтности вовсе не легитимируют реальные социальные и межличностные отношения; данные представления полностью выносятся из сферы профанного. Такие представления находятся целиком в сфере сакрального. Говоря проще, в традиционном обществе нет «Маркса» или «Фрейда», которые бы сказали – «посмотрите, как это работает в *реальности*» – здесь есть корпус сакральных «текстов», показывающий, как некие символизированные представления человеческой реальности разыгрывают перед людьми драму бытия – в космогоническом или же пост-космогоническом смысле. Таким образом, представления о межпоколенческой конфликтности, детерминированные ощущением противоречивости их поколенческих взаимоотношений, оказываются вписаны в «священную историю», структурирующую реальность и создающую социальный «порядок». В этом состоит парадокс основополагающих мифов в религиозных системах традиционных обществ – их внутренняя динамика показывает (легитимирует) не то, как что-то происходит в реальности, а сюжет «священной истории», оканчивающийся созданием некоего порядка, который затем через определенную регламентацию и ритуализацию поддерживается членами общества и не предполагает своего дальнейшего изменения: «Мифологическая история сама находится на службе у этой структуры в ее борьбе против события и говорит об усилении обществ, направленном на отмену разрушительного действия

исторических факторов; она являет тактику устранения исторического фактора и смягчения фактора событийного; таким образом, связывая друг с другом историю и ее вневременную модель так, что они становятся взаимным отражением друг друга, выводя предка за пределы истории и делая из истории копию предка»¹⁸⁹. Представления, порожденные религиозным творчеством различных обществ, удивительным образом символизировали в рамках мифо-религиозных систем некую идею, которая словно бы сублимировала в себе те элементы социальной реальности, что не могли развиваться в рамках традиционного общества.

Символизм межпоколенческого конфликта в мифо-религиозных системах ряда обществ является отражением противоречия межпоколенческих отношений как выражающих изначальный диссонанс между понятиями «порядка» (прошлого) и «изменения» (будущего). Оба понятия являются константными для человеческой реальности, однако, в рамках традиционного общества феномен «изменения» (новшества) оказывается нивелирован в самом социальном процессе и включен в «священную историю» как веха становления священного порядка. После чего процесс изменений воспроизводится в рамках ритуальных практик. В рамках парадигмы циклического, кругового времени всякая динамика порядка оказывалась интернализирована в процесс его установления. В дальнейшем порядок не подразумевал изменений, а сам процесс воспроизводства творения оказывался каноничен, т.е. ритуализирован: «Такова еще одна функция ритуала, заключающаяся в том, чтобы соединять существующее вне времени прошлое с ритмом жизни и времен года, а также со сменяющимися друг друга поколениями»¹⁹⁰. В этом и состоит отличие темпоральных представлений традиционного (и первобытного) общества – «изменение» совпадает с «творением» и вынесено за рамки профанной реальности. Другое различие относится к тому, что в традиционном мышлении генезис значимых социокультурных форм относится к мифологическому, сакральному времени и потому не поддается реалистическому анализу, в то время как модернистское

---

¹⁸⁹ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 2008. С. 89.

¹⁹⁰ Там же, с. 89-90.

понимание генезиса социокультурных форм основано именно на реалистическом его понимании и, соответственно, открывается в потенции критическому анализу и сомнению. Таким образом, мы приходим к пониманию фундаментального значения тех символических связей между понятиями «священной истории», «порядка», «прошлого», «ритуала» для традиционного (и до-традиционного) общества. Однако нужно поставить вопрос: какие символические «переменные» опосредуют данные фундаментальные понятия и специфику межпоколенческих отношений в традиционном обществе? Таковыми являются символ «отца» в его соотношении с понятиями «царь» и «бог», а также темы «культа предков» и «преследуемого ребенка».

Символика «отца» встроена в сам порядок до-модерного общества и во многом конституирует его в целом. Традиционное общество является обществом, завязанным на традиции, «порядке», поддерживаемом фигурой отца. Неслучайным является факт частой ассоциации фигуры «отца» с фигурами «царя» («короля») и «бога». Так распространено обращение «отец» по отношению к божественным объектам поклонения (например, месяцу, рассматриваемому в качестве бога) у древних славян¹⁹¹. Правитель у германских племен так же получал власть в качестве представителя некоего древнего Предка (в дальнейшем эта традиция оказалась воспринята в отношении королевской власти в средневековой Европе)¹⁹². Фигура отца зачастую опосредует систему сакральных установлений (собственно «порядок») и социальную реальность, в которую данные установления транслируются. Данное опосредование отражено в таких символических фигурациях речи как «бог отца», «бог отцов», «вера предков», и т.д. Примером данного явления является «авраамическая вера» – т.е. древний иудаизм, в котором активно подчеркивается выражение «Бог отца»¹⁹³, равно как и ассоциация символов «отец» и «бог»¹⁹⁴. Именно акцент на отцовской фигуре,

¹⁹¹ Элиаде М. История веры и религиозных идей: от Магомета до Реформации. М., 2009. С. 47.

¹⁹² Элиаде М. История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства. М., 2008. С. 194.

¹⁹³ Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий. М., 2012. С. 216.

¹⁹⁴ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 2008. С. 623-662.

связанной с традицией, установившимся порядком, т.е. «верой отцов», легитимирует реальность в качестве фактически закрытой для изменений, в которых бы могла актуализироваться межпоколенческая конфликтность, в том ее варианте, который мы рассматривали в предыдущей главе. Атмосфера почитания «отца» и «предков» характерна для римской религиозности – домашние культы «предков» здесь соседствуют с особым социальным статусом отца, преступление против которого рассматривалось как особо тяжкое в рамках римской юридической системы. Показателем социальных коннотаций фигуры «отца» является титул «Отца Отечества», впоследствии так или иначе ассимилированный многими государствами, наследующими Римской Империи. В целом, верования в «предков» – т.е. «культ предков», как указывает, М. Элиаде, является одним из самых древних религиозных элементов, характерных еще для первобытного общества. Обращаясь к анализу верований современных примитивных обществ, М. Элиаде пишет следующее: «Австралийцы, например, считают, что их мифические предки жили в золотом веке, в земном раю...»¹⁹⁵. Условия бытия в этом «земном раю» ритуализируются в ходе празднеств. Идея «предков» ассоциируется здесь с «золотым веком», со священным временем идеального порядка. Это пример той самой легитимации со стороны «порядка», где следование ему опосредуется фигурами «предков», которые в социальной реальности естественно представлены отцовским образом. Культ предков характерен фактически для каждого традиционного общества.

Перейдем вновь к фигуре «сына», представителя «нового» поколения и к тем символическим связям со старшим поколением (в их конфликтном смысле), что мы можем найти в мифологии, т.е. к теме «преследуемого ребенка». Согласимся с М. Элиаде, что тема «брошенного и преследуемого ребенка» (Эдип, Ромул и Рем, Персей, Рес) является инициатическим мифом. В случае с мифом о «брошенном и преследуемом ребенке» поле инициации задается конфликтом – конфликтом между отрекающейся от ребенка фигуры (отца, деда и, в любом

---

¹⁹⁵ Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий. М., 2012. С. 46.

случае – царя) и взрослеющим и мстящим сыном. В случае любого из указанных мифологических героев их инициация осуществляется в рамках ситуации изначального желания их смерти со стороны властного кровного родственника, чудесного спасения и победы над этим родственником. Иными словами, миф в данном случае показывает особый тип инициации, вырастающей из предустановленного (независящего от героя) конфликта и через этот конфликт осуществляющейся. Причем характерно, что оппозициями в этом конфликте выступают представители разных поколений. Рассмотренный сюжет позволяет нам выделить еще одну возможность существования межпоколенческого конфликта, в том числе и в традиционном обществе. Конфликт может осуществляться не как реализация конфликтности, выражающей дихотомию социокультурных позиций «нового» и «не-нового» в ткани социальной реальности. Конфликт может быть следствием самого выделения в социальной реальности таких оппозиций как поколения, вне зависимости от того, существует ли различие в тех социокультурных представлениях, которые они отстаивают. Поколенческая дифференциация, как мы уже указывали, одна из основных форм различения в социуме, основанная на ритме преемственности, смены одних социальных когорт другими; и в этом смысле различие между поколениями уже заключено в том, что они определяются как «поколения», т.е. сменяющие друг друга, вне зависимости от того *что* отличает их в прочих смыслах. Мы можем даже выделить конфликт как «реалистический», в смысле употребления этого слова современной конфликтологией – т.е. обусловленный стремлением к какой-то цели, например, к власти. Безусловно, инициатические мифы можно интерпретировать таким образом. В таком случае, конфликтность между поколениями заключается не в том, какую позицию они занимают в процессе изменения социокультурных представлений (поскольку такой процесс в традиционном обществе крайне медлителен), а в самой оппозиции поколений, в поколенческом принципе стратификации. Конфликтность может быть задана реалистически – в стремлении к цели – власти, первенству, т.е. любым агональным отношением, в котором могут сталкиваться представители различных

поколений. Таким образом, герменевтика мифов подводит нас к выделению еще одной константной формы межпоколенческой конфликтности – состязательной, «агональной», не связанной с поляризацией неких социокультурных воззрений, представлений, вкусов. Агон поколений не должен рассматриваться как чисто реалистический конфликт (т.е. инспирированный исключительно стремлением к цели). Сама дифференциация общества на поколения уже закладывает интенцию к своеобразному состязанию между ними, ведь состязательность там, где существует какое-либо различие, есть характерная черта человеческой культуры¹⁹⁶.

Теперь, на основании выявленной специфики социокультурных констелляций межпоколенческой конфликтности в различных традиционных обществах попытаемся реконструировать реальные процессы, связанные с межпоколенческой конфликтностью в социальной действительности примитивного и традиционного обществ.

«Проблема поколений в специфическом виде столкновения «нового» и «не-нового» типов опыта и отношения к реальности, в примитивном обществе существовать не могла»¹⁹⁷. Ведь в таком виде проблема поколений представляет собой тип общественной дифференциации, требующий развития индивидуального сознания (в его социокультурном смысле). Но в примитивном обществе это является невозможным – единообразие социокультурных практик отрицало возможность их дифференциации и индивидуализации. Речь не о том, что отрицание это носило характер принуждения, ибо с принуждением рано или поздно начинают бороться – нет, личностное начало попросту еще не было оформлено, индивидуальные различия не являлись различиями в социокультурных представлениях. Индивидуальное и коллективное сознание в их социокультурном смысле в примитивном обществе тождественны: «...кроме ощущений, относящихся к организму и его состояниям, все индивидуальные

---

¹⁹⁶ Хейзинга Й. Homo Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб., 2011. С. 80 – 117.

¹⁹⁷ Сидоров Е. С. Возможность межпоколенческой конфликтности в первобытном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов, 2013. № 12 (38). Часть 1. С. 164.

сознания состоят почти из одних и тех же элементов»¹⁹⁸. Таким образом, межпоколенческая конфликтность, как тенденция дифференциации социокультурных практик, в рамках такого общества реализована быть не могла, а соответственно, не имела места. Мы вовсе не хотим сказать, что между представителями различных поколений в примитивном обществе были невозможны конфликтные эксцессы. Однако в условиях отсутствия альтернатив в социокультурных представлениях, при единообразии взглядов на них, конфликт не канализируется через социокультурные противоречия – различия взглядов, вкусов, представлений (политических, этических, эстетических, профессиональных и т.д.). Таким образом, всякий конфликт оказывается инспирирован биологическим, природным, психо-эмоциональным началом индивидуальных различий. Фактически, в примитивном обществе, межпоколенческий конфликт не отличим от любого другого конфликтного эксцесса своим внутренним содержанием, так как не обладает своей социокультурной спецификой.

Однако важное различие между межпоколенческим конфликтом и любым другим состоит в самом восприятии его как такого – т.е. межпоколенческого. В примитивном обществе, как и в традиционном, можно увидеть вполне четкую поколенческую дифференциацию – разделение на взрослых и невзрослых. В силу того, что обе эти возрастные страты осознавали себя в качестве таковых (переход между ними определялся обрядами инициации), логично, что осознанным оказывалось и различие между ними. Если конфликт, как ситуация человеческих отношений, всеобщ, то межпоколенческая конфликтность задана самим фактом существования в обществе поколений, что уже составляет специфику данного рода конфликтов – восприятие их как межпоколенческих. Данная конфликтность, исходящая из самого выделения поколений в обществе, и называется нами «агональной», в противовес «новационной», основанной на динамике социокультурных представлений. Агональный вариант существования конфликтности в примитивном обществе мы можем эксплицировать из работ М.

---

¹⁹⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 143.

Мид. В соответствии с ее терминологией речь идет о «постфигуративном обществе»: «Отношения между поколениями в постфигуративном обществе необязательно бесконфликтны. В некоторых обществах от каждого молодого поколения ждут мятежа — презрения к пожеланиям старших и захвата власти у людей старших, чем они сами. Детство может переживаться мучительно, и маленькие мальчики могут жить в постоянном страхе, что их взрослые дяди и тетки схватят их и подвергнут устрашающим ритуалам в их честь. И действительно, для некоторых из наиболее устойчивых постфигуративных культур, таких, как австралийские аборигены или же банаро с реки Керам в Новой Гвинее, характерно вовлечение всего населения в ритуалы пыток, инициации, коллективного обладания женщиной. Многие стороны этих обрядов нельзя охарактеризовать иначе, как пытки, вызывающие стыд и страх у жертвы»¹⁹⁹. Здесь, однако, нужно понимать, что речь идет о ритуализированном напряжении или ритуализированном конфликте. Таким образом, никакая дифференциация, основанная на принципе развития социокультурных представлений, здесь не имеет места — конфликты и антагонизмы поколений являются ритуализированными и служат задаче поддержания общественной структуры, ведь как верно отмечает Р. Жирар: «...культурный порядок — не что иное, как упорядоченная система различий»²⁰⁰. Социализирующиеся юноши и взрослые охотники (также как дети, женщины и т.д.) должны быть отделены друг от друга, должны быть различимы. Здесь нет противоречия с характеристикой примитивного общества как недифференцированного. Ведь различия, о которых идет речь, предельно общи и, кроме того, не предполагают собственного изменения, так что ритуализированные конфликты лишь поддерживают их, а вовсе не канализируют различие «нового» и «не-нового», создающего в более сложных обществах динамику социокультурных изменений. Конфликтность поколений проявляется в таком обществе в виде различения между поколениями, при котором от младшего, несоциализированного поколения, исходит

---

¹⁹⁹ Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями. URL: <http://www.countries.ru/library/texts/mid.htm>

²⁰⁰ Жирар Р. Насилие и священное. М., 2010. С. 68.

определенный риск в отношении хрупкого общественного порядка, обусловленный доминированием агрессивной, природной доминанты и потому требующий жестокого профилактического отпора в виде обрядов инициации. «Жесткость процесса социализации была оправдана борьбой не с индивидуальной свободой социализирующихся элементов, а с их агрессивно-природной сущностью, грозившей бедой, насилием и гибелью всему роду»²⁰¹. «Как показывает в своей работе французский антрополог, Р. Жирар, в архаическом обществе отсутствовала судебная система – как система наказания жестокости и насильственного произвола – и в такой ситуации было необходимо пресечь возможность насилия в корне»²⁰²: «Если в первобытных обществах нет радикальных средств против насилия, нет безошибочного лечения, когда равновесие нарушено, то можно предположить, что первостепенную роль будут играть меры не исправительные, а профилактические»²⁰³. «Этот момент и детерминировал необходимость жесткой социализации, нивелировавшей угрозу, потенциально исходящую от социализирующихся элементов. Угрозу эту необходимо было полностью уничтожить в момент вхождения юноши во взрослую жизнь, в момент начала его вторичной и подлинной социализации, что и обуславливало специфическую жестокость обрядов инициации»²⁰⁴. И эта же необходимость мотивировала и авторитарный принцип взаимоотношений поколений на стадии первичной социализации. Молодое поколение представляло угрозу не частному случаю власти старшего поколения, его частным правилам, а всему социальному порядку. И как ответ на эту угрозу, жесткость процесса социализации и жестокость обрядов инициации являли собой систему профилактики насилия в обществе. Объектом принуждения являлась не индивидуальность в социокультурном смысле слова. Им являлась способная к

---

²⁰¹ Сидоров Е. С. Возможность межпоколенческой конфликтности в первобытном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов, 2013. № 12 (38). Часть 1. С. 163.

²⁰² Там же, с. 163.

²⁰³ Жирар Р. Насилие и священное. М., 2010. С. 28.

²⁰⁴ Сидоров Е. С. Возможность межпоколенческой конфликтности в первобытном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов, 2013. № 12 (38). Часть 1. С. 163.

прорыву природная компонента, неконтролируемость которой была угрозой для хрупкой общественной жизни примитивного общества²⁰⁵. В то же время инициация как взаимодействие представителей двух поколений являла собой и поле межпоколенческого агона; она обуславливала своеобразную соревновательность, целью которой было демонстрация умений, позволивших бы вчерашнему юноше прийти на смену стареющему предку. Конфликтность нужно понимать, относительно примитивного общества именно в таком смысле – как соревновательность и вызов; постановку препятствий одними и преодоление их другими с целью поддержки общественной системы. Свидетельством можно считать инициатические мифы «брошенного и преследуемого ребенка», чье сходство с представлениями индейцев-тлинкитов о социализации через борьбу с предком явно указывает на глубокую, архаическую природу подобных представлений.

Таким образом, межпоколенческая конфликтность в примитивном обществе существует в качестве ритуализированного явления, поддерживающего, но не изменяющего социокультурную среду (а это, по сути, выявленный нами агональный тип конфликтности – конфликтность существует благодаря различию положений в обществе, а не благодаря различию позиций по отношению к социокультурным представлениям). Либо она существует в виде обусловленного природными, эмоциональными мотивами антагонизма. В качестве же противоречия «нового» и «не-нового» проблема поколений в примитивном обществе не существует, т.е. канализации корневой психологической (когнитивной) предпосылки конфликтности не происходит.

Необходимо прояснить ситуацию с возможностью социальной реализации межпоколенческой конфликтности в традиционном обществе. Во втором параграфе второй главы мы уже обсуждали те ограничения, которые характер недифференцированности социокультурного поля накладывает на возможность широкого распространения межпоколенческой конфликтности в рамках традиционного общества. Мы считаем, что характер этого ограничения

---

²⁰⁵ Там же.

остается актуальным и для вне-семейного круга поколенческих различий. В силу общих легитимирующих структур традиционного общества каждый этап дифференциации осложнен и всякое изменение в любой конкретной практике (т.е. системе опыта-деятельности) приобретает уникальный характер. В тех случаях, когда все же возникает нечто «новое», как отличное от «не-нового», оно оказывается продуктом, скорее, единичной, уникальной деятельности, нежели спонтанно организованной позицией ряда людей, относимых к новому поколению. Безусловно, как и любую ситуацию столкновения «нового» и «не-нового», мы можем свести к противоречию поколений в обществе и момент единичного новаторства, однако, в таком случае отсутствует сам момент группового противоречия. В случае такого противоречия (единичное против множественного) актуализирован оказывается генеалогический смысл поколенческой конфликтности. То есть отход от канона является отступлением некоей личности от того, что воспринимается как «правильное» (традиционное) всем обществом в целом. В то время как для реализации межпоколенческой конфликтности в качестве социального явления, выражающегося в поляризации групп, необходим момент широкой дифференциации общественных практик (как в количественном, так и в качественном смысле). Без этого условия противоречие поколений может реализовываться лишь через конфликтность неких отдельных личностей по отношению к существующей системе образцов. Таким образом, в традиционном обществе, как и в примитивном, межпоколенческая конфликтность будет реализовываться, прежде всего, через свой агональный тип – ввиду самой разнесенности поколенческих, возрастных групп в социальной структуре. Подтверждением этому являются рассмотренные нами мифо-религиозные представления, в которых существует четкая поляризация возрастных групп, то есть поколений богов и мотив их борьбы. Конфликтность поколений будет стимулироваться самим этим различием, но это не будет являться различием взглядов, представлений, установок. Межпоколенческая конфликтность как реализация динамики «нового» и «не-нового» в рамках социокультурного поля традиционного общества является возможной, но выступает в качестве

исключения и не фиксируется в рамках общественного сознания соответствующего общества.

Таким образом, мы приходим к выводу о существовании двух типов межпоколенческой конфликтности – «новационной» и «агональной». Первый тип конфликтности основывается на динамике социокультурных представлений, «нового» и «не-нового», второй же обусловлен самим выделением поколений, как специфических групп в обществе, их различием в общественной системе и преемственностью между ними. В представлениях традиционного общества, существующий порядок задан строго и является неизменным, то есть конфликтность обусловлена не различием взглядов на порядок или его элементы, а различием положения поколений внутри данного порядка. Выделение поколений, основанное уже на самой биологии человека, способствует существованию дистанции между теми людьми, что составляют данные поколения. И существование данной дистанции является основой всей динамики, существующей в человеческом обществе. Эта динамика основывается на преемственности поколений, частью которой является определенное напряжение, враждебность, конфликтность. Таким образом, в отношении двух типов межпоколенческой конфликтности специфика представлений традиционного общества работает следующим образом: она направлена на подавление именно агональной конфликтности, когда она разворачивается не в рамках ритуальной практики, т.е. не предписана нормами общества. Именно на нивелирование данной конфликтности направлена патриархальная символика – особый статус «отца», «предка» и вынесение мотива борьбы за пределы профанного времени. Однако мы понимаем, что таким образом, два типа конфликтности поколений оказываются генетически связаны. «Новационный» тип конфликтности, оказывается возможен при определенном уровне социокультурной дифференциации, когда к изначальному различению поколений в обществе оказывается подключен когнитивный мотив конфликтности, канализирующийся через данную социокультурную дифференциацию образцов и представлений. Можно предположить, что появление данной дифференциации связано с

постепенным накоплением тех «исключений», которыми являлись в традиционном обществе случаи «новационной» конфликтности.

К каким выводам мы пришли в результате анализа, проведенного в данном параграфе? Во-первых, выработана методологическая позиция, позволяющая анализировать теоретические представления о межпоколенческой конфликтности в их взаимообусловленности с процессами эмпирического среза социальной реальности. Мы воспользовались регрессивно-прогрессивной методологией П. Рикёра, рассматривающей культурные символы (теории, мифо-религиозные представления, произведения искусства) как, с одной стороны, детерминированные эмпирической действительностью и призванные объяснить ее, а с другой – в процессе данного объяснения, интерпретирующие ее и в ходе интерпретации, создающие различные объяснительные модели реальности, способствующие ее изменению. Мы ввели термин «социокультурной констелляции», основанный на интерпретации философского понятия «констелляция» Т. Адорно. Эмпирическая реальность, никогда до конца не познаваемая и открывающаяся лишь в теоретических, символических формах, не является единственной точкой притяжения по отношению к ним. Понять символические образования можно лишь в контексте их взаимосвязи; именно их многообразие и определенное сочетание составляет искомое «целое». Мы понимаем «социокультурную констелляцию» как систему взаимообуславливающих символических объяснительных моделей, понимание каждой из которых в отдельности возможно лишь через взаимосвязь с остальными, образующими целостность, которая, в свою очередь, может быть понята лишь через анализ единичных, уникальных моментов, что ее составляют.

Во-вторых, проанализировав различные мифо-религиозные традиции (вавилонскую, хурритскую, хеттскую, греческую, римскую, скандинавскую) мы обнаружили распространенность сюжета конфликтов (борьбы) между поколениями богов (иногда между мифическими героями, также связанными непосредственным родством). Зачастую сюжет конфликта относится к самим основам мифологии – космогоническому мифу, который задает фундамент для

представления реальности в целом, в иных случаях – события конфликтного сюжета также образуют определенный пласт мифологических представлений – «священную историю», следующую за самим творением реальности (например, в греческой мифологии). Подобным образом в рамках мифологических традиций отображалось напряжение между «прошлым» и «будущим», «порядком» и «изменением», противоречие которых облекалось в противостояние таких групп как «поколения».

В-третьих, в традиционном обществе сакральность конфликтных представлений приводила к эффекту устранения самого явления из социальной реальности в ее профанном срезе. Конфликтность как борьба «старого и нового», «порядка и хаоса», «материи и формы» существовала лишь в священной истории; исход же конфликта давал начало некоему «порядку», становление которого ритуализировалось, а изменение не допускалось. К тому же, на уровне повседневной жизни конфликтность поколений, подразумевающая антагонизм позиций, представлений, нового и не-нового нивелировалась авторитетами символов «прошлого», «порядка», «отца».

В-четвертых, на основе герменевтического анализа инициатических мифов «брошенного и преследуемого ребенка» выявлен тип межпоколенческой конфликтности, отличающийся от основанного на динамике «новых» и «не-новых» социокультурных представлений. Данный тип конфликтности мы называем «агональным», он основан на соперничестве, которое может возникать из самого факта наличия определенного различия в позиции разных поколений, так как поколенческий тип стратификации общества является одним из коренных типов проведения различия и соответственной идентификации в человеческом обществе. Возникающие в рамках реализации такой конфликтности конфликты могут быть как реалистическими (обусловленными, например, стремлением к власти, статусу) либо не-реалистическими (соревновательными без четкой цели).

В-пятых, мы приходим к выводу, что «новационный» тип конфликтности, основанный на динамике социокультурных представлений, возникает при канализации когнитивной предпосылки в соответствующих социокультурных

условиях, т.е. при наличии определенной дифференциации общественных представлений. Когнитивное основание конфликтности как бы наслаивается на основание общественное – выделение в ткани общества поколений. В свою очередь, данное основание служит источником «агональной» конфликтности, которая может реализовываться в различных, исторически релятивных конфигурациях. Само разделение общества на поколения образует «чистый агональный» тип конфликтности. Борьба за власть, статус, инициатическое соперничество, новационная конфликтность – все это формы, конфигурации данной изначальной конфликтности, т.е. потенции межпоколенческих отношений.

В-шестых, в примитивном (первобытном) обществе «новационная» конфликтность поколений существовать не могла ввиду недифференцированности социокультурного поля. В примитивном обществе существует тождество индивидуального и коллективного социального сознания, что препятствует развитию подобной конфликтности. Межпоколенческая конфликтность в примитивном обществе существует либо в виде обусловленного природными, эмоциональными мотивами антагонизма, либо в своем агональном варианте, следующем из разделения общества на поколения – детей и взрослых, гранью между которыми служат обряды инициации. Агон поколений приобретает в примитивном обществе двойственную конфигурацию: с одной стороны – это риск, исходящий от несоциализированной «молодежи», способной разрушить хрупкий социальный порядок и потому в данном обществе необходимы жесткие обряды инициации, являющиеся профилактикой возможного насилия со стороны «невзрослых» членов общества; с другой стороны – сами обряды инициации представляют собой своеобразный агон – вызов, соревновательность, препятствие, которое необходимо преодолеть младшему поколению, чтобы в дальнейшем сменить поколение предшествующее.

В-седьмых, ввиду слабой дифференциации социокультурных практик в традиционном обществе «новационный» тип межпоколенческой конфликтности может существовать лишь в виде исключения. Основным является «чистый агональный» тип, следующий из выделения в ткани общества поколений и

возможности соперничества между ними. Герменевтическое прочтение ряда мифо-религиозных сюжетов указывает на отражение такого явления, как борьба за власть в рамках существующего порядка (но не за его изменение). На основе существования специфических инициатических мифов можно сделать вывод и о существовании «агональной» конфликтности, выраженной в форме «вызова-преодоления», где соперничество с «предком» является условием становления индивидуума.

3.2. Представления о межпоколенческой конфликтности как конститутивный феномен модернистского общества

В данном параграфе нашей задачей будет: во-первых, проследить формирование способов теоретизации проблемы межпоколенческой конфликтности в истории мысли западной культуры; во-вторых, рассмотреть представления о межпоколенческой конфликтности в контексте различных произведений искусства, прежде всего, на примере отечественной литературы; в-третьих, проанализировать связь между «конфликтными» представлениями о межпоколенческих отношениях в Новое и Новейшее время и той реальностью отношений между поколениями, которая свойственна модернистскому обществу; в-четвертых, мы должны будем сформулировать общее понимание сущности межпоколенческой конфликтности.

«Теоретическая мысль эпохи Нового и Новейшего времени, сформировавшая в апогее фрейдистского учения представление о всеобщности межпоколенческого антагонизма, развивалась в контексте широкого движения секуляризации и эмансипации из-под «опеки» патриархальной, христианской

идеологии»²⁰⁶. По сути, вся этика европейского, христианского, традиционного общества есть этика *in nomine patris*. Данное отношение архетипически фундируется образом отношений Христа как Сына и Бога-Отца: «И, отойдя немного, пал на лицо Свое, молился и говорил: Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты»²⁰⁷ (Матфей 26:39). Таким образом, ситуация в Гефсиманском саду фундирует отношения поколений как отношения смирения перед некоей *мудрой волей*, скрытой и недоступной вопрошанию о причинах ее решений²⁰⁸. Той же теме подчинения «Отцу» отвечает известная притча о блудном сыне. Возвращение блудного сына – это возвращение из своеволия к воле, признаваемой выше, чем собственная, в силу патриархального символизма легитимирующей ее фигуры «Отца»²⁰⁹. Именно смирение и раскаяние являются моментами искупления своеволия, греховной свободы – свободы в смысле дерзания отхода от патриархального канона – а отход от канона и есть основа для межпоколенческой конфликтности. Подтверждает данное воззрение на поколенческие отношения в рамках библейской парадигмы и понятие «родительского проклятия», зиждившегося на власти родителей над детьми и о котором упоминают, например, Блаженный Августин и Иоанн Златоуст²¹⁰.

«Социальная реальность традиционного, недифференцированного общества подкрепляется зафиксированным в христианской традиции символизмом греховности отхода от воли «старшего», т.е. «высшего»²¹¹. Для христианского, средневекового общества сохраняется традиционная конфигурация межпоколенческих отношений. Поколения разделены, что обуславливает агональную конфликтность (в данном случае как противоречие своеволия и

---

²⁰⁶ Сидоров Е. С. Формирование представлений о межпоколенческой конфликтности в гуманитарном знании / Е. С. Сидоров // Вестник КрасГАУ. – Красноярск, 2013. № 12 (87). – С. 291.

²⁰⁷ Библия. URL: <http://azbyka.ru/biblia/?Mt.26>

²⁰⁸ Так как «неисповедимы пути Господни», а образ «отца» и «Бога» во многом пересекаются – в рамках идеологии традиционного общества между ними существует глубокая и тесная связь.

²⁰⁹ Сидоров Е. С. Формирование представлений о межпоколенческой конфликтности в гуманитарном знании // Вестник КрасГАУ. – Красноярск, 2013. № 12 (87). – С. 290 – 294.

²¹⁰ О родительском проклятии. URL: <http://www.cosmopapin.ru/?q=book/export/html/388>

²¹¹ Сидоров Е. С. Формирование представлений о межпоколенческой конфликтности в гуманитарном знании // Вестник КрасГАУ. – Красноярск, 2013. № 12 (87). – С. 291.

послушания), но в тоже время патриархальная символика обладает интенцией нивелировать возможные проявления подобной конфликтности. Однако мы должны подчеркнуть то, что мы могли бы обозначить как *противоположную тенденцию христианства*. Дело в том, что в некоторой мере, иносказательно, тема разночтения поколений, прерывности нового и не-нового в христианстве присутствует. Выражено это в том, что сама по себе религия Христа, религия Бога-Сына, была основана на идеи *обетования* и потому, во многом, отсылала к будущему, нежели к прошлому. В этом смысле христианство принципиально отличается от многих других традиционных религий. Изначально, будучи синкретическим явлением, вырастающим в среде уже сформированных религиозных традиций, оно не могло апеллировать к прошлому рода. Как раз наоборот – вступление в общину и соответственно приобщение новому порядку (и будущему спасению) во многом осуществлялось, изначально, через отход от *религии отцов*. Христианство выросло не из неких архаических верований (как предшествующие ему традиционные религии), а на основе уже сформированных религиозных комплексов, тем самым противопоставляя себя им как нечто «новое». Кроме того, агональная конфликтность в конфигурации противопоставления «послушание-своеволие» закладывает основу «новационной» конфликтности в отношениях поколений. Ведь в отличие от инициатической конфигурации конфликтности «препятствие-вызов-преодоление», тема «послушание-своеволие» указывает на возможный отход от нормы, традиции, того что мы называем «не-новым» в системе социокультурных представлений. В согласии с регрессивно-прогрессивной методологией, применяемой нами к диалектике социокультурных представлений и социокультурной реальности, мы считаем, что наличие таких представлений указывает на процессы дифференциации, в которых начинало проявляться разнообразие поколенческих ориентаций на различные социокультурные представления, взгляды, точки зрения.

Линейное видение исторического процесса (являющееся одним из условий формирования представлений о конфликтности поколений как диалектике

«нового» и «не-нового») в западной цивилизации появляется намного раньше эпохи Нового Времени, оно обозначено уже в трудах Августина Блаженного и определяет исторический процесс как последовательно движущийся к торжеству «Града Небесного». Нужно подчеркнуть, что христианская идеология играет роль переходного момента между предыдущей стадией традиционного общества и модерновым обществом Нового Времени. Христианство представляет собой более персоналистический тип культуры, чем культура античности, в силу важности момента личного спасения, что таким образом предопределяет дальнейшее развитие по пути персонализма и индивидуализма в эпоху Нового Времени. С другой стороны, линейное видение времени в Средние Века кардинально отлично от него в эпоху Нового Времени. Телеология христианского времени задана «заранее», «в начале», она определяется «священной историей», что свойственно и другим традиционным общества, в то время как Новое Время раскрывает телеологию течения времени в самом его поступательном, прогрессивном движении.

«Новационная» конфигурация межпоколенческого агона существовала в христианском обществе имплицитно, в то время как патриархальная идеология неприятия новаций и своеволия делала нелегитимным любой вид межпоколенческой конфликтности. Ренессанс и Новое Время внесли корректировку в эту ситуацию. Наметился отход от свойственного традиционному обществу неприятия изменений и новаций, что на метатеоретическом уровне было зафиксировано в гносеологической нацеленности основных новоевропейских философских систем: «Стремление к открытию нового пути к истине (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Г. Галилей) подкреплялось и технико-социальной ориентацией на изменение существующего уклада (что ярко выражено у того же Ф. Бэкона). Наш интерес здесь заключается в том, что всякая перемена, всякое изменение и отход от канона, в широком смысле, всегда есть дело новых поколений, реализуемое как разность прежних и грядущих

поколений»²¹². Общая для Нового Времени вера в разум (разум, преодолевающий заблуждения прошлого!) и прогресс, таким образом, оказывается макросоциальной предпосылкой конституирования этой самой разности и противоречивости поколений, чьи отношения уже не могут видеться в ракурсе патриархальной «подчиненности»: «тот, кто имеет дело с детьми, должен основательно изучить их натуры и способности и при помощи частых испытаний следить за тем, в какую сторону они легко уклоняются и что им подходит, каковы их природные задатки, как можно их усовершенствовать и использовать»²¹³. Дж. Локк, внесший важнейший вклад в педагогическую теорию XVIII века, стоит на позиции защиты авторитета воспитателя, то есть представителя прошлого – «старшего» поколения. Но акцент на склонности и интересы воспитуемых есть важный шаг на пути «эмансипации» самоопределения (т.е. свободного выражения противоречивости, инаковости) новых поколений. В след за Дж. Локком проблемы воспитания касается в трактате «Эмиль» Ж.-Ж. Руссо. Идея «естественного воспитания» – мысль о вреде искусственного навязывания неких интересов и представлений, вот краеугольный камень концепции французского просветителя. Интересно соотнести эту теорию с общефилософским бэкграундом Ж.-Ж. Руссо – представлением о человечестве достигшем времени, когда возможно будет откинуть цепи и предубеждения прошлого. При таком рассмотрении мы можем соединить представления об эмансипации будущих поколений и человечества в целом (мысль, основная для фрейдомарксистских теорий «конфликта поколений» в XX веке). Вообще Новое Время с его ориентацией на линейно-прогрессистскую идеологию подготовило представление о межпоколенческой конфликтности как о реальном социальном явлении, ведь именно в рамках такой идеологии она и оказывается возможна, так как именно в превосхождении поколений прошлого, через отрицание их представлений и догм оказывается возможен прогресс²¹⁴.

---

²¹² Там же, с. 291.

²¹³ Локк Дж. Сочинения в трёх томах: Т. 3. М., 1988. С. 452.

²¹⁴ Сидоров Е. С. Формирование представлений о межпоколенческой конфликтности в гуманитарном знании // Вестник КрасГАУ. – Красноярск, 2013. № 12 (87). – С. 290 – 294.

«Следующим шагом в формировании общего фона для восприятия межпоколенческой конфликтности стал XIX век. К. Маркс и Ф. Ницше внесли принципиальный конфликтный момент в восприятие социальной реальности²¹⁵. Как в трудах К. Маркса, так и в трудах Ф. Ницше примечателен момент столкновения «старого» и «нового», их конфликта. К. Маркс показывает, как в процессе человеческой истории каждое новое поколение отбрасывает устаревшие модели деятельности и создает новые»²¹⁶. Антропология Ф. Ницше, идея «преодоления», оказывается когерентна идее межпоколенческой конфликтности, которую мы понимаем как противоречие «старого» и «нового». Ф. Ницше²¹⁷ предвосхитил фрейдовское понимание травматичности связи родителей и детей, тянущейся во взрослую жизнь из детства: «У какого ребенка нет оснований плакать из-за своих родителей?»²¹⁸ Ф. Ницше распространил конфликтный дискурс с политической и экономической сферы на сферу этики, морали, выбора ценностей. Ницшеанский пафос преодоления прошлого найдет свое воплощение во все тех же представлениях о мессианской роли молодежи в теориях «конфликта поколений».

О теории З. Фрейда подробно говорилось в первой главе. Вкратце обозначим ее социокультурную значимость в контексте задач данного параграфа. З. Фрейд фактически создал свой вариант «священной истории» человеческой цивилизации и культуры, фундирующий новое видение мира. В основе этого, «фрейдистского мифа», собственно, и оказались конфликтные отношения поколений – отца и сына. Оставляя в стороне дискуссии о научности и практической пользе психологии «по Фрейду», мы согласимся с метким замечанием П. Рикёра о примате культурной значимости психоанализа для истории XX века. З. Фрейд, как К. Маркс и Ф. Ницше, является фигурой, во

---

²¹⁵ Подобное «внесение» было подготовлено достижениями немецкой классической философии – диалектическими идеями Г. Ф. В. Гегеля и идеей социального прогресса через борьбу И. Канта.

²¹⁶ Сидоров Е. С. Формирование представлений о межпоколенческой конфликтности в гуманитарном знании // Вестник КрасГАУ. – Красноярск, 2013. № 12 (87). – С. 292.

²¹⁷ Ницше сам, по сути, пережил некий «конфликт поколений» о чем он метафорически пишет в параграфе «о священниках» в «Так говорил Заратустра», называя священников своими врагами и говоря, что они ему противны он указывает: «но моя кровь родственна их крови», т.к. отец Ницше был пастором.

²¹⁸ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 2010. С. 76.

многим конституирующей мировидение западного общества XX века. Благодаря З. Фрейду сознание человека приобрело, в том числе, и новые модели интерпретации реальности: «психоанализ вписывается в современную культуру в качестве ее герменевтики»²¹⁹. Момент межпоколенческой конфликтности и антагонизма является одним из основных в интерпретации этой реальности. Благодаря З. Фрейду, проблема конфликтности поколений получила статус «вечной», стала призмой современного видения реальности и нашла отражение в многочисленных научных, публицистических и художественных произведениях XX века²²⁰. Вместе со всем комплексом фрейдистского наследия эта идея стала не только объяснительным коррелятом реальности, но и ее конститутивным элементом, ведь: «...психоанализ сам есть момент развития культуры, поскольку интерпретация, которую он дает человеку, является непосредственным вкладом в культуру как целое... интерпретируя мир, психоанализ изменяет его»²²¹.

Представление о конфликтной природе межпоколенческих отношений, сформулированное фрейдизмом, получило развитие в теориях фрейдомарксизма. Данные теории имеют своими предпосылками, во-первых, теории З. Фрейда, К. Маркса и Ф. Ницше, а во-вторых, стремление объяснить эмпирическую реальность середины XX века, которая включала в себя многочисленные молодежные движения, феномен контркультуры, ситуация «студенческого бунта». Появление данных теорий, вкуче с конкретно-историческими событиями, обусловившими их, привели к «тиражированию» представления о конфликтности поколений в массовом сознании и зафиксировали данное представление как устойчивый социокультурный стереотип. Критика теорий «конфликта поколений» направлена на ошибочное желание увидеть в развитии общества некий фундаментальный момент, называемый «конфликтом поколений» и берущийся по идеализированному представлению о нем в стиле 1960-х годов. Действительно, нет совершенно никаких достаточных (социологических) доводов

²¹⁹ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 2008. С. 187.

²²⁰ Сидоров Е. С. Формирование представлений о межпоколенческой конфликтности в гуманитарном знании // Вестник КрасГАУ. – Красноярск, 2013. № 12 (87). – С. 290 – 294.

²²¹ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 2008. С. 188.

в пользу выделения в ткани социальной реальности некоего масштабного «конфликта поколений», как константно повторяющегося явления преобразования общества, осуществления исторического процесса. Все визионерские представления, свойственные теориям «конфликта поколений» являются наследием марксистских, ницшеанских и фрейдистских идей. Влияние З. Фрейда в данном случае понятно. Влияние К. Маркса заключено в самой идеи революционного преобразования социального порядка в целом. Влияние же Ф. Ницше на фрейдомарксизм и идеологию «студенческого бунта» заключается в смещении сферы революционного преобразования с экономической (как постулировано К. Марксом) на ценностную. Ведь отнюдь не в преобразовании экономического порядка самого по себе виделось спасительное будущее теоретикам фрейдомарксизма (например, Г. Маркузе), а в новых ценностно-нравственных основаниях цивилизации, при снижении примата экономики, которые должны были конституировать новый порядок. Фрейдомарксизм, равно как и события «молодежного бунта 60-х», стали вехой в развитии фрейдистской интерпретации реальности, где представление о сложных и зачастую конфликтных отношениях между поколениями является одним из основных. Благодаря распространенности данной модели представлений западная цивилизация получила новый канон интерпретации – и конфликтный аспект отношений поколений оказался гипертрофирован, как в теоретических моделях исследования общества, так и в искусстве. Теории «конфликта поколений» справедливо можно критиковать как попытку эссенциального анализа социальной реальности, но сами эти теории, ставшие артефактами социокультурной реальности могут являться предметом анализа, ввиду того значения, которое приобрели представления о конфликтности поколений в современном (прежде всего западном) обществе. Мы уверены, что когнитивные основания конфликтности существовали всегда, равно как всегда существовала предпосылка агональной конфликтности поколений. Но макросоциальные условия, придающие конфликтности конкретную конфигурацию историчны, как и конститутивные представления о ней. После 1960-х в социокультурном смысле концепт

«межпоколенческого конфликта» оказался прочно вписан в саму ткань нашей реальности. Однако в своей гиперболизированной ипостаси тема межпоколенческой конфликтности преобразуется в квазимарксистскую теорию «конфликта поколений» и в таком виде она является не более чем социальным мифом XX века²²².

Обратимся к отображению темы межпоколенческой конфликтности в искусстве. Мы сосредоточимся, во-первых, на отражении темы межпоколенческой конфликтности в отечественной литературе, где она имеет давнюю традицию, а во-вторых, обозначим общую значимость проявления данной темы в произведениях современного искусства. Выбор в пользу, прежде всего, отечественной художественной литературы, как основного аналитического материала, обусловлен тем, что отечественная литературная традиция отразила в себе сложный, прерывистый путь исторического развития Российского государства, изобилующего кризисными явлениями, рывками и иными историческими драмами. Фактически, находившееся со времен Петра I в ситуации экспрессивной модернизации, отечественное общество оказалось предрасположено к особенно серьезным эксцессам межпоколенческой конфликтности, разрыву межпоколенческого опыта и конфликту поколений. В то время как конституирование представлений о межпоколенческой конфликтности на западе в Новое Время шло постепенно и плавно, в русской культуре оказался отражен тяжелый, болезненный вариант данного явления.

Данная проблема является предметом диссертационного исследования Э. А. Радь «Конфликт поколений и ситуация выбора в произведениях литературы Древней Руси и XVIII века: К истории сюжета о блудном сыне»²²³. На основе богатого литературного, как религиозного, так и светского, материала²²⁴ автор

---

²²² Сидоров Е. С. Формирование представлений о межпоколенческой конфликтности в гуманитарном знании // Вестник КрасГАУ. – Красноярск, 2013. № 12 (87). – С. 290 – 294.

²²³ Радь Э. А. Конфликт поколений и ситуация выбора в произведениях литературы Древней Руси и XVIII века: К истории сюжета о блудном сыне. URL: <http://www.dissercat.com/content/konflikt-pokolenii-i-situatsiya-vybora-v-proizvedeniyakh-literatury-drevnei-rusi-i-xviii-vek>

²²⁴ "Повесть временных лет", "Моление Даниила Заточника", "Житие Феодосия Печерского", "Повесть о Горе Злочастии", "Повесть о Савве Грудцыне", «Комидия притчи о блудном сыне» С. Полоцкого, «Владимир» Ф. Прокоповича, трагедии А. П. Сумарокова, «Бригадир» Д. И. Фонвизина и др.

анализирует специфику художественного отображения межпоколенческих отношений в их конфликтном срезе. В литературной традиции до начала Нового Времени, изображение конфликтных тенденций межпоколенческих отношений следует в русле евангельской притчи о блудном сыне: «...авторы Древней Руси чаще, нежели писатели нового времени, сверяли жизнь своих героев с Евангельским Словом, показывая сложную природу человеческой индивидуальности в тесной связи с религиозно-мифологическими представлениями Средневековья»²²⁵. При переходе к Новому Времени, литературное отражение межпоколенческих отношений претерпевает во многом ту же метаморфозу, что и в рамках теоретически оформленной мысли: «... лишь в XVII веке, в связи с возрастанием интереса к человеческому характеру, взаимоотношения "отцов" и "детей" становятся остро конфликтными. Это объясняется спецификой "бунташного" века и тем, что само время осознавало и воспринимало духовную кризисность общества с особой остротой. От единения с родителями и Богом-отцом в попытках самоутверждения "дети" нового времени приходят к внутреннему разладу»²²⁶. При очевидном сохранении христианско-нравственного мотива смещение в сторону характера, индивидуальности, как основы конфликтной остроты, несомненно. Указывает автор и на ту «красную нить», что проходит через любой сюжет о межпоколенческом конфликте в его «новационной» вариации (который неслучайно связывается автором с «ситуацией выбора»): «Личность сама идет навстречу выбору. Причем ведет человека сердце (сердце как бессознательный импульс), действует же человек в ситуации выбора, исходя из своих внутренних установок. Пружина индивидуальности заставляет человека не соглашаться с миром в любые времена. Эта же пружина не дает покоя, толкает действовать, изменять свое положение»²²⁷. Таким образом, экспликация мотива межпоколенческой конфликтности в отечественной литературной традиции приводит нас к подтверждению идеи о том, что

---

²²⁵ Радь Э. А. Конфликт поколений и ситуация выбора в произведениях литературы Древней Руси и XVIII века :К истории сюжета о блудном сыне. URL: <http://www.dissercat.com/content/konflikt-pokolenii-i-situatsiya-vybora-v-proizvedeniyakh-literatury-drevnei-rusi-i-xviii-vek>

²²⁶ Там же.

²²⁷ Там же.

«новационная» конфликтность между поколениями, оказывается возможна на определенном этапе развития общества, когда возникают условия для канализации когнитивной предпосылки данной конфликтности. Условия эти заключаются, как мы считаем, в расширении социокультурной дифференциации. Таким образом, можно констатировать, что межпоколенческая конфликтность «новационного» типа является своего рода эмерджентным феноменом, проявляющимся при достижении обществом определенного уровня сложности.

Конфликтность (а соответственно и возможные конфликты) в рамках анализируемой традиции отечественной литературы связана с ситуацией личностного «выбора», включенного в процесс становления личности. Важно отметить, что, по мнению Э. А. Радь, «выбор» в литературе до XVII века предстает в качестве «вызова», а после – в качестве «протеста», что отражает переход от единичности, исключительности феномена к его социальному расширению. В соответствии с регрессивно-прогрессивным методом понимания сущности и динамики социокультурных констелляций мы можем постулировать, что переход от парадигмы «выбора-вызова» к «выбору-протесту» в русской литературе не только обусловлен конкретно социальными причинами, но и сам, в свою очередь, оказывает влияние на специфику интерпретации определенных событий, явлений, что возникают в социокультурной реальности. Общественные потрясения, открывающие эпоху Нового Времени стимулировали своего рода неуверенность, отход от традиционных образцов, моделей, представлений и, в свою очередь, эти реальные процессы, отражаясь в различных социокультурных констелляциях, способствовали дальнейшему своему развитию.

Обратимся теперь к произведениям отечественной литературы XIX века, отражающим тему межпоколенческой конфликтности, прежде всего – «Братьям Карамазовым» Ф. М. Достоевского и «Отцам и детям» И. С. Тургенева. З. Фрейд, в свойственном ему духе видел в работах Достоевского сублимацию личного опыта тяжелого отношения с отцом²²⁸. Нас, впрочем, больше интересует внутренняя интенция произведений вне контекста связи с автором, а в качестве

---

²²⁸ Фрейд З. Достоевский и отцеубийство. URL: <http://www.vehi.net/dostoevsky/freid.html>

символической величины, идущей от регрессивного объяснения к прогрессивной расшифровке реальности. Вопрос в том, что лежит за ситуацией антагонизма и в чем символика его разрешения? Как мы считаем, «Братья Карамазовы», вовсе не история о том, что, лишенные родительского авторитета дети, не могут состояться в личностном, нравственном и социальном плане. Второй и третий сын (Иван и Алексей) вполне успешно социализируются и развиваются вне тесных отношений с отцом, которого ни в коем случае нельзя назвать близким своим детям и вообще положительным персонажем. Однако смерть – убийство отца оказывается для братьев крахом или, по крайней мере, тяжелейшим ударом (для младшего из них). Почему? Мы считаем, что убийство (смерть) отца лишает детей даже гипотетической возможности примирения – признания. Признание должно существовать хотя бы как перспектива конфликтного отношения в семье – в противном случае, мы видим то, что и происходит в романе – интериоризацию того внешнего зла, которое присутствовало в отношениях с отцом и коллапс личности (болезнь Ивана). Даже истинный убийца – незаконнорожденный сын, Смердяков, кончает жизнь самоубийством. Почему? Потому что генеалогические отношения (как и конфликт в них) замкнуты сами на себе – они неразрешимы никаким актом насилия и разрушения. Потому что злость и ненависть, инспирировавшие отцеубийство, оказываются не разрешены и в нем – отец оказывается «врагом», которого невозможно убить. И дело здесь не в возвращении отца в качестве чувства вины, как сказал бы З. Фрейд, а в разрушении телеологии признания, которая и составляет суть генеалогического отношения – убийство отца уничтожает возможность ее осуществления и наносит катастрофическую травму убийце и травмирует остальных детей. Здесь мы можем увидеть отображение всей сложности, противоречивости генеалогических отношений между поколениями – конфликтность, антагонизм, стремление к признанию (пусть в негативной форме данного явления). По мере инкорпорирования данных воззрений в корпус культуры, мы получаем и новую точку зрения, способствующую осмыслению явлений семейного бытия.

«Отцы и дети» и «Новь» И. С. Тургенева, «Бесы» Ф. М. Достоевского, «Обыкновенная история» и «Обрыв» И. А. Гончарова вскрывают причину возникновения и специфику реализации конфликтности. Данные романы иллюстрируют социальную обусловленность возникновения социокультурных констелляций, равно как и двойственную функцию данных констелляций. Возникновение данных художественных произведений – это объяснение исторической реальности России XIX века, в которой нарастал антагонизм между «новым» и «не-новым», проявлявшийся, в том числе, в многочисленных революционно-ориентированных движениях и нашедший свою социальную базу, прежде всего, в «детях» – в младшем поколении. В тоже время, данные произведения выполнили и конституирующую функцию, стали призмой рассмотрения для тех аналогичных явлений, что были объяснены (а всякое объяснение всегда ограничено) в них. В таком смысле данные произведения и становятся конструктивными элементами социальной реальности: они не просто вырастают из нее, но дают новый канон интерпретации определенных явлений. При этом данные произведения нельзя рассматривать как изолированное отображение конфликтности поколенческих отношений. Они возникают в рамках определенной культуры, традиции восприятия межпоколенческих отношений, потому в них можно увидеть характерный христианский элемент осуждения отхода от послушания, гиперболизацию нигилизма новизны, надежду на примирение через апелляцию к нравственным основам культуры. В чем же причина антагонизма описываемого в указанных литературных произведениях? В расхождении сложившихся взглядов и отсутствии условий (т.е. стремления) к их пониманию и признанию, в разрыве опыта поколений. Так в «Отцах и детях», речь идет именно о том, что ускоряющийся темп социокультурного процесса, постоянная общественная дифференциация, возникновение новых точек зрения, значимых, ориентирующих позиций в ходе исторического процесса делают фактически невозможной тождественность опыта поколений. Это, как мы указывали, не причина самого возможного конфликта, но это конфликтность – принципиальная инаковость опыта, невозможность солидарности по принципу

тождества опыта между поколениями. В такой ситуации возможность солидарности обретается на пути взаимного признания, движимого экзистенциальным чувством близости, либо же наступает конфликт, когда различие опыта становится причиной конфликтного реагирования. В целом, можно констатировать – конфликт во всех случаях указанных литературных сюжетов возникает как следствие проявившегося расхождения в системах представлений о реальности и друг о друге в этой реальности. Важно отметить, что в тех местах, где речь идет о противоречии представлений и ориентаций поколения «детей» по отношению к опыту поколения «отцов» нет в действительности ситуации отказа от авторитета данного опыта. Авторитет «отцов» задает отправную точку формированию опыта поколения «детей», который в свою очередь является инверсией опыта, взглядов, представлений поколения «отцов». Таким образом, мы приходим к мысли о неразрывности поколенческого отношения, где противоречия в представлениях вовсе не свидетельствует об отрицании авторитета старшего поколения – данный авторитет можно рассматривать как «негативный авторитет», задающий парадигму формирующегося опыта поколения «детей» «от себя», как противоположность себе и свою «инверсию». Иллюстрацией данной идеи может служить история тургеневского Нежданова из «Нови», который выстраивает всю свою жизнь как инверсию жизни своего отца (Нежданов приходится незаконным сыном дворянина и с детства испытывает чувство отчуждения, потерянности, что символически отражено в его фамилии). Проблема Нежданова заключается в том, что его антагонизм, интериоризованный в себя как внутренний протест, стремящийся проявиться вовне, является самообманом. Его конфликтность не есть конфликтность освободительная, защищающая от детерминации властного образа отца и способствующая конструированию собственной индивидуальности и личного жизненного пути. Нежданов, отталкиваясь от образа отца, становится его «двойником-наоборот» и выбирает путь не по собственному предпочтению, а лишь как обратный воззрениям отца-дворянина. В итоге Нежданов приходит к

осознанию своей потерянности, разоблачает свой самообман, наступает коллапс личности и следует самоубийство.

Мы можем увидеть два «пика» актуализации темы межпоколенческих отношений в отечественной литературе: в XVII (согласно Э. А. Радь) и XIX веках. Оба исторических периода характеризуются резкими, глубокими изменениями во всем общественном укладе Российского государства. Оба исторических периода, по сути, являют собой эпоху широких социокультурных перемен, возникновения новых точек зрения, типов опыта, усиления общественной дифференциации. Именно в этих процессах и может находить свою актуализацию явление межпоколенческой конфликтности, как выражающее противоречие в опыте поколений и обладающее возможностью канализировать данные противоречия в виде ситуаций непонимания, скрытых и явных антагонизмов и конфликтов.

Мотив сложности, зачастую враждебности межпоколенческих отношений является характерной чертой многих произведений современного искусства, как в его литературном (к данной теме обращались в числе прочих С. Беллоу, Л. Фейхтвангер, Т. Манн, О. Хаксли, У. Стайрон, Д. Стейнбек, К. Гамсун, Т. Драйзер, Д. Сэлинджер, Ж. Амаду, Э. Хемингуэй, Д. Олдридж, А. Б. Касарес, М. Шолохов, А. Солженицын, Д. Франзен, М. Хонг Кингстон и Э. Тэн и многие другие), так и кинематографическом срезе. Подтверждает нашу мысль диссертационное исследование А. Р. Лисенко «Конфликт отцов и детей в немецкой драме XX века». Автор показывает, как исторические события Германии XX века задают точку столкновения взглядов между сменяющимися друг друга поколениями²²⁹. Выделим также проблематику межпоколенческих отношений, затронутую в произведениях двух последних из указанных писательниц. Данная тема явилась предметом диссертационного исследования Караваевой Е. М. «Конфликт поколений в романах Максин Хонг Кингстон и Эми Тэн: к проблеме поиска идентичности в азиато-американской литературе США последней трети XX века». Тема конфликтности здесь ложиться в контекст

---

²²⁹ Лисенко А. Р. Конфликт отцов и детей в немецкой драме XX века. : автореф. Дис. канд.филол.наук. : 10.01.03. Казань, 2014. 24 с.

современных глобализационных тенденций: «Принадлежность разным историческим и культурным эпохам, различное отношение к традициям препятствуют взаимопониманию двух поколений»²³⁰. В целом, конфликт здесь укладывается в русло проблемы обретения идентичности с опорой на традицию, однако, важно, что механизм преодоления конфликта вновь связан с темой признания: «Рассказы о Китае в романах Кингстон и Тэн выступают главным подтекстом, который формирует отношения между матерями и дочерьми. С помощью историй о прошлом и своей родине матери помогают дочерям найти себя, передают им свой опыт, тем самым сохраняя китайскую историю и культуру. Включение китайской мифологии в американский контекст помогает героиням сформировать собственную идентичность. По мысли писателей, творческий диалог между «я» и «другими» способен утвердить этническую субъективность»²³¹. Проблема признания, таким образом, здесь выходит за чисто генеалогические рамки и встраивается в более широкий социокультурный контекст взаимопризнания между поколениями прошлого и будущего, а конфликт оказывается предпосылкой культурной идентификации и солидарности. Отметим, что если в ретроспективе проблема конфликта между поколениями, в ее эксплицитном смысле, является социокультурной констелляцией западной цивилизации, то в современном, глобализирующемся мире данные рамки стираются – свидетельством чему является, например, проявление темы межпоколенческого конфликта в современном китайском и японском кинематографе²³².

В сочетании с заостренностью данной темы в современной популярной психологии, как и в психологии в целом, широкое ее распространение в рамках современного искусства маркирует межпоколенческую проблематику в обыденном сознании как «вечную тему», называемую проблемой «отцов и детей»

---

²³⁰ Караваева Е. М. Конфликт поколений в романах Максин Хонг Кингстон и Эми Тэн: к проблеме поиска идентичности в азиатско-американской литературе США последней трети XX века. дис. ... канд. Филол. Наук. : 10.01.03 URL: <http://www.dissercat.com/content/konflikt-pokolonii-v-romanakh-maksin-khong-kingston-i-emi-ten-k-probleme-poiska-identichnost>

²³¹ Там же.

²³² Каргина П. А. Конфликт поколений в современном китайском кинематографе. URL: http://www.synologia.ru/a/Конфликт_поколений_в_современном_китайском_кинематографе

или же «конфликтом поколений». Представления о конфликтности в рамках искусства эволюционируют в связи с эволюцией всей совокупности представлений о ней. Искусство отображает социальную реальность не только непосредственно, но и при посредстве других представлений – неслучайно античное и классическое искусство²³³ находится в тесной связи с мифологическими и религиозными сюжетами. Современное искусство взаимодействует также с философскими теориями (например, с психоанализом), но эта связь во многом взаимна.

Обратимся к анализу тех социальных процессов, которые взаимосвязаны с развитием межпоколенческой конфликтности в модернистском обществе. Данные процессы обуславливали многообразные представления, характерные для общественного сознания модернистского общества, конституирующие в нем примат новаций над традицией и, в том числе, представления о конфликтном характере межпоколенческих отношений, в котором и реализовано данное напряжение традиций и новаций. Можно выделить несколько ключевых процессов обуславливающих данные представления: процесс секуляризации; процесс «эмансипации» молодежи и смены образовательных парадигм; становление интеллигенции и распространение характерного для нее скептического мышления; постоянная дифференциация во всех сферах общественной жизни и социокультурных практик; переход от генетического к «элитарному» членению поколений в обществе (где динамика социокультурных образцов зависит от сменяющих друг друга и противостоящих друг другу поколений-элит в различных сферах общественной жизни). Рассмотрим некоторые из этих процессов.

---

²³³ Безусловно, в западном классическом искусстве (искусство до XX века) можно обнаружить множество литературных (например, некоторые трагедии Шекспира) и художественно-изобразительных (например, картина Жана Батиста Греза «Отцовское проклятие, некоторые работы Рембрандта) произведений связанных с темой конфликтности в межпоколенческих отношениях. Однако в рамках данного диссертационного исследования не представляется возможным детально проанализировать их. Ограничимся указанием на то, что постольку поскольку определенное произведение оказывалось репрезентирующим мотивы, связанные с указанной проблематикой, оно поддается описанию в качестве встраивающегося в поток объяснительно-конститутивных констелляций социокультурной реальности.

Анализируя изменения, произошедшие в общественных представлениях о месте молодежи, т.е. «нового поколения» в социальном порядке, можно увидеть определенную тенденцию. Представления о роли «нового поколения» развиваются в истории общественного сознания от представления о его подчиненном положении в общественной системе, т.е. в качестве объекта социализации, к своеобразной эмансипации – обретению социальной субъектности. Безусловно, представления изменяются не сами по себе, они социально обусловлены, как подчеркивает в своих работах по социологии духа К. Мангейм²³⁴. Представления о конфликтности поколений не могли возникнуть в традиционном обществе с его жесткими представлениями о специфике воспитания, социализации, нивелирующими идею самоопределения личности²³⁵. Христианство в некотором смысле трансформировало данную ситуацию, развивая представления о ценности индивидуальной жизни, в том числе и ребенка. Общая тенденция Нового Времени в отношении положения молодежи в обществе – это тенденция «эмансипации», обретения субъектности, права самоопределения. Данную тенденцию характеризую как рассмотренные нами в первой главе теории молодежи, проанализированные выше концепции воспитания Д. Локка, Ж.Ж. Руссо и их многочисленных последователей (идея эмансипации воспитуемого, заложенная в данных работах, достигает своего естественного завершения в концепции «свободного воспитания» Э. Кей), так и возникновение в Новое и Новейшее Время многочисленных молодежных союзов и объединений, а затем и молодежных движений. В целом, Новое и Новейшее Время это постоянный процесс усиления роли молодежи в процессах развития культуры и общества, что позволило М. Мид характеризовать культуру западного модернистского общества как конфигуративную и префигуративную. К. Мангейм говорит о процессе «эмансипации» молодежи в Новое Время, как о стремлении к самоопределению, обретению самооценки, в этом данный процесс сходен с историей эмансипации женщин: «То же относится *mutatis mutandis* и к германской молодежи, которая

²³⁴ Мангейм. К. Эссе о социологии культуры // Избранное. Диагноз нашего времени. М., 2010. С. 7 - 264.

²³⁵ Марру А.-И. История воспитание в античности (Греция). М., 1998. 427 с.

создала множество философских теорий, являющихся реакцией на концепции молодежи, созданные прежним поколением. В них молодежи отводилась лишь второстепенная роль, как стадии, предвещающей зрелость. Именно это резко критиковали различные молодежные декларации, утверждавшие автономную ценность молодости. Социальный импульс этого освободительного движения исходил от промышленной революции, предоставившей беспрецедентные возможности для способных к адаптации, инициативных молодых людей и поставившей их в преимущественное положение по сравнению с более пожилыми, имеющими устоявшиеся взгляды и трудовые навыки»²³⁶. Эмансипация молодежи, являющаяся одной из форм реализации ее конфликтности по отношению к предыдущим поколениям, находит свой источник в изменении социальных условий. Отметим и сопутствующий данной тенденции процесс теоретического ее отображения – в новых теориях молодежи, являющихся также результатом деятельности новых поколений.

Вписываясь в диалектику традиций и новаций, существующую в данном обществе, младшие поколения выступили в качестве основы дифференциации различных сфер общественной жизни. Многие политические, общественные группы и движения, новые стили и направления в искусстве Нового и Новейшего времени рождались как «дело» новых поколений и как антитеза предшествующему, тому, что было «делом» предыдущих поколений. Такие антитезы, отталкивавшиеся, противоречащие предшествующим ситуациям, можно обнаружить как в частных, так и в более общих рамках, в которых происходит процесс социокультурного развития. Разве не был антитезой «старому», классическому абсолютизму, век Просвещения и просвещенный абсолютизм? Не случайно историки, биографы подчеркивают острый конфликтный характер отношений одного из главных монархов-просветителей, прусского короля Фридриха Великого и его отца, короля Фридриха Вильгельма²³⁷ на смену которому он пришел, во многом изменяя уклад и правила традиционной

---

²³⁶ Мангейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М., 2010. С. 112.

²³⁷ Свидетельство этому можно найти, например, в мемуарах Вольтера. URL: <http://rulers.narod.ru/fridrix/memyary.htm>

политики и опираясь в этом, в том числе, и на «новые», молодые кадры – своих сподвижников. В свою очередь антитезой Просвещению с его прогрессистским характером, оказывается Романтизм, как культурное и общественное течение. И таким образом, в Западном обществе Нового и Новейшего времени утвердился «элитарный» принцип деления поколений, о котором говорит Б. Дубин. Сама динамика социокультурной среды, ее постоянная дифференциация есть не что иное как динамическое противоречие между поколениями-элитами, сталкивающимися и последовательно отрицающими друг друга в различных сферах общественной жизни. Межпоколенческая конфликтность, порой переходящая в реальный конфликт, осязаемую напряженность представлений, не есть некий скрытый, глубинный уровень социального бытия к которому все сводится. Она представляет собой форму, в которой реализуются конкретные тенденции общественной жизни, которые также могут быть положены в основу рассмотрения общественной динамики – т.е. политические, культурные, экономические факторы.

Необходимо сказать о процессе развития в Западном обществе такой специфической группы как интеллигенция и сопутствующей ей скептической формы мышления. К. Мангейм связывает многие процессы определившие специфику Нового Времени, как эпохи прогрессистской идеологии, направленной на новационное обновление социокультурных форм, именно с развитием интеллигенции. Нельзя забывать, о верном указании А. Турена, касающегося необоснованности вывода о всеобщности «конфликта поколений» в США 1960-х годов, в силу того, что «конфликтной» оказалась лишь университетская молодежь. Действительно, хоть мы и признаем общность конфликтной предпосылки человеческого сознания, но канализация ее зависит от социальных форм, актуализированных в наличном обществе. Интеллигенция является одной из таких форм, социальной общностью по самой природе своей канализирующей данную конфликтность: «...ее неотъемлемой чертой становится тенденция к сомнению и поиску, а не к утверждению. Многополюсность этого процесса создает уникальную, свойственную современному человеку склонность

проникать за пределы очевидного и взламывать все и всяческие жесткие системы понятий, основанные на четко определенных, устойчивых принципах. С данной предрасположенностью тесно связана тенденция опережать время, забегать вперед в оценке ситуации и предвосхищать альтернативы до того, как они приобретут ярко выраженную форму»²³⁸. В данном суждении легко увидеть параллели с нашим пониманием молодежи, «нового поколения» в контексте модернистского общества. А именно, как новационной силы, обладающей потенцией изменения социокультурных форм через конфликт (сомнение) с устоявшимися формами, принципами, традициями. Процесс становления интеллигенции и она сама, как социальная страта, являет собой форму реализации межпоколенческой конфликтности – в которой одно поколение творческой, научной или философской интеллигенции вступает в отрицательную связь с идеями предыдущего, подвергает их критической обработке и за счет этого созидает новые социокультурные формы. Интеллигенция на протяжении всей своей истории, начиная с позднего средневековья, представляла собой нечто дистанцированное от общего социокультурного опыта наличного общества, способное открываться новому опыту и связанное, прежде всего, с ним: «В известном смысле интеллигенты являются ренегатами, отрекшимися от страты своих родителей»²³⁹. Именно интеллигенции свойственна скептическая наклонность мышления и в этом смысле она схожа с молодежью. Интеллигенция из числа молодых людей предстает в качестве самой критически настроенной и потому конфликтной части общества по отношению к корпусу сложившихся в нем норм и традиций.

Конфликтность поколений в форме новационного агона свойственна природе самого модернистского общества, она находит свое отражение в концепции либерального понимания индивидуальности, в понимании демократических институтов как поля постоянного столкновения мнений и порождения новых мнений. Общество модерна характеризуется тем, что

---

²³⁸ Мангейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М., 2010. С. 133.

²³⁹ Там же, с. 152.

достигнув высочайшей степени дифференциации, оно дает индивиду самоопределение на мозаичной основе многочисленных его связей с различными группами, сообществами, авторитетами и т.д. В данном обществе просто не может быть столь сильной связи со своей семьей, или неким предшествующим генетически образцом деятельности, представлений, как то могло быть в обществе традиционном. Высокая степень дифференциации оставляет слишком малую возможность полному тождеству представлений, ценностей и взглядов между людьми и в том числе между людьми и группами людей, вовлеченными в поколенческие отношения.

Межпоколенческая конфликтность может рассматриваться в качестве вечного мотива социальной жизни, если мы переносим акцент с актуальных форм ее реализации, на форму потенциальную – т.е. как раз на конфликтность, как потенцию отношений. Общественное сознание в различных формах репрезентировало значимость межпоколенческого антагонизма, сформировав в XX веке отношение к формуле «поколения (субъект) – конфликт (предикат)» как к одной из вечных проблем человечества. И здесь мы признаем правомерность данного суждения, но лишь в случае некоторой его корректировки. Ни сам конфликт, ни сам антагонизм, ни сама борьба составляют мотив, одну из движущих сил истории человеческого общества – а его объективная возможность, потенциальность. Перефразируя Л. Фойера – не конфликт поколений составляет суть истории человечества, а его возможность. Социальной природе человечества изначально присуща поколенческая дифференциация, она есть одна из основных форм различения в социуме на всех его уровнях. А любое различение, как естественно порождающее некоторый тип отношений, не избавлено от конфликтного момента в конкретности своего общественного воплощения.

Что связывает все срезы феноменального проявления межпоколенческой конфликтности (конфликтность поколений в семье, социальных институтах, общественных ситуациях, обществе и культуре в целом)?

Мы можем ответить на поставленный вопрос, если рассмотрим организацию системы представлений обо всех феноменальных проявлениях

межпоколенческой конфликтности, репрезентирующую последнюю в качестве концептуального феномена социальной реальности. Межпоколенческая конфликтность предстает не только в качестве потенциальной формы каждого конкретного ее феноменального проявления, но и в качестве мыслимой абстракции объемлющей все эти феноменальные проявления. В качестве концептуального феномена она возвышается над конкретными явлениями (над конфликтностью в семье, институтах, неких общественных ситуациях) – она репрезентирует все их, только вне конкретики проявлений – а как абстракцию, предполагающую наличие конфликтного предиката в отношениях поколений. Речь идет не о каких-то конкретных поколениях и конфликтных ситуациях между ними, а о концептуальном представлении, согласно которому конфликтность является неотъемлемой чертой отношений между поколениями. Именно в таком смысле мы можем говорить о вечности поколенческой проблематики – как об абстрактном представлении, существующем лишь через различные свои феноменальные проявления (как в смысле представлений о конкретных конфликтных эксцессах, так и в смысле самих этих эксцессов – ведь действительное, эмпирическое всегда связано с теоретическим, представляемым). Однако это абстрактное представление, существуя над конкретикой, может быть постигнуто лишь через последовательное продвижение от частного к общему. Мы можем познать общее лишь через эксплицитные формы проявления конфликтности (реальные конфликты) и многообразие представлений их отображающих. Общим, в случае с конкретными феноменальными проявлениями межпоколенческих конфликтов, будет их потенциальная форма и представление о ее существовании. Нужно подчеркнуть, что речь идет не только о некоем представлении, но и о том действительном общем, что свойственно всем типам межпоколенческого конфликта – естественно образуемому напряжению между позициями, возникающими на разных точках временной шкалы – новым и не-новым, отцами и детьми, взрослыми и молодежью, традициями и новациями.

Таким образом, межпоколенческая конфликтность предстает перед нами в двух взаимосвязанных ипостасях: 1) в качестве потенциальной формы реальных

конфликтов (т.е. в качестве их условия и причины). В таком виде она представляет собой то общее, что свойственно любому конфликтному противоречию между поколениями – потенциальное напряжение между «новым» и «не-новым», «отцами» и «детьми»; 2) как верхнее звено в иерархии представлений связанных с различными уровнями и классами реализации данной конфликтности. В таком смысле межпоколенческая конфликтность и есть представление о том общем, что свойственно всем конфликтным эксцессам между поколениями – т.е. она представляет собой идею о том, что поколенческими отношениям (в самом широком смысле слова) свойственна конфликтность. Однако как эмпирическая реальность межпоколенческой конфликтности, так и абстрактное представление о ней, оказываются доступны лишь через конкретные феноменальные проявления этой конфликтности. То общее, что и есть конфликтность, всегда словно скрывается за этими проявлениями, обуславливает их – связывает воедино и обеспечивает процесс взаимного развития всего того в обществе, человеке и культуре, что мы можем назвать «новым» и «не-новым».

Здесь уместно обратиться к тезаурусному подходу, активно развиваемому в современном гуманитарном знании. Тезаурусный подход представляет собой концепцию организации человеческого знания. Согласно данному подходу, человек и группы людей формируют в течение своей жизни тезаурусы – наборы конструкторов, конституирующих реальность данных людей и групп. Тезаурусы также содержат оценочную классификацию в отношении данных конструкторов по принципу «свое (приемлемое) – чужое (отвергаемое)»: «тезаурус — это структурированное представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект»²⁴⁰. Вал. А. Луков следующим образом характеризует тезаурусы: «тезаурусы лежат в основе социального конструирования реальности, если под последним понимать не только концепцию в области социологии знания, разработанную П. Бергером и Т. Лукманом, но и саму такую деятельность воспринимающего, познающего, понимающего

---

²⁴⁰ Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарном знании. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2004_1/Lukovs/11.pdf

субъекта, взаимодействующего с миром в режиме диалога и «обмена ударами», или иначе — импульсами активного воздействия»²⁴¹. Мы считаем, что благодаря распространенности представления о конфликтности поколенческих отношений (многообразие источников его возможного усвоения) оно входит в качестве одного из устойчивых конструктов в тезаурус современного человека. При этом важно отметить, что общность данного представления основана именно на абстрактной формуле – «отношения поколений обладают конфликтностью». Однако для различных людей и групп индивидов (в зависимости от их жизненной ситуации, источников индивидуального формирования представления) данное общее представление может даваться через его более частные, феноменальные формы (фрейдистская интерпретация, интерпретация семейных отношений современной психологией, представление о «конflikте поколений» как макросоциальном феномене и т.д.). Ввиду этого, данное представление может приниматься как истинное или отвергаться как ложное (т.е. как «свое» или «чужое»). Все это и раскрывается в рамках тезаурусного подхода, где конструкты, составляющие тезаурус отдельных людей и групп, обладают ориентирующей функцией, неполнотой по отношению к целостному корпусу культуры, структурируются по оценочному признаку. Однако фактом является то, что представление о конфликтности межпоколенческих отношений является общим, интегральным представлением для современной западной цивилизации, вне зависимости от притяния или непритяния данного представления – оно представляет собой призму, точку зрения в осмыслении социокультурной реальности. При этом в случае укоренения конструкта межпоколенческой конфликтности в тезаурусе отдельного человека или группы людей, с их стороны может последовать определенная абсолютизация данного явления. Абсолютизация явления межпоколенческой конфликтности, в таком случае, является гипертрофированным восприятием данного явления, стремлением не просто видеть его во многих явлениях жизни, но при этом преуменьшать значения

---

²⁴¹ Там же.

других тенденций социокультурного бытия, раскрывающихся через иные объяснительные модели.

Межпоколенческая конфликтность – это потенция и тенденция отношений между поколениями, которая может быть обозначена как их отрицательная комплементарность. Межпоколенческая конфликтность обозначает то нетождественное между взаимодействующими поколениями, что определяет их специфику и способно привести к экспликации антагонизмов. Конфликтность – это внутренняя несхожесть и (или) противоречивость внешней ориентации различных, взаимосвязанных поколений. В предыдущей главе и выше, через герменевтику отечественной литературы, мы видели, что конфликтность не обязательно должна проявляться вовне именно как конфликт, она может являть себя в качестве внутреннего принципа самоопределения – когда конфликтная фигура выступает своего рода «негативным авторитетом», задает путь мимесиса «от обратного». Мы считаем, что данная ситуация характерна не только для межличностных отношений между поколениями, но и для всех межпоколенческих отношений. Воплощение конфликтности поколений в реальный конфликт совершенно не обязательно, оно зависит от вторичных причин, зачастую эмоционального реагирования – степени неприятия возможного различия между поколениями, соучаствующими друг другу в определенной социокультурной конфигурации. Конфликтность, как отрицательная комплементарность межпоколенческих отношений, как потенция и тенденция в развертывании инаковости в этих отношениях, сосуществует со своим антиподом – положительной комплементарностью межпоколенческих отношений. В личностно-семейном срезе, она задана стремлением к признанию, «нуждой признания». В рамках более широких, чем семья, социокультурных форм речь не может идти о стремлении к признанию как экзистенциально насыщенном мотиве. Но и здесь теория признания, которая активно разрабатывается в рамках современного социально-философского дискурса, позволит нам проанализировать положительную тенденцию межпоколенческих отношений в обществе, в ее взаимосвязи с тенденцией отрицательной.

Теория признания разрабатывается, в числе прочих, современным немецким философом, А. Хоннетом. Ученый выделяет три типа признания – эмоциональное (о котором, в интерпретации П. Рикёра мы говорили в предыдущей главе), правовое и социальное (в широком смысле слова). Нас интересует, прежде всего, третий – социальный тип признания, применительно к взаимоотношению поколений, предстающий в качестве обратной (диалектически) стороны их противоречий, конфликтности. Западное модернистское общество основано на диалектике традиций и новаций, выражающихся в противоречии поколений, в зависимости от темпа социальных изменений, социализирующихся иным способом, чем предшествующие им, обретая в этом процессе опыт инаковости – выраженный в различии взглядов и представлений: «История человеческого духа выражает чередование конфликтов и примирений групп»²⁴². Конфликт вообще является условием всякой возможной солидарности в современном обществе: «В современной зрелой демократии солидарность не является автоматической; она должна постоянно заново реализовываться в условиях конфликтов и стрессов»²⁴³. Для А. Хоннета интегральной основой Западного общества является понятие индивидуальной свободы – т.е. свободы от внешнего подчинения, единоподчиненной детерминации способностей: «Хоннет руководствуется тем, что при всем плюрализме этических ценностей модерна наше глубинное понимание справедливости заключено в понятии свободы в смысле автономии субъекта. Все другие ценности могут быть постигнуты только как обогащение идеи индивидуальной свободы»²⁴⁴. Развитие сменяющих друг друга поколений-элит в различных сферах общественной жизни подчинено реализации данной свободы – точнее одной ее стороны – «негативной», т.е. «свободы от»: «Негативная свобода — это оригинальный и неотъемлемый элемент морального самопонимания модерна: в ней находит выражение то, что каждый должен пользоваться правом «по своему усмотрению»: действовать при отсутствии

²⁴² Мангейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М., 2010. С. 109.

²⁴³ Там же, с. 209.

²⁴⁴ Шачина, А. Ю., Шачин, С. В. Обзоры и Рецензии. Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/honneth-a-das-recht-der-freiheit-grundriss-einer-demokratischen-sittlichkeit-b-suhrkamp-2011>

внешних ограничений и независимо от принуждения проверять свои мотивы»²⁴⁵. Мы признаем значимость реализации данной тенденции в процессе социокультурной динамики – действительно, «отрицательный мимесис», «негативный авторитет» о котором уже говорилось выше, способствует реализации «негативной свободы» и соответственно обретению самоидентичности, как отдельных индивидов, так и групп. Потому в рамках Западного общества начиная с Нового Времени поколения-элиты в политике, философии, искусстве представляют собой инверсию своих предшественников – дистанцируясь от них, противореча им, «отталкиваясь» от них, обретая через это собственную индивидуальность, они осуществляют процесс социокультурного развития в парадигме постоянного новационного превосходения традиций, на которой и основано общество модерна. Помимо негативной свободы, А. Хоннет выделяет свободу положительную – рефлексивную, свободу целеполагания. Философ уверен, что именно в этой свободе и кроется интенция взаимного признания в рамках социального поля, так как лишь негативная свобода, основанная на отрицании, не может способствовать конструктивному развитию отрицающей стороны. А. Хоннет считает, что социальные институты могут продолжать свое развитие лишь через взаимное признание составляющих их индивидуальностей: «В конечном счете субъект «свободен» только тогда, когда он в рамках институциональных практик встречается с визави, с которым его связывает отношение взаимного признания потому, что он может усмотреть в его целях условие осуществления своих собственных целей»²⁴⁶. Мы считаем, что не стоит слишком резко разделять негативную и положительную свободу, во всяком случае, в отношении динамики поколений. В первой главе мы подчеркивали, что отрицание «не-нового» со стороны «нового» всегда носит гипербализованный, экспрессивный характер и потому является в некотором смысле иллюзорным. Действительно, уже в реализации негативной свободы – в обретении самоидентичности как инаковости, как инверсии имеющегося образца, заключены

²⁴⁵ Honneth, A. Das recht der freiheit: grundriss einer demokratischen sittlichkeit. B., 2011. P. 58.

²⁴⁶ Honneth, A. Das recht der freiheit: grundriss einer demokratischen sittlichkeit. B., 2011. P. 86-87.

семена признания. Нельзя отрицать и критиковать то, что непризнанно. «Негативный авторитет» задает вектор конституирования искомой инаковости новых поколений. Отрицая, критикуя что-либо, мы превращаем это что-то в источник обуславливающего нас опыта, а тем самым признаем это, устанавливаем с этим связь. Человеческий опыт не формируется сам по себе. Негативно оценивая одни источники опыта, он обращается к иным. Применительно к связи поколений это может означать обращение к опыту более ранних поколений, что конституирует взаимосвязь человеческого опыта в его прошлом: «как «я», так и «мы» смогут реализовать свое самоопределение только в том случае, если они находят уже заложенными в общественной реальности институциональные отношения, которые предоставят их целеполаганию шансы на реализацию»²⁴⁷. Действительно, если каждое следующее поколение отрицает предыдущее, то разве это отрицание не создает своеобразного мостика, преемственности между ними. Невозможно изолированно представить Романтизм без Просвещения, постпозитивизм без неопозитивизма, постимпрессионизм без импрессионизма. Нельзя отрицать наличия несомненной конфликтности между поколениями-элитами, выразившими данные движения, направления науки и искусства. Но разве опыт предшествующего в форме его отрицания не обуславливал опыт следующего за ним? Кроме того, мы считаем, что ожесточенность оценок, как правило, есть вещь проходящая, развертывание негативной свободы – формирование социокультурной индивидуальности проходя свой пик, сменяется тенденцией обращения к опыту предшествующих поколений или, по крайней мере, смягчению радикальности позиций. В действительности взаимное признание поколений происходит в сфере опыта прошлого – уходя в прошлое, противоречивые позиции сближаются, в своей совокупности становясь источниками формирования нового опыта и являясь объектами его критики. В этом своеобразном признании коренится единство человеческого общества – истории его социокультурного опыта, как гаранта постоянного движения вперед, воспроизводства диалектики традиций и новаций.

---

²⁴⁷ Там же, р. 69.

Здесь мы должны вновь критически оценить попытку единообразного восприятия межпоколенческих отношений. Мы должны понимать, что ошибкой было бы экстраполировать нашу концепцию диалектики положительной и отрицательной комплементарности поколений на всю историю взаимоотношений поколений. Конфликтность, понятая как отрицательная комплементарность, является формой межпоколенческих отношений, характерная для модернистского общества – это и есть «новационная» конфликтность поколений. Однако нельзя экстраполировать ее на всю историю межпоколенческих отношений. Как мы уже указывали, межпоколенческие отношения в силу своей бинарности изначально конфликтны, но форма этой конфликтности на протяжении тысячелетий не могла быть «новационной». Напротив, «новационная» форма конфликтности может быть сведена к изначальной – агональной форме межпоколенческих отношений. В традиционном обществе агон поколений служил той же функции, что в современном обществе служит «новационная» конфликтность поколений. Агон поколений был конститутивным моментом в процессе становления личности и в процессе жизнедеятельности общества, которое в те времена тяготело к статике, а не к динамике. Христианская цивилизация легитимировала отсутствие конфликтности в отношениях поколений – за счет мотива подчинения «мудрой воли» старшего и нивелирования инициатического элемента культуры. Но с другой стороны она предопределила расцвет межпоколенческой конфликтности в модернистском обществе, за счет введения линейного времени истории и приоритета момента личного спасения, принадлежности церкви (т.е. идеи) в противовес семейным, кровнородственным связям. Сейчас мы можем видеть множество теорий, концепций, произведений искусства, отражающих межпоколенческую конфликтность в современном, модернистском обществе – конфликтность как отрицательную комплементарность, как конститутивный момент становления личности и социокультурных образцов в постоянно изменяющемся обществе, где новации, преодолевающие традицию, нашли свое социальное воплощение в динамике постоянно сменяющихся друг друга поколений. Мы приходим к выводу, что межпоколенческая конфликтность как потенция и

тенденция отношений поколений в обществе направлена на поддержание этого общества: в традиционном обществе она в своем агональном, инициатическом виде поддерживает статическое состояние социокультурного поля, а в модернистском обществе обуславливает постоянную динамику общественного развития, как основанную на преодолении традиций новациями. Нужно отметить, что в современном обществе, перешедшем в стадию постмодерна, специфика существования межпоколенческой конфликтности приобретает новые черты. Способствовав утверждению характерных черт общества модерна, а затем и наступлению общества постмодерна, межпоколенческая конфликтность как процесс порождения «нового» предстала через свое феноменальное многообразие в качестве интегрального явления общественного сознания. Но будучи растиражированным феноменом данного сознания, межпоколенческая конфликтность как социальное явление, становится привычным, легитимным явлением. В связи с завершением процесса «эмансипации молодежи» (да и ввиду общего «старения» населения на Западе), усвоением «новационной» логики, межпоколенческая конфликтность теряет свои экспрессивные, вызывающие черты. В обществе, признавшем постоянное самообновление в качестве неизбежного и необходимого явления, данная конфликтность не может больше реализовываться через острые антагонизмы (во всяком случае, их интенсивность оказывается снижена). Безусловно, межпоколенческая конфликтность, как принцип определивший лицо современного общества, продолжает существовать и в рамках семейного и в рамках социокультурного бытия. Однако процессы, определившие ее в качестве корневого представления общественного сознания эпохи модерна, во многом завершены. И это означает наступление возможных метаморфоз в форме ее реализации.

К каким выводам мы пришли в результате анализа, проведенного в данном параграфе? Во-первых, выявлена опосредующая роль христианского мировоззрения в процессе перехода от культуры предшествующего традиционалистического общества (в котором конфликтность поколений как противоречие «нового» и «не-нового» существовала в виде исключения) к

культуре Нового Времени (в которой данная конфликтность становится основной формой внутрикультурных изменений). В христианской культуре совершается становление парадигмы линейного времени, а также развитие основ персонализма, что подготавливает конституирование межпоколенческой конфликтности в эпоху Нового Времени. В то же время, христианская культура во многом остается традиционалистической, основанной на символизме «отца», «порядка», «священной истории», определяющей телеологию христианского времени, тогда как Новое Время раскрывает телеологию течения времени в самом его поступательном, прогрессивном движении. Иными словами, телеология временного бытия в христианстве трансцендентна, а в идеологии Нового Времени она имманентно присуща социальному процессу, открывается в нем.

Во-вторых, реконструирован процесс легитимации межпоколенческой конфликтности в теоретической мысли Нового Времени, находящий свое завершение в теории З. Фрейда и его последователей. Вызревание идеи межпоколенческой конфликтности находилось в связи с общими процессами секуляризации Нового Времени, с легитимацией «новаций» как явления, противоположного «традиции». Теория воспитания Д. Локка, воззрения Ж. - Ж. Руссо, социальная конфликтность К. Маркса, ценностный конфликт между прошлым и будущим у Ф. Ницше – это основные вехи на пути легитимации межпоколенческой конфликтности как неотъемлемого и драматичного явления человеческой жизни – как оно, в конце концов, предстает перед нами во фрейдизме.

В-третьих, представления о межпоколенческой конфликтности во фрейдомарксизме являются гиперболизацией представлений фрейдизма и своеобразным социальным мифом. Как и всякая социокультурная констелляция, представление о межпоколенческом конфликте как всеобщем явлении и движущей силе истории является не объективным «снимком» действительности, а ограниченной моделью ее интерпретации, имеющей объяснительно-конститутивное значение. Специфика данных представлений является социально обусловленной и способствует формированию своеобразного видения

определенной сферы действительности – межпоколенческих отношений в конфликтном ключе, что вообще свойственно для Западного общества второй половины XX – начала XXI века.

В-четвертых, тема межпоколенческого конфликта широко представлена в различных произведениях искусства. Данная тематика особенно репрезентирована в отечественной литературной традиции, где до XVII века ее рассмотрение связано с библейским сюжетом «блудного сына», а в Новое время с сюжетом конфликта-протеста, основанного на стремлении к личностному выбору, реализации собственного Я. Распространение сюжета межпоколенческого конфликта в отечественной литературе XIX столетия и в зарубежном искусстве XX века социально обусловлено, а с другой стороны, само является своеобразной призмой осмысления реальности, обозначая легитимацию представлений о сложности, конфликтности межпоколенческих отношений в массовом сознании, создавая культурную предпосылку возникновения и реализации конфликтных отношений между поколениями.

В-пятых, формирование представлений о конфликтности межпоколенческих отношений обусловлено и взаимосвязано с рядом процессов, характерных для модернистского общества: процессом «эмансипации» молодежи и смены образовательных парадигм; становлением интеллигенции и распространением характерного для нее скептического мышления; постоянной дифференциацией во всех сферах общественной жизни; переходом от генетического к «элитарному» членению поколений в обществе. Общей тенденцией Нового Времени в отношении положения молодежи в обществе является тенденция «эмансипации», обретения субъектности, права самоопределения. Вписываясь в диалектику традиций и новаций, младшие поколения выступили в качестве основы дифференциации различных сфер общественной жизни. Многие политические, общественные группы и движения, новые стили и направления в искусстве Нового и Новейшего времени появлялись в результате деятельности новых поколений и как антитеза представлениям и деятельности предыдущих поколений. Динамика социокультурной среды, ее

постоянная дифференциация есть не что иное как динамическое противоречие между поколениями-элитами, сталкивающимися и последовательно отрицающими друг друга в различных сферах общественной жизни.

В-шестых, межпоколенческая конфликтность является не только основанием, потенцией многообразных проявлений противоречивости в отношениях поколений. Она также является концептуальным представлением, конструктом, входящим в тезаурус современного общества. Это представление сводится к идее существования конфликтности, противоречивости в межпоколенческих отношениях – в таком случае, это представление охватывает все феноменальное разнообразие проявлений межпоколенческой конфликтности, отображающихся в различных социокультурных конstellациях. Общим, в отношении конкретных феноменальных проявлений межпоколенческой конфликтности, будет их потенциальная форма и представление о ее существовании. Представление о конфликтности межпоколенческих отношений является интегральным представлением для современной западной цивилизации, вне зависимости от притяжения или неприятия данного представления.

В-седьмых, конфликтность, как потенция и тенденция в развертывании инаковости в межпоколенческих отношениях, сосуществует со своим антиподом – положительной комплементарностью межпоколенческих отношений. Мы считаем, что развитие сменяющих друг друга поколений-элит в различных сферах общественной жизни подчинено реализации «негативной» свободы, т.е. «свободы от». «Отрицательный мимесис», «негативный авторитет» способствует реализации «негативной» свободы и соответственно обретению самоидентичности, как отдельных индивидов, так и групп. Но уже в обретении самоидентичности как инаковости, как инверсии имеющегося образца, заключены семена признания. Нельзя отрицать и критиковать то, что непризнанно. «Негативный авторитет» задает вектор конституирования искомой инаковости новых поколений. Отрицая, критикуя что-либо, мы превращаем это что-то в источник обуславливающего нас опыта и, тем самым, признаем это, устанавливая с ним связь. Взаимное признание поколений происходит в сфере опыта прошлого:

уходя в прошлое, противоречивые позиции сближаются, в своей совокупности становясь источниками формирования нового опыта и являясь объектами его критики. В этом, своеобразном признании корениться единство человеческого общества – истории его социокультурного опыта.

В-восьмых, межпоколенческая конфликтность как потенция и тенденция отношений поколений в обществе направлена на поддержание этого общества: в традиционном обществе она в своем агональном, инициатическом виде поддерживает статическое состояние социокультурного поля, а в модернистском обществе обуславливает постоянную динамику общественного развития как основанную на преодолении традиций новациями. Конфликтность поколений как реализация новационного агона свойственна природе самого модернистского общества, она находит свое отражение в концепции либерального понимания индивидуальности, в понимании демократических институтов как поля постоянного столкновения мнений и порождения новых мнений. Конфликтность не обязательно должна проявляться вовне именно как конфликт, она может являть себя в качестве внутреннего принципа самоопределения, когда конфликтная фигура выступает своего рода «негативным авторитетом», задает путь мимесиса «от обратного». Воплощение конфликтности поколений в реальный конфликт зависит от вторичных причин, зачастую эмоционального реагирования – степени неприятия возможного различия между поколениями, соучаствующими друг другу в определенной социокультурной конфигурации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, межпоколенческая конфликтность предстает перед нами, во-первых, как феномен межличностных и групповых отношений, а во-вторых, в качестве представления, социального конструкта, ориентирующего отдельных людей и социальные общности в социокультурной реальности.

В данной работе мы, прежде всего, обращаемся к теме конфликтной стороны межпоколенческих отношений, перенося основное внимание с эксплицитных форм проявления на ее потенциальную форму – то, что мы назвали «конфликтностью» поколений. Отойдя от стандартной схемы рассмотрения конфликтных явлений «причина-конфликт-следствие», мы сосредоточили внимание на латентных формах возможных конфликтов, на тех условиях их потенциального возникновения, что заложены в саму специфику межпоколенческих отношений. Данные потенциальные условия, коренящиеся в социокультурной природе межпоколенческих отношений, мы обозначили «конфликтностью поколений» – потенцией отношений, обуславливающей собственно конфликтную их сторону – конфликтную тенденцию, являющуюся совокупностью латентных, потенциальных форм и самих конфликтов, возникающих в качестве экспликации данных латентных форм при наличии определенных причин.

Существует два класса отношений, которые могут быть названы межпоколенческими – отношения генеалогические, т.е. отношения внутри семьи, и отношения поколений в обществе, в рамках различных социокультурных практик, ситуаций, структур.

Анализируя конфликтную тенденцию, заключенную в генеалогических отношениях, мы выявили своеобразную последовательность «конфликтность-конфликт-признание», являющуюся «идеальным типом» межпоколенческих отношений в семье. Данная последовательность не должна оцениваться как нечто,

обязательно свершающееся в каждом случае отношений между поколениями в семье, это предельный случай, где каждый компонент доведен до своего максимального значения, раскрывающего все его потенциальные моменты.

Межпоколенческая конфликтность как феномен генеалогических отношений является потенцией, способной стимулировать реальные конфликты между поколениями в семье. Источник конфликтной тенденции генеалогических отношений коренится в самой специфике человека как существа познающего мир, конструирующего свою реальность. Используя теорию социального конструкционизма П. Бергера и Т. Лукмана, мы пришли к выводу, что конфликтность возникает ввиду расхождений между теоретическим планом реальности, предпосылаемом становящейся личности ее первичными значимыми другими (родителями) и собственной, формирующейся картиной мира. Формирование данной картины мира оказывается детерминировано практическим взаимодействием с действительностью и воздействием новых значимых других, с которыми личность постоянно сталкивается в процессе вторичной социализации. Конфликтность генеалогических отношений проявляется, когда становящаяся личность переходит в стадию, которую Ж. Пиаже назвал стадией развития «формально-операционального мышления», когда личность обретает способность теоретически осмыслять, конструировать мир «из себя». Это способствует формированию индивидуальности в ее «мозаичной» специфике и возникновению противоречий между представлениями формирующейся личности и представлениями, предпосланными ей со стороны первичных значимых других. Реальные конфликты возникают в результате действия вторичных причин – эмоциональной реакции на теоретические противоречия между представлениями о той или иной сфере или предмете действительности.

Реализация конфликтной конфигурации отношений способствует автономизации личности, ее становлению. Конфликтность через возникновение противоречий в представлениях способствует «теоретическому» подкреплению модусов раскрывающейся самости, таких как «я могу», «я говорю», «я обещаю», «я помню». Данные модусы составляют, согласно П. Рикёру, феноменологию

«человека могущего». Конфликтность реализует возможность выбора, самостоятельного конструирования реальности на основе разнообразия в представлениях, мнениях, точках зрения, с которыми индивид сталкивается в процессе своего развития. В акте выбора, рекомбинации усваиваемых представлений и их элементов состоит выражение субъективности, обретаемой самости, заключенной в способности выражать свое Я. С помощью конфликтности личность реализует свою негативную свободу – свободу от предписания способностей, и, таким образом, оказывается ответственной за собственные действия, воспоминания, обещания.

Конфликтность, способствующая самопризнанию индивида как центра ответственности за собственные действия и связанные с ними речевые акты, находит свое завершение во взаимопризнании. Человеческая личность в течение своей жизни борется за признание со стороны «другого». Следуя в русле теории признания П. Рикёра, мы пришли к выводу, что межпоколенческая конфликтность находит свое завершение во взаимопризнании самостоятельных индивидов. Взаимопризнание – это признание индивида со стороны «другого» в качестве автономной, способной и ответственной личности, являющееся завершающим этапом на пути развития индивидуальности, самости, окончательно удостоверяющем ее в этом статусе. Таким образом, нерасторжимость генеалогического отношения заключается в телеологии признания, которая наделяет развертывание конфликтности межпоколенческих отношений мотивом «борьбы за признание», впервые сформулированным Гегелем.

Осмысляя специфику существования межпоколенческой конфликтности как феномена общественного бытия вне ее генеалогического среза, мы задались вопросом определения понятия «поколение» в рамках социокультурного поля. Отечественный социолог Б. Дубин, предложил классифицировать поколенческие отношения в обществе следующим образом: в традиционном обществе актуализируется генеалогическое членение поколений, т.е. поколением является совокупность людей определенного возраста, соотносимых с иным возрастом; здесь можно выделить поколение «отцов» или «детей» как существующее в

рамках социокультурного поля как целого. В модернистском и постмодернистском обществе ввиду процессов социальной и культурной дифференциации, подобное разграничение утрачивает смысл. Поколениями здесь обозначаются, соответственно, поколения-элиты, сменяющие друг друга в различных сферах общественной жизни (политике, искусстве, философии и т.д.) и поколения в рамках различных социальных институтов.

Феноменальное многообразие межпоколенческой конфликтности оказывается доступно для анализа и само конституируется при помощи социокультурных представлений о нем. Мы обращаемся к пониманию символических форм человеческой культуры через призму регрессивно-прогрессивной методологии П. Рикёра. Данная методология трактует культурные символы (теории, мифо-религиозные представления, произведения искусства) как, с одной стороны, обусловленные эмпирической действительностью и обладающие по отношению к ней объяснительной функцией, а с другой, в процессе объяснения, интерпретирующие ее и способствующие ее изменению. При анализе представлений о межпоколенческой конфликтности мы вводим термин *«социокультурной констелляции»*, являющийся интерпретацией философского понятия «констелляция» Т. Адорно. Мы рассматриваем «социокультурную констелляцию» как единство взаимосвязанных символических объяснительных моделей, в котором понимание каждой отдельной модели оказывается возможно лишь в контексте ее взаимосвязи с другими элементами констелляции, образующей тематическую целостность, специфический объяснительный тезаурус определенного феномена, существующего в наличном социокультурном пространстве. Мы рассматриваем представления о конфликтности, антагонистичности, противоречивости межпоколенческих отношений, обнаруживающихся в различных мифо-религиозных традициях, философских и научных теориях и произведениях искусства, как отображающие реальность межпоколенческих отношений в различных конкретно-исторических типах общества, а также как конституирующие саму эту реальность.

Межпоколенческие отношения в принципе характеризуются как агональные, содержащие в себе конфликтный агон. Выделение в социокультурном пространстве «поколения» как бинарной оппозиции указывает на определенное различие между группами лиц, которые составляют поколения. В зависимости от тех социокультурных констелляций, что конституируют общественную реальность, мы можем выделить различные формы канализации инаковости, конфликтности поколений. В традиционном обществе, основанном на доминантной роли символики «отца», «традиции», «священного времени», «новационный» тип конфликтности, характерный для современного общества, является невозможным. Основным в примитивном и традиционном обществе является «чистый агональный» тип, следующий из выделения в ткани общества поколений и возможности соперничества, состязательности, соревновательности между ними. Герменевтическое прочтение ряда мифо-религиозных сюжетов открывает перед нами канализацию этой соревновательности через борьбу за власть в рамках существующего порядка. На основе анализа мифологического сюжета «брошенного и преследуемого ребенка» мы пришли к выводу о наличии «агональной» конфликтности, явленной в форме «вызова-преодоления», где соперничество с «предком», представителем старшего поколения является условием становления индивидуума. Таким образом, конфликтность поколений реализовывалась в традиционном обществе в форме конфликта-соревнования, составлявшего сердцевину инициатических практик, в ходе которых младшие поколения включаются в культурный порядок, преодолевая препятствия и состязаясь с представителями старшего поколения.

В христианской культуре происходит становление парадигмы линейного времени, а также развитие основ персонализма, что оказалось подготовительным этапом конституирования межпоколенческой конфликтности «новационного» типа в эпоху Нового Времени. При этом христианская культура за счет доминирующей роли образов «отца», «мудрой воли» и осуждения своеволия, сохранила ведущие традиционалистические черты. Ввиду этого мы можем охарактеризовать христианскую культуру Средних веков как переходный период

между культурой предшествующего традиционного общества к культуре Нового Времени.

В эпоху Нового Времени усиливаются процессы дифференциации и эмансипации, которые способствовали формированию «новационного» типа межпоколенческой конфликтности. Конфликтность прошлого и будущего, традиций и новаций, выраженная в конфликтном взаимодействии поколений – постоянном превосхождении поколениями будущего поколений прошлого, стала опознавательным знаком модернистского общества. Данная конфликтность во многом коррелирует и с характерной модернистскому обществу прогрессистской идеологией, стремящейся в постоянном процессе общественного развития обрести свой собственный смысл и раскрыть имманентную телеологию данного процесса. Конституирование «новационной» межпоколенческой конфликтности находит свое отражение в ряде философских, социологических теорий, а также в эстетической традиции Нового и Новейшего времени. Теории субъектности молодежи, эмансипации образовательного процесса Д. Локка и Ж.-Ж. Руссо, теории превосхождения прошлого будущим К. Маркса и Ф. Ницше, подготовили почву для концепции З. Фрейда, наделившего межпоколенческую конфликтность статусом вечной темы человеческой истории. Широкое распространение представлений о принципиальной конфликтности межпоколенческих отношений, подкрепленное многочисленными отображениями их в произведениях современного, массового искусства, способствовало становлению темы межпоколенческой конфликтности в качестве «вечной проблемы» человеческого бытия, закрепленной в общественном сознании современного западного общества.

Развитие представлений о конфликтности межпоколенческих отношений коррелирует с рядом процессов, свойственных модернистскому обществу: процессом «эмансипации» молодежи и изменения образовательных парадигм; становлением интеллигенции и характерного для нее скептического мышления; постоянно усиливающимся процессом дифференциации во всех сферах общественной жизни. Магистральной тенденцией Нового Времени в отношении

положения молодежи в обществе является тенденция ее эмансипации, обретения молодежью субъектности, права самоопределения. Данная эмансипация является одной из форм реализации конфликтности молодежи и основывается на изменении социальных условий в эпоху Нового Времени. Младшие поколения, их активность, явились условием процессов дифференциации социокультурного поля и диалектики традиций и новаций, на которой основана общественная жизнь модернистского общества. Можно сказать, что многие политические, общественные движения и группы, стили и направления в искусстве Нового и Новейшего Времени появлялись в качестве результата деятельности новых поколений и как антитеза тем позициям в представлениях и деятельности, что занимали представители предшествующих поколений. По сути, вся динамика социокультурного процесса с присущей ей постоянной дифференциацией есть постоянно воспроизводящееся противоречие между поколениями-элитами, последовательно отрицающими друг друга в различных сферах общественной жизни.

Развитие сменяющих друг друга поколений-элит в различных сферах общественной жизни есть реализация «негативной» свободы, т.е. «свободы от». «Отрицательный мимесис», «негативный авторитет» способствует реализации «негативной» свободы и соответственно обретению самоидентичности, как отдельных индивидов, так и групп. В то же время, негативная связь между поколениями является и условием возможности признания между ними, которое выступает в качестве горизонта, раскрывающего возможность развития тех позиций, которые занимают в социокультурном процессе различные поколения. Даже в случае не достижения реального признания, можно сказать, что взаимное признание поколений происходит в сфере опыта прошлого, где противоречащие друг другу позиции сближаются и становятся в своей совокупности источниками формирования нового опыта, являясь объектами его критики. В этом специфическом примирении коренится единство человеческого общества – истории его социокультурного опыта.

Межпоколенческая конфликтность выступает в качестве концептуального представления, конструкта, входящего в тезаурус современного общества. Представление о межпоколенческой конфликтности – это представление о том, что конфликтность, противоречивость, антагонистичность являются неустранимой чертой всех тех отношений, которые могут быть обозначены в качестве межпоколенческих. Данное, предельно общее, представление включает в себе все феноменальное разнообразие проявлений межпоколенческой конфликтности, отображающихся в различных социокультурных констелляциях. Представление о конфликтности межпоколенческих отношений является одним из характерных для современного западного общества.

Межпоколенческая конфликтность как потенция и тенденция отношений поколений в обществе направлена на его поддержание. В традиционном обществе межпоколенческая конфликтность «инициатического», «агонального» типа поддерживает статическое состояние социокультурного пространства. В модернистском же обществе «новационная» конфликтность поколений являет собой условие непрерывной динамики общественного развития, основанного на преодолении новациями традиций. Конфликтность поколений, предстающая в качестве «новационного агона» когерентна самой природе модернистского общества и находит свое отражение, в том числе, в концепции либерального понимания индивидуальности, в понимании демократических институтов как поля постоянного столкновения старых и порождения новых мнений.

Феномен межпоколенческой конфликтности коренится с одной стороны в природе человека как существа познающего, конструирующего свою реальность, а с другой в поколенческом типе стратификации пронизывающим все уровни социального бытия. Однако такая «природа» феномена межпоколенческой конфликтности является недостаточной для его конкретно-исторического существования, отличающегося принципиальным разнообразием. Это разнообразие обусловлено не только возрастающей дифференциацией социокультурных образцов, но и тем, что межпоколенческая конфликтность является социокультурным представлением. Представления о межпоколенческой

конфликтности являются своеобразными моделями социальной реальности, создающими определенную конфигурацию межпоколенческих отношений, канализирующих причины существования данного феномена специфическим образом. Направленные на объяснение многообразной, никогда не поддающейся окончательной трактовке действительности, данные представления структурируют реальность, детерминируя ее развитие. Межпоколенческая конфликтность выступает в качестве тематически развивающегося представления (точнее ряда изменяющихся представлений), направленного на объяснение действительности и в процессе этого объяснения создающего конкретно-историческую реальность. Таким образом, межпоколенческая конфликтность выступает в качестве феномена и представления, которые постоянно оказываются взаимосвязаны, переходят друг в друга, обуславливая взаимное развитие. Межпоколенческая конфликтность представляет собой с одной стороны изменяющийся феномен конфликтных взаимоотношений между поколениями, имеющий основания в эмпирической действительности, а с другой конкретно-исторические модели, представления, позволяющие осмыслить данный феномен, преломляя его в человеческом сознании.

Данная работа содержит в себе ряд эвристически перспективных положений, касающихся специфики отношений между поколениями, соотношения конфликта как эксцесса и как потенции человеческих отношений, динамики социокультурной среды и возможности ее познания через призму репрезентирующих данную среду представлений. Представляется, что тема диссертационного исследования в дальнейшем может разрабатываться в направлении прояснения специфики конфликтных взаимоотношений между поколениями в различных культурно-исторических условиях. Также необходимо отметить, что представленная модель взаимосвязи социокультурных представлений и социокультурных феноменов может быть применена в исследовании иных типов конфликтных взаимоотношений в обществе (например, конфликтов в рамках одного поколения), а также в исследовании других явлений, имеющих место в социокультурном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин, А. Исповедь [Электронный ресурс] / Ав. Августин. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/HRISTIAN/AWRELIJ/ispowed.txt>
2. Августин, А. О граде Божьем [электронный источник] / Ав. Августин: пер. с лат. – Режим доступа : [http://ru.wikisource.org/wiki/О_граде_Божьем_\(Августин\)](http://ru.wikisource.org/wiki/О_граде_Божьем_(Августин))
3. Адлер, А. Понять природу человека / А. Адлер: пер. с нем. – М. : Академический проект, 1997. – 240 с.
4. Адорно, Т. Негативная диалектика / Т. Адорно: пер. с англ. – М. : АСТ, 2014. – 512 с.
5. Актуальные проблемы социологии молодежи [электронный ресурс] / под общей ред. Ю. Р. Вишневого. – Режим доступа: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/PublikaciiROS/Vishnevskiy%20Problems%20of%20youth%20part1.pdf>
6. Анисина, С. С. Социокультурные архетипы семьи и брака: дис. ...канд.фил. наук : 24. 00. 01 / Анисина Светлана Сергеевна. – Тюмень, 2002. – 186 с.
7. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории: монография / Аристотель. - Минск : Литература, 1998. - 1391 с.
8. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Советская Россия, 1979. - 316 с.
9. Безнощенко, Е. А. Семья как социальная ценность: философский анализ : дис....канд.фил.наук. : 09.00.11 / Безнощенко Елена Алексеевна. – М., 2010. – 170 с.
10. Бейтсон, Г. К теории шизофрении / Г. Бейтсон, Д. Д. Джексон, Дж. Хейли, Дж. Х. Уикленд // московский психотерапевтический журнал. 1993. № 1. С. 5 – 24; № 2. С. 5 – 18.

- 11.Бейтсон, Г. Экология разума / Г. Бейтсон. : Пер. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. – М.: Смысл, 2000. – 476 с.
- 12.Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Аспект Пресс, 1995. – 323 с.
- 13.Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 256 с.
- 14.Библия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://azbyka.ru/biblia/>
- 15.Боряз, В. Н. Молодёжь: методологические проблемы исследования / В. Н. Боряз. – Л. : ЛГУ, 1973. – 155 с.
- 16.Боулдинг, К. Э. Общая теория систем – скелет науки: исследования по общей теории систем / К. Э. Боулдинг. – М. : Прогресс, 1969. – 520 с.
- 17.Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер: пер. с нем. Ю. С. Терентьева, М. Файнгольда, послесл. П. С. Гуревича. – М. : Высш. шк., 1993. – 175 с.
- 18.Васюрина, А. А. Контркультура как механизм парадигмальных сдвигов в культуре. [Электронный ресурс] / А. А. Васюрина. – Режим доступа: <http://dspace.uabs.edu.ua/jspui/bitstream/123456789/5305/1/avart005.pdf>
- 19.Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер : Пер. с нем. составл. и общ. ред. Ю.Н. Давыдова. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
- 20.Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн : пер. с нем. Л. Добросельского. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 347 с.
- 21.Вольтер. Мемуары. [Электронный ресурс] / Вольтер. – Режим доступа: <http://rulers.narod.ru/fridrix/memyary.htm>
- 22.Гадамер, Г. – Г. Актуальность прекрасного / Г. – Г. Гадамер: пер. с нем. – М. : «Искусство», 1991. – 367 с.
- 23.Гадамер, Г. – Г. Философские основания XX века / Г. – Г. Гадамер // Актуальность прекрасного. – М. : «Искусство», 1991. – С. 16 - 25.
- 24.Гадамер, Г. – Г. Язык и понимание / Г. – Г. Гадамер // Актуальность прекрасного. – М. : «Искусство», 1991. – С. 43 - 59.

25. Гадамер, Х. - Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / Х. - Г. Гадамер : пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова.— М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
26. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Издат-во «Наука», 2006. – 443 с.
27. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
28. Гесиод. Теогония. [Электронный ресурс] / Гесиод. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/POEEAST/GESIOD/theogonia.txt>
29. Гордон, С. Ханаанейская мифология [электронный ресурс] / С. Гордон. // Мифологии древнего мира, С. 199 – 232. – Режим доступа: http://annales.info/mal_az/small/hanmyth.htm
30. Гуревич, П. С. Субкультура / П. С. Гуревич // Культурология XX век: Словарь – СПб. : Ун-т. Кн., 1997. – С. 89.
31. Гуревич, П. С. Проблема Другого в философской антропологии М.М. Бахтина / П. С. Гуревич // М. М. Бахтин как философ. – М. : Наука, 1992. – С. 83 – 96.
32. Гютербок, Г. Г. Хеттская мифология: мифология древнего мира [электронный ресурс] / Г. Г. Гютербок. – Режим доступа: <http://annales.info/hetts/small/myth.htm>
33. Дарендорф, Р. Тропы из Утопии / Р. Дарендорф. – М. : Праксис, 2002. – 536с.
34. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – № 5. С. 142 – 147.
35. Дильтей, В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах / В. Дильтей // Культурология. XX век. Онтология. – М., 1995. – С. 216 - 225.
36. Дильтей, В. Описательная психология / В. Дильтей. – СПб. : "Алетейя", 1996. – 160 с.

37. Дмитриев, А. В. Конфликтология: Учебное пособие / А. В. Дмитриев. – М. : Гардарики, 2001. - 320 с.
38. Дойч, М. Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы) / М. Дойч // Социально-политический журнал. – 1997. № 1. – С. 202 -217
39. Дубин, Б. В. Поколение: социологические границы понятия. [Электронный ресурс]. / Б. В. Дубин. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2002/04/17/474861/>
40. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм : пер. с фр. А. Б. Гофмана, примечания В. В. Сапова. – М. : Канон, 1996. – 432 с.
41. Еремин, Ю. В. Миф о конфликте поколений / Ю. В. Еремин – М. : Знание, 1973. – 64 с.
42. Жирар, Р. Достоевский: от двойственности к единству / Р. Жирар: пер. с фр. – М. : Издательство ББИ, 2013. – 162 с.
43. Жирар, Р. Насилие и священное / Р. Жирар: пер. с фр. Г. Дашевского. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 448 с.
44. Здравомыслов, А. Г. Проблема взаимоотношений конфликтов на макро- и микроуровнях / А. Г. Здравомыслов // Социальный конфликт. – 1994. - № 1. – С.5-18;
45. Зиммель, Г. Избранное: в 2 т. / Г. Зиммель. – М. : Юристъ, 1996. – 2 т. – 596 с.
46. Зиммель, Г. Социальная дифференциация: социологическое и психологическое исследование. [Электронный ресурс] / Г. Зиммель – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000084/st000.shtml>
47. Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров – М. : ACADEMIA, 2008. – 608 с.
48. Зубок, Ю. А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи / Ю. А. Зубок – М. : Мысль, 2007. – 288 с.
49. Иконникова, С. Н. Молодёжь: социологический и социально-психологический анализ / С. Н. Иконникова. – Л. : ЛГУ, 1974. – 164 с.

50. Иконникова, С. Н., Кон, И. С. Молодёжь как социальная категория / С. Н. Иконникова, И. С. Кон. – М., 1970. -14 с.
51. Кант, И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. [Электронный ресурс] / И. Кант. – Режим доступа: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/lib/kant-idea.htm>
52. Караваяева, Е. М. Конфликт поколений в романах Максина Хонг Кингстон и Эми Тэн : к проблеме поиска идентичности в азиато-американской литературе США последней трети XX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 [электронный ресурс] / Караваяева Екатерина Михайловна. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/konflikt-pokolenii-v-romanakh-maksin-khong-kingston-i-emi-ten-k-probleme-poiska-identichnost>
53. Каргина, П. А. Конфликт поколений в современном китайском кинематографе [электронный ресурс] / П. А. Каргина. – Режим доступа: http://www.synologia.ru/a/Конфликт_поколений_в_современном_китайском_кинематографе
54. Кей, Э. Век дитяти / Э. Кей : Пер. с швед. Н. И. Юрасова. – М. : Типография И. Д. Сытина, 1906. – 261 с.
55. Коган, Л. Н. Понятие «поколение» в теории научного коммунизма / Л. Н. Коган // Научный коммунизм. 1974. – № 5. – С. 70-77.
56. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. – М. : Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. — 295 с.
57. Кон, И. С. НТР и проблемы социализации молодёжи / И. С. Кон. – М. : Знание. 1988. – 63 с.
58. Конт, О. Основные законы социальной динамики, или общая теория естественного прогресса человечества / О. Конт // Философия истории. Антология. – М., 1995. – С. 116 – 130.
59. Круглов, В. Л., Круглова, И. Н., Культы судьбы и судьбы культуры (опыт герменевтико-антропологического прочтения): Монография / Круглов В. Л., Круглова И. Н. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. – 260 с.

- 60.Круглова, И. Н. Онтологические и культурантропологические основания феномена жертвенности в контексте генезиса символа судьбы : дис. ...док.фил.наук : 09.00.01 / Круглова Инна Николаевна. – Т., 2010. – 267 с.
- 61.Круглова, И. Н. Онтологические и культурантропологические основания феномена жертвенности в контексте генезиса символа судьбы: автореф. Дис.д-ра.фил.наук : 09. 00. 01 / Круглова Инна Николаевна. – Томск, 2010. – 35 с.
- 62.Кудрявцев, В. Н. Социальные деформации (причины, механизмы, пути преодоления) / В. Н. Кудрявцев. – М. : Институт государства и права, 1992. – 133 с.
- 63.Кулагина, И. Ю. Возрастная психология: развитие ребенка от рождения до 17 лет / И. Ю. Кулагина – М. : Изд-во УРАО, 1999. – 175 с.
- 64.Кулагина, И. Ю., Колюцкий, В. Н. Возрастная психология (Полный жизненный цикл развития человека) / И. Ю. Кулагина, В. Н. Колюцкий. – М. : Сфера, 2001. – 237 с.
- 65.Кули, Ч. Социальная самость. [Электронный ресурс] / Ч. Кули. – Режим доступа: http://society.polbu.ru/sociology_hrestomatia/ch13_i.html
- 66.Кьеркегор, С. Страх и трепет: Этические трактаты. / С. Кьеркегор. — М. : Республика, 1993. – 382 с.
- 67.Лебедева, М. М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии / М. М. Лебедева. – М. : «Аспект Пресс», 1997. – 272 с.
- 68.Левинас, Э. Время и Другой / Э. Левинас // Время и Другой. Гуманизм другого человека. – СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1998. – С. 21 – 119.
- 69.Левинас, Э. Гуманизм другого человека / Э. Левинас // Время и Другой. Гуманизм другого человека. – СПб. : Высшая религиозно-философская школа. 1998. – С. 123 – 244.
- 70.Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс: пер. с фр. В. В. Иванова. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 541 с.

71. Лейбин, В. Постклассический психоанализ: энциклопедия / В. Лейбин. – М. : АСТ : АСТ Москва, 2009. – 1022 с.
72. Лисенко, А. Р. Конфликт отцов и детей в немецкой драме XX века : автореф. Дис. канд. филол. наук : 10.01.03 / Лисенко Анжела Рафизовна. – Казань, 2014. – 24 с.
73. Лисовский, В. Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях [электронный ресурс] / В. Т. Лисовский // Социологические исследования, 2002. – режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/302/234/1217/016.LISSOVSKI.pdf>
74. Лисовский, В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодёжи России: Учебное пособие / В. Т. Лисовский. – СПб. : Изд-во: Санкт-Петербургского гуманитарного университета. 2000. – 519 с.
75. Лифинцева, Т. П. Философия диалога Мартина Бубера / Т. П. Лифинцева. – М.: Изд. Института Философии РАН, 1999. – 134 с.
76. Локк, Дж. Сочинения в трёх томах: Т. 3. / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1988. – 670 с.
77. Луков, Вал. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: науч. Монография / Вал. А. Луков. – М. : «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2012. – 528 с.
78. Луков, Вал. А. Теории молодежи: пути развития. [Электронный ресурс]. / Вал. А. Луков. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2007_3/Lukov_Val/16.pdf
79. Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарном знании. [Электронный ресурс]. / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2004_1/Lukovs/11.pdf
80. Луман, Н. Социальные системы / Н. Луман : пер. с нем. И. Д. Газиева. – СПб. : «Наука», 2007. – 648 с.
81. Мангейм, К. Избранное: Диагноз нашего времени / К. Мангейм: пер. с нем. и англ. – М. : Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. – 744 с.
82. Мангейм, К. Проблема поколений. [Электронный ресурс] / К. Мангейм. – Режим доступа: <http://socioline.ru/pages/poleznye-fajly>

83. Мангейм, К. Эссе о социологии культуры / К. Мангейм // Избранное: Диагноз нашего времени. – М. : Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. – С. 7 – 264.
84. Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс : пер. с нем. – М. : Издательство политической литературы, 1988. – 592 с.
85. Маркузе, Г. Очерк об освобождении / Г. Маркузе: пер. с англ. – М. : Прогресс, 1970. - 80 с.
86. Маркузе, Г. Природа и революция / Г. Маркузе // Критическая теория общества: пер. с англ. А. А. Юдинаю – М. : АСТ : Астрель, 2011. – С. 360 – 382.
87. Марру, А. – И. История воспитания в античности (Греция) / А. – И. Марру. : Пер. с франц. А. И. Любжина. – М. : «Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998. – 427 с.
88. Матурана У. Р., Варела Ф. Х. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания / У. Р. Матурана, Ф. Х. Варела. : пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М.:Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
89. Мацковский, М.С. Социология семьи. Проблемы, теории, методологии и методики / М. С. Мацковский – М. : Наука, 1989. – 116 с.
90. Мелетинский, Е. М.. Палеоазиатский эпос о Вороне и проблема отношений Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки в области фольклора. [Электронный ресурс]. / Е. М. Мелетинский. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky8.htm>
91. Мерлин, В. С. Развитие личности в психологическом конфликте [электронный ресурс] / В. С. Мерлин. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Konflikt/06.php
92. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон : пер. с англ. – М. : АСТ, Хранитель, 2006. – 880 с.
93. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид. Сост. и предисл. И. С. Кона. — М. : Наука, 1988. – 134 с.

94. Мид, М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями. [Электронный ресурс] / М. Мид. – Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/texts/mid.htm>
95. Милль, Дж. С. О свободе / Дж. С. Милль : пер. с англ. // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. – М. : «Наука», 1995. – С. 288 – 392.
96. Митев, П. – Э. Ценностные ориентации молодежи в условиях перехода к рынку / П. – Э. Митев // Молодежь и общество на рубеже веков: под. науч. ред. И. М. Ильинского. – М. : Голос, 1999. – С. 104 – 112.
97. Немецкая социология / под. ред. Р. П. Шпаковой. – СПб. : Наука, 2003. – 562 с.
98. Ницше, Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. М. : Reel-book, 1994. – 352 с.
99. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше: пер. с нем. Ю. М. Антоновского. – М. : Академический Проект, 2010. – 319 с.
100. О родительском проклятии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cosmorapin.ru/?q=book/export/html/388>
101. Омельченко, Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры / Е. Л. Омельченко. – М. : Ин-т социологии РАН, 2000. – 262 с.
102. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет: пер. с исп. – М. : АСТ, 2005. – 272 с.
103. Павловский, В.В. Ювентология: проект интегративной науки о молодёжи: Научная монография / В. В. Павловский. – М.: Академический проект, 2001. – 304 с.
104. Парк, Р. Избранные очерки: Сб. переводов / Р. Парк : Сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев; Отв. ред. Ефременко Д. В. — М. : РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии, 2011. — 320 с.
105. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 270 с.

106. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребенка [электронный ресурс] / Ж. Пиаже. – Режим доступа: <http://www.rulit.net/books/rech-i-myshlenie-rebenka-read-180198-1.html>
107. Платон. Государство / Платон // Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Ч. 1. М. : Мысль. 1971. – 645 с.
108. Радь, Э. А. Конфликт поколений и ситуация выбора в произведениях литературы Древней Руси и XVIII века :К истории сюжета о блудном сыне: дис. ... канд.филол.наук : 10.01.01 / Радь Эльза Анисовна. – Самара, 2001. – 169 с.
109. Райх, В. Сексуальная Революция / Вильгельм Райх: пер. с нем. – М. : АСТ, 1997. –352 с.
110. Райх, В. Функция оргазма / В. Райх: пер. с нем. – М. : Книга по требованию, 2012. – 152 с.
111. Ранк, О. Миф о рождении героя / О. Ранк: пер. с нем. — М. : "Рефл-бук", "Ваклер", 1997. – 252 с.
112. Рашковский, Е. Б. Феномен семьи (междисциплинарные заметки). [Электронный ресурс] / Е. Б. Рашковский. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=219&Itemid=52
113. Рейч, Ч. Молодая Америка / Ч. Рейч // Мировая экономика и международные отношения. – 1971, № 10.
114. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр: пер. с фр., вступ. Ст. и коммент. И. С. Вдовиной. – М. : Академический Проект, 2008. – 695 с.
115. Рикёр, П. Путь признания / П. Рикёр: пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовина. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 268 с.
116. Розанов, В. В. Семейный вопрос в России / В. В. Розанов // Семья. Книга для чтения. Кн. 2. : Сост. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

117. Руссо, Ж. - Ж. Эмиль или о воспитании / Ж.-Ж. Руссо // Сочинения : пер. с фр. – Калининград : Янтарный сказ, 2001. – С. 179 – 373.
118. Руткевич, М. Н., Рубина, Л. Я. Общественные потребности, система образования, молодежь / М. Н. Руткевич, Л. Я. Рубина. — М.: Политиздат, 1988. – 244 с.
119. Рэдклифф-Браун, А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / А. Р. Рэдклифф-Браун : Пер. с англ. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 304 с.
120. Сапоровская, М. В. Исследование межпоколенных связей в семейном контексте [Электронный ресурс]. / М. В. Сапоровская. // Психологические исследования № 2. 2008. – Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2008n2-2/106-saporovskaya2.html>
121. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж. – П. Сартр: Пер. с франц., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 2002. – 640 с.
122. Светлов, В. А. Конфликт и эволюция: От генетических конфликтов к конфликту поколений / В. А. Светлов. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 160 с.
123. Светлов, В. А., Семенов В. А. Конфликтология: Учебное пособие / В. А. Светлов, В. А. Семенов. – СПб. : Питер, 2011. – 352 с.
124. Семенова, В. В. Дифференциация и консолидация поколений в условиях трансформирующегося общества. [электронный ресурс] / В. В. Семенова. – Режим доступа: [http://www.isras.ru/files/File/Publication/Pokolenie_transf_obschestvo_Semenov a.pdf](http://www.isras.ru/files/File/Publication/Pokolenie_transf_obschestvo_Semenov_a.pdf)
125. Сидоров, Е. С. Возможность межпоколенческой конфликтности в первобытном обществе / Е. С. Сидоров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов, 2013. № 12 (38). Часть 1. С. 162 – 164.

126. Сидоров, Е. С. Конфликт поколений в контексте процесса развития культуры и общества / Е. С. Сидоров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов, 2013. № 2 (28). Часть 1. С. 175 – 178.
127. Сидоров, Е. С. Конфликт поколений и контракультура / Е. С. Сидоров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов, 2013. № 3 (29). Часть 1. С. 145 – 148.
128. Сидоров, Е. С. Формирование представлений о межпоколенческой конфликтности в гуманитарном знании / Е. С. Сидоров // Вестник КрасГАУ. – Красноярск, 2013. № 12 (87). – С. 290 – 294.
129. Соловьев, В. С. Смысл любви. Соч. в 2 т. Т. 2 / В. С. Соловьев : Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; Примеч. С. Л. Кравца и др. – М. : Мысль, 1988. - 822 с.
130. Соловьева, Г. Г. Негативная Диалектика: новый тип философствования / Г. Г. Соловьева // Историко-философский ежегодник. – 1991. – С. 108 – 125.
131. Сорокин, П. А. Система социология / П. А. Сорокин: вступ. Статья, сост. И комментарии В. В. Сапова. – М. : Астрель, 2008. – 1008 с.
132. Сорокин, П. А. Кризис современной семьи [электронный ресурс]. / П. А. Сорокин. – Режим доступа: <http://www.artlad.ru/magazine/all/310/311/335/340>
133. Социология молодежи / отв. Ред. В. Т. Лисовский. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 361 с.
134. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские [электронный ресурс] / Г. Спенсер. – Режим доступа : <http://lib.ru/FILOSOF/SPENSER/opyty1.txt>
135. Старшая Эдда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/sedda/home.htm>

136. Степанищекно, О. В. Исследование молодежи как особой социальной группы в социально-гуманитарных науках. [Электронный ресурс]. / О. В. Степанищенко. – Режим доступа: <http://sj.kubsau.ru/2011/09/47.pdf>
137. Стригунов, Ю. В. Межгенерационные отношения в современном российском обществе: динамика ценностей старшего поколения и молодежи : дис. ...канд.соц.наук : 22.00.04 / Стригунов Юрий Владимирович. – Новочеркасск, 2009. – 200 с.
138. Султанова, М. А. Философия контркультуры Теодора Роззака / М. А. Султанова. – М. : Книга по требованию, 2013. – 197 с.
139. Филиппович, А. В. Философские исследования. [Электронный ресурс]. / А. В. Филиппович. // История Философии. Энциклопедия. – Режим доступа: http://velikanov.ru/philosophy/filosofskie_issledovaniya_vitgenshtejn.asp
140. Фрейд, З. Введение в психоанализ / Зигмунд Фрейд: пер. с нем. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 633 с.
141. Фрейд, З. Достоевский и отцеубийство. [электронный ресурс] / З. Фрейд. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/dostoevsky/freid.html>
142. Фрейд, З. Семейный роман невротиков: Сборник / З. Фрейд: пер. с нем. Р. Ф. Додельцева. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 224 с.
143. Фрейд, З. Тотем и табу/ З. Фрейд : пер. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2008. – 636 с.
144. Фрейд, З. Три очерка по теории сексуальности / Зигмунд Фрейд. // Психология бессознательного. – М. : АСТ, 2008. – С. 139 – 256.
145. Фромм, Э. Забытый язык / Э. Фромм: пер. с англ. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 315 с.
146. Фромм, Э. Искусство Любить / Э. Фромм: пер. с англ. – М. : АСТ, 2009. – 224 с.
147. Фромм, Э. Человек для самого себя / Э. Фромм: пер. с англ. – М. : АСТ, 2009. – 244 с.

148. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер – Харьков : «Фолио», 2003. - 503 с.
149. Хайдеггер, М. Тожество и различие [электронный ресурс] / М. Хайдеггер. – М., 1997. - Режим доступа : www.PHILOSOPHY.ru/library/heideg/tozh-i-dif.html
150. Хейзинга, Й. Homo Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры / Й. Хейзинга: сост., предисл. И пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
151. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни : пер. с нем. – СПб. : Питер, 2002. – 224 с.
152. Хубиев, Б. Б. Семья как социально-ценностная общность форм бытия человека: дис...д-ра.фил.наук : 09.00.11 / Хубиев Башир Билялович. – Нальчик, 2008. – 313 с.
153. Чупров, В. И., Зубок, Ю. А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок. – М., 2000. – 114 с.
154. Шанин, Т. История поколений и поколенческая история / Т. Шанин // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России : под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. – М. : Нов. Лит. Обзорение, 2005. – 328 с.
155. Шачина, А. Ю., Шачин, С. В. Обзоры и Рецензии. Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. [Электронный ресурс] / А. Ю. Шачина, С. В. Шачин. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/honneth-a-das-recht-der-freiheit-grundriss-einer-demokratischen-sittlichkeit-b-suhrkamp-2011>
156. Шпрангер, Э. Психология юношеского возраста / Э. Шпрангер // «Педология юности». — М. – Л.: Литература, 1931.
157. Шубкин, В. Н. Возрождающаяся социология и официозная идеология [электронный ресурс] / В. Н. Шубкин. – Режим доступа: <http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/shubkin.html>

158. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира / А. Шютц. – Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
159. Шюц, А. Избранное. Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. – 1056 с.
160. Элиаде, М. История веры и религиозных идей: От Гаутамы Будды до триумфа христианства / М. Элиаде: пер. с фр. – М. : Академический Проект, 2008. – 676 с.
161. Элиаде, М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий / М. Элиаде: пер. с фр. – М. : Академический Проект, 2012. – 622 с.
162. Элиаде, М. История веры и религиозных идей: От Магомета до Реформации / М. Элиаде: пер. с фр. – М. : Академический Проект, 2009. – 463 с.
163. Элиас, Н. Общество индивидов / Н. Элиас. – М. : Праксис, 2001. – 330 с.
164. Энума Элиш. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://khazarzar.skeptik.net/books/shumer/enuma.htm>
165. Эриксон, Э. Идентичность. Юность. Кризис. / Э. Эриксон : пер. с англ. – М. : Прогресс, 1996. – 344 с.
166. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с.
167. Bell, D. Sensebility in the 60's. [Электронный ресурс] / D. Bell. – Режим доступа: <http://www.commentarymagazine.com/article/sensibility-in-the-60s/>
168. Benedict, R. F. Patterns of Culture / R. F. Benedict. — Boston-New York : Houghton, Mifflin and Company, 1934. — 260 p.
169. Birnbaum, N. The Crisis of Industrial Society / N. Birnbaum. – Oxford University Press, 1969. – 185 p.
170. Bühler, C. Drei Generationen im Jugendtagebuch / C. Bühler. – Jena: Fischer, 1934.

171. Feuer, L. S. *The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movement* / L. S. Feuer. – New York, 1969. – 527 p.
172. Friedman, M. *Dialogue, Speech, Nature, and Creation Franz Rosenzweig's Critique of Buber's "I and Thou"* / M/ Friedman // *Modern Judaism*, Vol. 13, No. 2 (May, 1993), – P. 109 –118.
173. Groos, K. *The Play of Animals (Studies in Play and Games)* / K. Groos. – Arno Press, 1976. – 341 p.
174. Honneth, A. *Das recht der freiheit: grundriss einer demokratischen sittlichkeit* / A. Honneth. – B. : Suhrkamp, 2011.
175. Howe, N., Strauss, W. *Millennials rising: the next great generation* / N. Howe, W. Strauss. - Vintage Books, 2000. – 432 p.
176. Karwat, M., Milanowski, W. *Co konieczne i co możliwe* / M. Karwat, W. Milanowski. - Wydawn. Ministerstwa Obrony Narodowej, 1988 – 296 p.
177. Kertzer, D. *Generation as a Sociological Problem* [электронный ресурс]. / D. Kertzer. – Режим доступа: https://campus.fsu.edu/bbcswebdav/institution/academic/social_sciences/sociology/Reading%20Lists/Aging%20Readings/Kertzer_AnnualReview_1983.pdf
178. Lipset, S. M. *Rebellion in the University (Foundations of Higher Education)* / S. M. Lipset. – Transaction Publishers, 1993. – 372 p.
179. Mahler, F. *Introducere In Juventologie* / F. Mahler. – Bucharest : Editura Științifică și enciclopedică, 1983. – 296 p.
180. Mead, M. *Coming of Age in Samoa* / M. Mead. – NY. : William Morrow and Company, 1928, - 297 p.
181. Mead, M. *Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap* / M, Mead. – NY. : The Bodley Head, 1970. – 128 p.
182. Mendel, G. *La crise de generations. Etude sociopsychanalytique* / G. Mendel – P. : Broché; Petite Bibliothèque Payot edition, 1974. – 272 p.
183. Rosenmayr, L. *Introduction: nouvelles orientations theoriques de la sociologie de la jeunesse* / L. Rosenmayr // *Revue international des sciences sociaux*. – Paris, 1972. Vol. XXIV. Nr. 2. P. 227 – 271.

184. Roszak, Th. The Making of a Counterculture: Reflections on the Technocratic Society and its Youthful Opposition / Th. Roszak. – L.A.: University of California Press, 1995. – 310 p.
185. Stanley Hall, G. Youth: Its Education Regimen and Hygiene / G. Stanley Hall. – BiblioLife, 2008. – 368 p.
186. Stern, W., Stern, C. Psychologie der fruhen Kindheit / W. Stern, C. Stern. – Kessinger Publishing, 2010. – 394 p.
187. Touraine, A. Universite et Societe Aux Etats-Unis / A. Touraine. - Editions du Seuil, 1972.
188. Varela, F.J. Patterns of Life: Interwining Identity and Cognition / F. J. Varela // Brain and Cognition. Vol 34. 1997. P. 72 - 87.
189. Winnicott, D. W. Playing and Reality. [Электронный ресурс] / D. W. Winnicott. – Режим доступа: <http://web.mit.edu/allanmc/www/winnicott1.pdf>
190. Yinger, J. M. Contraculture And Subculture [электронный ресурс] / J. M. Yinger – Режим доступа: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/2090136?uid=3738936&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=21104051123267>